

МИХАИЛ СТАЛЬНУХИН

33 ОТТЕНКА ЗЕЛЕНОГО
Повести

ElMi

НАРВА
1999

"- Наш мужик по натуре - агрессивный оптимист. И поверить, что это он кого-то по пьяной лавочке...- Доктор выразительно чмокнул,- готов всегда и за милую душу. Даже если наоборот, это его кто-то..."

"Болтовня вокруг стремянки"

"Друзья коротали время за немудреными подсчетами. А прикинув, сколько гектаров полов надраено ими за время службы и сколько тонн картошки начищено, сколько посуды перемыто и гимнастерок постирано, невольно пришли к неутешительному выводу: не мужское это дело - Родину защищать."

"Путая причину и следствие, народ пришел к выводу, что везет дуракам и пьяницам. Хотя вторая категория везунчиков в этой формуле счастья - пьяницы - нужна лишь затем, чтобы дать надежду на что-то хорошее в этой жизни и нашей интеллигенции."

"Оптимизм - это даже не жизненная позиция, это диагноз."

"Байки из склепа"

"Да и есть ли такое дело во всем белом свете - не считая, конечно, служебных обязанностей - в которое не вложил бы душу наш человек? Нету такого дела. Птичкой взвивается он в небеса и, от полноты чувств, чирикает мощно. А то и присядет на ухо какого-нибудь бронзового истукана, отдышится и цвиркнет капелькой помета ему на плечо. Знай, мол, наших. И гордо оглядится - все ли видели?"

"33 оттенка зеленого"

Редактор Е.Москаленко
Художник А.Бичков
Издательство ELMИ
All rights reserved.
Типография Narva Tõkk

ISBN 9985-9143-4-1

Болтовня вокруг стремянки

Театральная повесть

Ремонт - он и в Африке ремонт. Ужасен лик его, в квартире ли он затеян, в отдельно ли взятой стране. Выцветшие обои и паутина трещин на потолках - лишь начало, несущее отнюдь не благую весть о его приближении. Затем начинается скрипеть и ломаться все, что может рассохнуться или заржаветь. И вот уже призрак ремонта бродит по квартире.

Подавленное состояние главы семьи, мужчины, на чьи плечи остальные жильцы намерены взвалить все связанные с ремонтом хлопоты, вполне объяснимо. Не меньше других жаждет он перемен, но изо всех сил оттягивает их начало, опасаясь последствий: ремонт в лучшем случае видится ему раввином с тупым ножом в руке, задумчиво разглядывающим крайнюю плоть перед процедурой обрезания.

Потому и отмалчивается глава семьи, мужчина, начисто игнорируя намеки домашних, что, мол, как бы уже и пора... Но - рано или поздно наступит день, когда спозаранку заявится под дверь его квартиры сосед снизу, которого залило в третий раз за последний месяц - и шархнет по хлипкой фанере крупной дробью из дедовой двустволки.

Затем ему, еще попахивающему валерьянкой, в самый разгар рабочего дня позвонит жена и голосом, более похожим на рычание голодного гризли, сообщит, что в гостиной обвалилась штукатурка, расскажет, где в этот момент находилась ее мама, и откровенно поведаст, что нежно любимая теща наговорила о нем, главе семьи и мужчине, после отбытия "скорой помощи".

В обеденный перерыв свергнутый глава семьи и пока еще мужчина включит радио и услышит в городских новостях, что по его адресу из-за жуткого состояния плиты и вентиляции приключился небольшой пожар. В завершение репортажа диктор невразумительно утешит его словами, что, мол, если огонь снова не разгорится, то пожар можно считать потушенным. Так что и говорить-то не о чем.

Но - все против него! Ближе к вечеру в тесном кругу коллег он, забыв, что основное предназначение языка состоит в том, чтобы - если ты мелкая сошка - держаться за зубами и лизать наиболее выдающиеся выпуклости начальственного тела, ляпнет какую-нибудь гадость про свою начальницу, которая, мол, не по возрасту молодится, хотя сама старше солнца - и как раз в этот момент она окажется за его спиной.

Практически бывший уже мужчина, притащится наш герой после всего этого в школу, на родительское собрание, где окажется единственным представителем сильного пола в галдящей стае мамаш. А выслушав горькую правду о своём отпрыске и придя, наконец, домой, после всех потрясений дня глава семьи, мужчина, не найдёт в себе сил сказать "нет" ремонту.

Костя Ярцев, ничем, кроме огненно-рыжей шевелюры, не примечательный парень лет двадцати, зашел в гостиную и на секунду задумался. Ему срочно понадобился прошлогодний конспект по дифурам, но вспомнить, в какую из примерно десятка поставленных рядом с окном в штабель коробок засунул он эту тетрадь, ему так и не удалось. Негромко чертыхнувшись, Константин снял с верхней коробки горшок с каким-то многолетним растением и принялся изучать ее содержимое.

Несколько секунд спустя щелкнул, остановившись, плеер, болтавшийся у него на поясе. Костя снял наушники и прислушался. Откуда-то от соседей чуть слышно доносилась волшебная мелодия. Костик оглянулся по сторонам и

поежился, увидев привычную, в общем-то, картину: сдвинутые в угол и накрытые газетами шкафы, старую покосившуюся тумбочку в окружении забитых всевозможным барахлом ящиков, несколько ветхих стульев у стены и продавленный диван перед ними, завешенное простыней окно, посреди комнаты - стремянку с пристроенным на одну из ступенек телефоном. Пыльная лампочка на каком-то изогнутом мохнатом шнуре, похожем на гигантскую паучью лапку, чуть покачивалась, и причудливые тени металась по серому потолку и ободраным стенам, падали на висящую в углу икону, на зеркало рядом с дверью и фотопортрет Елизаветы Петровны, Костиной бабушки. И как-то чудно было слушать "Болеро" Равеля в изуродованной ремонтом комнате.

Началось все очень давно, когда Иван Яковлевич, отец Кости, после долгих уговоров затеял ремонт. И не абы какой, а евро. Жизнерадостные маляры пару недель отмывали потолки, сдирали обои. Из-под них на свет Божий вылезали многолетней давности газеты и что-то до боли родное чудилось в пожелтевшем от времени и клея лице бровастого генсека, плящущегося теперь на Ярцевых с каждой стены.

Затем Ивану Яковлевичу пришлось уволиться, денег сразу не стало, и мастера пропали. Какое-то время народонаселение квартиры потерянно бродило по руинам, в которые трансформировалось их жилье, иногда даже порываясь что-то сделать, а потом все постепенно привыкли к новым условиям и успокоились. Лишь Елизавета Петровна иногда начинала вычитывать тестю за царящий вокруг бардак, на что Иван Яковлевич клялся взяться за дело - чем все обычно и кончалось. Хронический алкоголик со всеми его обещаниями уйти с понедельника в глухую завязку просто дух святой в сравнении с человеком, которому навязали ремонт и бросили затем на произвол судьбы.

Из темного коридора послышалось шарканье, и в гостиную, пыхтя и отдуваясь, вошла Елизавета Петровна. В руках, стараясь держать ее подальше от себя, она несла коробку, содержимое которой разглядывала с нескрываемым отвращением. Елизавета Петровна как раз с облегчением пристроила свою ношу на стремянку рядом с телефоном, когда Костик заметил ползущего по стене таракана и прихлопнул его тетрадь, которую в это время перелистывал. Похожий на выстрел звук заметался по комнате. Елизавета Петровна побледнела и схватилась за сердце.

- Привет, баба Лиза! - заметил ее Костик.

Елизавета Петровна обернулась на голос и со вздохом перекрестилась:

- Ох, гос-с-споди!

- Мне, конечно, чрезвычайно лестно такое обращение, но он там,- кивнул на покрытую пылью икону Костя.- По какому случаю паника?

- Чуть не померла щас с перепугу,- нещадно дарьяля глазками поделилась с внуком бабушка, на что Константин склонился в дурашливом поклоне:

- Позвольте вам не поверить, мадам. Со времен сопливого своего детства помню, как в зоопарке тигр забивался в конуру и не показывал носа, пока мы с тобой не отходили от клетки. Вместе с черствой булкой, которую ты хотела полосатому скормить.

Костя брезгливо, двумя пальцами поднял с подоконника окаменевшую горбушку и легонько стукнул ею по стеклу.

- И скормила бы, не будь между вами решетки - уж я то знаю. Кто ж отважится посягнуть на такого человека?

- Ну - вылитый папаша! - всплеснула руками Елизавета Петровна.- Что ему, что тебе - только б похихикать над чужой бедой.

Костик изобразил сочувствие:

- Да я серьезно. Стоит уехать на пару дней - и тут же начинаются... события... Что случилось-то?

- Дай отдышаться. Уф-ф...- обмахивалась ладонями Елизавета Петровна.- Твой отец вчера в первый раз за чуть ли не десять лет из дому вышел!

- Ого!

- Да! Сбрил бороду - и пошел себе. Уж я-то испереживалась! Ох, думаю, пропадет! Ведь как с работы турнули - ни шагу за порог. И даже телевизор не смотрел все это время - только книжки свои дурацкие перечитывал... Ну что он знает о жизни-то?!

- Это называется пассивный протест против действительности,- заметил Константин.

- Уж не знаю, пассивно или как, а последние пять лет на мою пенсию прожил без всяких протестов. И вдруг - бац! - ни с того, ни с сего пошел прогуляться.

- Это действительно интересно,- согласился Костя.

- Во-во! Сперва, правда, газетками заинтересовался. Желая, говорит, вникнуть в правду жизни. Ну, я ему из шафрейки целую кучу притащила...- похвасталась Елизавета Петровна, указав на лежащую около дивана солидную кипу газет. Константин пригляделся:

- Так это ж макулатура! Этим газетам лет восемь будет.

- Ну и что? Он и тогда уже их не читал,- резонно возразила Петровна.- Так что пошли за милую душу! Вот... А после обеда отправился он, значит, прогуляться. И такой веселый возвратился! Скоро, говорит, у нас все наладится... И с деньгами, и вообще... Придумал он чего-то там. Потом Иван Яковлевич сел ужинать...

- Да, тут есть чего испугаться,- заметил Костя.

- ...а сметаны-то нету! - повысила тон баба Лиза, добавив в голос трагизма.- Он, Иван Яковлевич то есть, еще говорит, что, мол, гости сегодня могут пожаловать, с которых наша жизнь меняться начнет чуть ли не в момент. Я и побегла в гастроном. Ну, а после магазина дай, думаю, домой позвоню, может еще чего надо прикупить. Темно уже на улице, вот мне и показалось, что в будке телефонной никого нет. Открываю дверь, лезу - а меня будто выпихивает кто.

- Нечистая сила? - хмыкнул Костя.

- Вроде того. Мне, дуре, нет чтоб уйти - стою, воздух щупаю,- Елизавета Петровна показала, как она это делала.

- Вдруг вижу - в темноте над моей головой зубы - белые-белые! - и такие же глаза в воздухе висят без ничего,- Петровна подняла руки, пальцы каждой свела в кружок и зачарованно уставилась в получившиеся предполагаемые "глаза".- И на меня нехорошо так пялятся...

- Прямо Хичкок! - хмыкнул Костя.

- Какой еще "чпок"! - возмутилась его бабушка.- Мужик оказался! Негр, правда, да еще во всем черном. Вот я его и не разглядела сразу-то. Так сердце из-за пазухи чуть не выскочило!

Константин снова принялся перебирать тетради:

- Негры в наших широтах птицы редкие, с ними, знаешь, поаккуратнее надо. А, интересно, за какие места ты интуриста потрогать успела? - поинтересовался он.

- Да никакой он не турист оказался, а наш, слава Богу, человек,-

вздохнула, присаживаясь на табуретку, Елизавета Петровна.- Так меня по матушке послал, что любо-дорого.

- Дожили,- не особенно вдумываясь в слова, произнес Костик,- негры матерятся.

- Да он, в общем-то, матом не ругался. Он, вообще-то, матом говорил,- закончила свою печальную повесть Елизавета Петровна. К этому времени она отдышалась, успокоилась и принялась стирать пыль со своего портрета. Раздался телефонный звонок, она взяла трубку.

- Что еще за сауна? - возмутилась она через несколько секунд, выслушав собеседника.- Да, телефон наш... Ну и что? Да - и адрес... Ага... Ну, запоминай: если встанешь лицом к дому, то слева будет правый подъезд, а справа - левый,- баба Лиза немного помолчала.- Ты, парень, откуда такой дремучий на мою голову навязался? Сам-то небось из деревенских будешь?

Костя недоуменно прищурился, оторвавшись от поисков конспекта:

- Я?

Елизавета Петровна махнула на него рукой, в которой Костя заметил свежую, не в пример валяющимся у дивана, газету.

- Право-лево понимаешь? Ну, ложку ты в какой руке держишь? - продолжала бабушка.- Молодец. Но ты туда не ходи, наш подъезд как раз средний будет, аккурат промеж крайних... Их всего три, не перепутаешь. Дверь там еще имеется, вот прямо в нее и... Она только с виду вроде как запертая, но замок оттуда еще в позатом году уволокли. Что?! Сам такой!.. Сам ты сволочь!.. Сам ты карга старая!.. - Елизавета Петровна с силой брякнула трубкой и принялась обмахиваться газетой.

- Дай посмотреть, чего в прессе новенького,- попросил Костя,- мне там кое-что проверить надо...

- Потом - сама еще не читала. Это вот Кузьминишна с первого этажа завтрашнюю уже газетку принесла. Глянь, говорит, объявления. А у самой глаза добрые-добрые!

- Так вы что - помирились? - удивился Костя.

- Да с ней разве поймешь? - засомневалась его бабушка.- Вот, скажем, на Пасху полезла она ко мне в храм христосоваться. Вся в своем леопёрдовом пальто.

Елизавета Петровна брезгливо поджала губы, демонстрируя свое отношение к столь несерьезной, неподходящей для посещения церкви одежде.

- Ну, прикидываю - дела-а-а, не иначе как зрение совсем потеряла сколопендра эта! А потом Иисуса нашего Христа вспомнила, как он Иуду-то целовал - и с меня, значит, думаю, ничего через эту заразу не убудет. Чмокаю Кузьминишну в щеку, а она, интриганка беззубая, мне в ухо шепелявит: чего, мол, ты, как путанка какая разоделась, голые коленки выставила, в храм ведь все-таки пришла. А на мне юбка чуть не до пят! Так я расстроилась! Что ж, говорю, коза ты бешеная, в святом месте язык распускаешь!?

- Что, и драка была? Или так разошлись? - спросил хорошо знающий свою бабку Константин.

- Бог правду видит. Дьяк рядом оказался, не допустил до греха-то. Так Кузьминишну крестом приласкал, что любо-дорого,- довольным тоном закончила Елизавета Петровна.

- А тебя? - допытывался Костя.

- А я увернулась,- перекрестившись, закрыла тему Петровна.

Костя нашел-таки нужную тетрадь и вышел из гостиной, бросив на ходу:

- Если что - мы с Алиской в моей комнате. У нас завтра зачет, так что понапрасну не дергай.

Оставшись одна, Елизавета Петровна присела на стремянку, развернула газету и близоруко всмотрелась в текст.

- Что ж тут, интересно, такого? - бурчала она тихонько себе под нос.- Так: продаются щенки сенбре... сенве... ага! ветеринара! Щенки ветеринара - это ж надо! Оптовым покупателям - сверх 25 килограмм - скидка. Нет уж, ешьте сами! А тут?.. А это что?!

Елизавета Петровна, неспешно просматривавшая объявления, вдруг замерла. Не веря своим глазам, она медленно, шевеля губами и ведя пальцем по тексту, перечитала его про себя. Затем повторила его вслух:

- "Сауна для любых мероприятий, место встреч. К вашим услугам красивые, без комплексов девочки". Господи - наш телефон! И адрес! Ну, зятек, спасибо, удружил! Столько лет монахом на диване провалялся - и додумался! Так без чего, говоришь, девочки?

Петровна еще раз прошла глазами по газетному тексту.

- "Без комплексов"! Безо всего, значит... Непотребство то какое! А я и думаю - чего это мужики с ума посходили. Звонят и звонят... А тут вот, значит, как! Сауна! - пенсионерка призадумалась:

- Девки голые забродят...

Вдруг ее осенило:

- Они, может, еще и мыться у нас собираются?! Да это ж просто публичный дом какой-то получается, а не квартира!

Разъяренная Елизавета Петровна резко повернулась и опрокинула на пол коробку, которую незадолго до этого поставила рядом с телефоном. Тут же ее подняла и принялась озадаченно рассматривать содержимое.

- И Константин туда же...- бурчала Петровна.- Жениться балбесу пора законным порядком, а он все гадюк в дом таскает...

Быстро убрав газетку в карман, она вытащила из коробки за хвост сначала одну змею, потом другую.

- Айн... Цвай...- сосчитала она их почему-то по-немецки. Затем пихнула извивающихся змей назад в коробку, закрыла ее и принялась оглядывать комнату, особенно пристально всматриваясь под диван.

- Где ж третья-то? - вслух соображала Елизавета Петровна.- Вот уж послал Бог родственничков...

2

Снова зазвонил телефон.

- Алло!.. Кого? Хозяина?.. Он еще ужинает. Больно долго? А чего и не посидеть, коли зубы имеются,- огрызнулась Елизавета Петровна, весьма решительно заканчивая разговор.

А в гостиную, помешивая ложкой в дымящейся чашке, уже входил Иван Яковлевич Ярцев, ее зять, слегка, против своего обыкновения, навеселе. Застиранный голубого цвета футболка плотно облегла его выпирающий из мятых брюк круглой животик, плотно охваченный полосатыми подтяжками.

Пристроив чашку на какой-то ящик, Ярцев мимоходом сорвал со стены кусок обоев и вытер им руки. Затем, посмотрев в спину своей теще, увлеченной поисками третьей змеи и еще не подозревающей о его присутствии, ухмыльнулся и громко щелкнул подтяжками. Елизавета Петровна, елозившая метелкой в поддиванном пространстве, дернулась, как-будто ее ударило током.

- Ох!

- Бум! - мягко произнес ей в затылок Иван Яковлевич.

- Да что ж это такое со мной сегодня творится?..- только и смогла тихо удивиться издерганная событиями дня пенсионерка.

- Во как! - перебил ее Ярцев.- Лизавета-свет-Петровна! То-то я слышу - кто-то мужским басом собачится...

- Спасибо на добром слове! - возмутилась Петровна, с грозным видом опираясь на метлу.

- Да какие счета между своими? - отреагировал Иван Яковлевич и продолжил:

- Н-да, ну вот, слушаю и думаю - не иначе как моя любимая теща своим шершавым языком с кого-то кожу слизывает. Демонстрирует, так сказать, высший пилотаж в ступе.

Ярцев сопроводил последние слова легким пинком по метле. Елизавета Петровна, оказавшаяся после этого, как взаправдашная ведьма, верхом на своем инструменте, в приступе негодования моментально забыла о возмущившем ее газетном объявлении.

- Вот и корми вас после таких обидных слов! - заверещала она.- Никакого уважения к моей печальной старости! С вами сто раз на дню пожалеешь, что на пенсию ушла.

- Уж конечно, на фабрике почета было - невпроворот! - сыронизировал, присаживаясь на диван, ее зять.

- А то! - разошлась Елизавета Петровна:

- Вкалываешь, конечно, как проклятая. Но все это видют - и ценют! В пол-седьмого к станкам прилепилась, в четыре отошла - и все это время не разгибаясь, как каторжная! Слесарь мой, помню, как-то с похмелья ляпнул, что ему, на меня глядя - как я, значить, промеж станков мухой летаю - застрелиться хочется.

- Интересно, что бы он сказал на моем месте? - картинно призадумался Ярцев.

- Ты это о чем? - поддалась на провокацию бывшая ударница.

- Дак ведь он с вами, Елизавета Петровна, бок о бок только работал, а я-то живу!

- Грубый ты человек, хоть и образованный! - закручинилась Петровна.- Вот помру с тебя - натерпишься. Не обгладывал ты еще кору с яблонь, как голодный заяц зимой...

- Народу угрозами рот не заткнешь! - шутливо рявкнул Ярцев. И добавил:

- Лучше дай ему выпить и закусить.

- Пустомеля! - плюнула в сердцах его теща.- Да с тебя народ, как с тертой морковки... это... - кочерга! - высказалось она, невербально демонстрируя нечто, не тянущее по размерам и на четверть самой маленькой кочерги.

Пенсионерка разошлась не на шутку и Иван Яковлевич понял, что слегка перегнул палку.

- Ну, извиняюсь! Mea culpa - мой грех! А ужин, кстати, сегодня на славу...- подольстился он. Но Елизавету Петровну это нимало не тронуло.

- Уже поняла. Думала, так и заночуешь у кастрюли. С пельмешком во рту.

С этими словами Елизавета Петровна вновь принялась нервно тыкать метелкой меж коробок. Не на шутку обидевшись на зятя, она теперь никак не могла вспомнить, что хотела с ним обсудить. Ярцев наблюдал за ней с

некоторым беспокойством.

- Чего-то мне надо было тебе сказать...- боролась со своим склерозом Елизавета Петровна. Ярцев, подняв брови, довольно неправдоподобно изобразил готовность к беседе. Но, так ничего и не вспомнив, Петровна просто сменила тему.

- Ремонтом когда займешься? - язвительно поинтересовалась она. Ярцев в ответ добродушно пожаловался:

- Что-то я замечаю - как поем, так сразу хуже слышу.

- Больно много жрешь! - сказала, как отрезала, Елизавета Петровна.- Так и оглохнуть недолго.

Комнату снова огласил звон телефона.

- Все ваши речи, мама, в мраморе высекать надобно, в назидание потомству,- глубокомысленно заметил Иван Яковлевич вслед оскорбленно поджав губы выходящей из гостиной Елизавете Петровне. Затем подошел к телефону и, взяв трубку, довел свою мысль до конца:

- На кладбищенских обелисках. Тогда каждому, кого вы в гроб свели, как раз по три слова и достанется.

Телефонная трубка ответила на это возмущенной тирадой. Ярцев прислушался и затем перебил собеседника:

- Да нет, это я не вам... А с кем, собственно... Кого надо? Ах, девочек...- Николай Яковлевич немного удивился, но тут же, следуя выработанной годами жизни в одной с тещей квартире привычке принялся куражиться над собеседником:

- Есть, как же им не быть. Даже одна лишняя. Но вам она не понравится...- и, посмотрев на портрет тещи, добавил,- ...определенно.

Ярцев небрежно повесил трубку, взял остывшую уже чашку и принялся, звякая ложкой, помешивать. Затем, оглянувшись на дверь, воровато достал из-под кучи хлама бутылку и долил из нее свой напиток. А после недолгого раздумья сделал еще солидный глоток прямо из горлышка.

3

Идиллию нарушила Алиса, застенчивая девушка в умопомрачительно коротком платье. Заметив Ярцева, Алиса смутилась и ойкнула. Иван Яковлевич, пряча за спину бутылку, обернулся и облегченно вздохнул.

- Алисочка, ты прелесть,- и тут же принялся с интересом разглядывать ее наряд.- А какой прикид!

- Правда ведь - ничего? - обрадовалась девушка. Ярцев с видимым удовольствием оглядел ее еще раз и убежденно заметил, делая второй глоток из бутылки:

- Для человека с воображением - даже лучше, чем ничего.

В проеме двери показался Костя и остановился, прислонившись к косяку.

- То, что ты на ней видишь - это, кстати, брючный костюм,- меланхолично заметил он.

- Да ну?!- удивился Николай Яковлевич.- Значит, у меня что-то с глазами.

- Да нормальное у тебя зрение,- с некоторой горечью в голосе возразил ему сын,- просто эта идиотка забыла надеть нижнюю половину.

Ярцев снова полюбовался Алисой.

- А мне даже нравится... Алисочка, ты его не слушай: ничего нынешняя молодежь не понимает в красивой жизни.

Костик разозлился.

- Нет, ты представь: четверть девятого утра, народ собрался в круговой аудитории, дремлет себе... Тишина, только аспирант с кафедры, наш лектор, как дятел, по доске мелом...- для наглядности он постучал по косяку монеткой.- И тут появляется она!

Обладавшему именно что живым воображением Ивану Яковлевичу тут же показалось, что комната погрузилась во тьму. Неприглядные стены растаяли во мгле, не стало границ, появилось ощущение бескрайности. Где-то блюзово взвыла и тут же перешла на хриплый страстный шепот гитара. Вспыхнули и скрестились прожектора, взяв в перекрестье стройную фигурку. Алиса чуть постояла, затем, переступив с ноги на ногу, под спокойную, но зажигательную мелодию, пошла, покачивая бедрами, по освещенной полосе.

- Идет себе, ничего не замечая,- голос Костика, которого Николай Петрович как-будто и не видел, был преисполнен горечи. Алиса тут же доказала обратное.

- Ой! Сысоев жевачкой подавился, из последних сил хрипит, бедняга...- промурлыкала идущая как по подиуму красавица.

- Что дура набитая - всем известно,- вновь донесся до Ярцева идущий из полной темноты голос сына.

Не обращая ни малейшего внимания на его слова, Алиса громким шепотом продолжала комментировать происходящее вокруг нее:

- А Ленка Зотова губу прикусила... Аж до крови...

- Но ведь даже у мини должны быть пределы! - не сдавался голос Кости.- В смысле - какие-то видимые размеры. И нижний край желательно опустить хоть на двадцать сантиметров ниже копчика. А тут...

Ярцев как-будто воочию увидел, как Алиса замирает в позе манекенщицы, элегантно поворачивается и идет в обратную сторону.

- Всю мужскую половину группы аж парализовало. Нет, наша Alma Mater видывала, конечно, и не такое, но уж больно неожиданно все произошло...

- На такие сюрпризы они нас обычно и ловят, сынок,- поддержал Костю Николай Яковлевич:

- Вроде пустяки - каблучки-чулочки-бретелечки - а бьет наповал.

- Точно! - поддакнул ему из тьмы голос сына.- Чистой воды браконьерство. Во - и аспирант чуть шею себе не свернул, пишет формулу, глядя куда-то вниз и в сторону.

- И пишет-то уже не на доске, а на стене рядом с ней...- продолжала мырлыкать Алиса.

В следующий момент наваждение рассеялось, как будто кто-то включил в гостиной свет.

- В общем, полный фурор! - подвел итог Костя.- Слава Богу - белье не забыла одеть!

Ярцев тонко улыбнулся:

- А какой шок ждет их завтра, если Алиса опять придет на занятия в этом костюмчике!

- Точно! - сообразил и заухмылялся Константин.

- Какой такой шок? - удивилась Алиса.

Костя возмутился:

- Ты что, и завтра собираешься заявиться на лекции..? - не договорив до конца, он энергично провел ребром ладони по тому месту на своем теле, на котором в классическом древнегреческом варианте мог бы быть фиговый листок. Ярцев объяснил Алисе слова сына:

- Он хочет сказать - пардон - без штанов.

- Ух, как ты мне надоел со своими причитаниями! - возмутилась Алиса. Ну торопилась я утром, то-ро-пи-лась! Иван Яковлевич, ну чего он вечно придирается?

- Точно! По пустякам! - посочувствовал ей Ярцев. - Хотя... Родители тебя произвели на свет красивой, бабушка воспитала доброй. Самой осталось только ума набраться - так ты уж не тяни с этим.

- Согласитесь, Иван Яковлевич, что мне досталось самое тяжелое, - убежденно заявила Алиса.

- Труд и только труд, Алисочка, сделал из обезьяны человека, - продолжал проповедь Ярцев, делая очередной глоток.

- А я что, похожа на макаку? - очень натурально удивилась девушка.

- Съел? - поддел отца Константин. Иван Яковлевич рассмеялся.

- Не ссорьтесь, дети мои! Сегодня я межуособиц не потерплю: вечером предстоит потрудиться и, честно говоря, я рассчитываю на вашу помощь.

Алиса захлопала в ладоши, стала на цыпочки и потянулась кверху стены.

- Чур - я обрываю обои!

Андрей, полюбовавшись черными кружевными трусиками своей подружки, сорвал с окна простыню и швырнул ее Алисе.

- Тогда сначала переоденься, - буркнул он.

Алиса обернула простыню вокруг талии и немного покрутилась на месте, оглядывая себя со всех сторон. После такой примерки она скомкала простыню и бросила ее в Костю.

- Просто неприличное какое-то предложение! - возмутилась она. - Мы ж не в бане, чтоб в простыни заворачиваться.

- Нет, ремонт-то как раз откладывается, - разъярил Ярцев, - потрудиться нам предстоит на, я бы сказал, интеллектуальной ниве.

- А при чем здесь тогда Алиска? - удивился Костя. - Она и интеллект - две вещи несовместны!

- Вот же зануда! - отозвалась на это Алиса и добавила не без задней мысли:

- Иван Яковлевич, а можно мне у вас еще какую-нибудь книжку взять?

- Ах ты моя ласточка! Прочитала-таки Мальштама? - восхитился Ярцев, незаметно подмигивая сыну.

- И не Мальштам он вовсе, а Мандельштам! - гордо заявила не по годам развитая девушка.

Иван Яковлевич умилился:

- Умничка! А книги я вчера вечером в спальню перенес. Кого сегодня возьмешь?

- Пасирака!!! - выпалила Алиса.

- Да-а-а! - с горечью протянул Костя. Но Николай Яковлевич ни капли не удивился.

- Это который Пастернак? Я был почему-то уверен, что именно его. Кстати, кисулька моя, припрячь там, пожалуйста... - снова отхлебнув из бутылки, он протянул ее Алисе. - А то Лизавета Петровна тут больно активно шерудит. Не дай Бог мой коньяк найдет - неделю никто рта не раскроет, все будем о вреде пьянства лекции слушать.

- А не надо было бабу Лизу в понедельник заводить. Кто приписал к ее портрету дату рождения - 1861 год? - тыкая в замазанную надпись на стене, задал риторический вопрос Костя.

- Хорошо, сынок, я тебе отвечу - как родному. Но сначала ты мне поведай, в какую светлую голову пришла мысль приписать к этой дате "до нашей эры"? - Иван Яковлевич ткнул пальцем чуть ниже.

- Убедил - вопросов больше не имею,- согласился с отцом сын.

- А у меня, кстати, есть один,- продолжил тему Ярцев-старший.- Елизавета Петровна что-то сильно не в духе сегодня. Бродит по квартире эдакий призрак коммунизма на пенсии, змей каких-то поминает... И сама шипит, как гюрза.

- Ш-ш-ш-ш...- очень натурально изобразила гадюку Алиса.

- Во-во! - подтвердил Иван Яковлевич.- Не ко времени это, гости могут пожаловать, а у нас тут такое полустихийное бедствие. Ты не в курсе, что случилось?

Алиса всполошилась:

- Ой, это я вам трех ужиков принесла на время, меня их попросили пристроить...

- Да, а дома ей мать сказала, что никаких новых постояльцев на порог не пустит,- перебил ее Костя,- пока от них не съедет та цыганка с четырьмя детьми, которую Лиска в прошлом году подобрала на вокзале.

- Да-а-а! - поразился даже ко всему привычный Ярцев.

Алиса, поняв, что ее ужам могут отказать в приюте, принялась заискивать:

- Иван Яковлевич, а бутылку вам куда лучше засунуть? В смысле - какие у вас... ну... подходящие интимные места имеются?

- Да-а-а...- протянули хором отец и сын, глядя во все глаза на Алису.

- В спальне то есть,- развила свою мысль девушка. Ни один из Ярцевых ей не ответил.

- Ну вас! - махнула рукой Алиса, выходя из гостиной.

4

Проводив Алису расстроганным взглядом, Иван Яковлевич заметил:

- Уродится же такое чудо!

- Чего в ней такого уж замечательного? - возмутился Константин.

- Простодушие! - мгновенно отозвался его отец.- Причем непритворное. Какой она в третьем классе впервые к нам зашла в гости - такой по сию пору и осталась.

- Школа, теперь институт - одиннадцать лет я ее терплю. Сейчас за убийство столько не дают. Доколе!?

- В идеальном варианте - до самой смерти,- утешил сына Иван Яковлевич.

- А главное даже не то, что Алиса тебя, оболтуса, любит - ты ведь тоже к ней равнодушен - а то, что верит без оглядки. Поживи с мое - поймешь, что в женщине это самое привлекательное. При соответствующей внешности, разумеется.

- Какой-то ты сегодня...- покрутил в воздухе пальцами Константин.- Баба Лиза сказала, что ты вчера наконец-то вышел из дому. Что, работу нашел?

- Лучше! - воскликнул Иван Яковлевич, сел на первый попавшийся ящик и кивнул Косте на стоящую рядом тумбочку.

- Короче говоря, появилась у меня идея, как нам наши дела поправить.

В это время за спинами Ярцева и Кости, незамеченная ими, появилась Елизавета Петровна. В руках она держала газету и, судя по выражению ее лица,

вспомнила, о чем хотела поговорить с зятем.

- Ты Рукомойникова помнишь? - продолжал Иван Яковлевич. Костя только фыркнул в ответ.

- Ну, конечно, откуда тебе его знать. В общем, был один такой... деятель... Помер недавно.

- Ты только бабе Лизе ничего такого не рассказывай,- перебил отца Костик,- не любит она про похороны слушать.

- Упаси Бог! Она уже в том возрасте...- начал Ярцев мысль, которую довел до конца его сын:

- ...когда собственная смертность воспринимается человеком очень болезненно. Ясно! Проехали!

- Вот новости! - поразила Елизавета Петровна.- Возраст им мой не того!

- В общем, встретил я вчера одного старого знакомого... по тем еще временам...- невнятно пояснил Иван Яковлевич,- ...когда ум, честь и совесть заменяли зрение.

Чувствовалось, что Ярцев все больше хмелеет.

- Он и говорит: помер, мол, Рукомойников-то. Ну, когда-то он все больше начальствовал по-мелкому, а в последние годы, оказывается, большой политикой занялся,- объяснял Ярцев, поминутно отхлебывая из чашки.

- Партию, сукин сын, организовал. Там у них, по-моему, все больше дураки собрались, шелупонь разная, но Рукомойников среди них - у-у-у! - самый умный был. И вот поди ж ты, бац! - и загнулся.

- Страсти какие! - перекрестилась Елизавета Петровна, а Костик с едва различимой иронией заметил:

- Просто невероятно.

- Да! - с энтузиазмом поддержал сына пьянеющий на глазах Иван Яковлевич.

- Прожил он всю жизнь заядлым атеистом и даже отпевание на всякий пожарный было какое-то заочное, но поминки прошли вполне цивилизно.

В этом месте он начал кого-то передразнивать:

- "Народу-то было, народу! Класс! Как говорится - с умом похоронили."

Костя постучал себя указательным пальцем по темени:

- С этим? Ясно,- и провел ребром ладони по шее,- обошлось, в общем, без расчлененки? А ты-то при чем?

- Не перебивай отца,- построжал Ярцев,- дело серьезное, большими перспективами пахнет.

- Представляю себе этот запах! - хмыкнул его сын.- Чем, то есть, несет сейчас от твоего покойного Рукомойникова.

Но Иван Яковлевич уже не обращал внимания на реплики сына.

- Вот почему-то считается, что опустившийся человек - это навсегда. Как больная рыба с поврежденным пузырем, которая должна сдохнуть, чтобы всплыть на поверхность. Черта с два! Я еще вернусь. Только другой дорогой.

- Сусанин! - скривилась за его спиной теща.

- Так вот у них там, в партии этой, после смерти Рукомойникова кадровыми вопросами некому стало заниматься. А средств у них всегда не хватало. Ну, подъехали с этим делом ко мне. Вспомнили! За столько лет никто, ни разу...- пригорюнился было Ярцев, но продолжил решительно:

- А я так прикинул, что нечего мне с ними связываться...

- Правильно,- успел вставить свое слово Костя.

- ...организуя-ка я сам под себя партию. Их у нас сейчас, оказывается, немерено,- Иван Яковлевич пихнул ногой кипу газет рядом с собой,- и все в полном порядке. Рукомойников справился, хоть и тупой был временами до ужаса - так неужели ж у меня не получится? - горячился начинающий политик.

- Пап, я что-то не пойму,- озадачился Константин.- Каждый день костеришь эту кодлу, от политиков, мол, все наши беды, а сам теперь...

- Ты, сынок, простотой в маму свою покойную пошел,- прервал его отец.- Вот, помню, в семьдесят восьмом прихожу я как-то домой... В кармане бутылка, на плече,- при этих словах он поднял с пола валявшуюся там простыню и набросил ее себе на плечо,- заводской наш парторг в таком вот состоянии,- он подул на простыню, которая тихонько закачалась,- и прямо на кухню нашу коммунальную, кошками провонявшую... Ну и сообщаю ей, значит, что в партию вступил.

- А она?

- А она и спрашивает - в какую? Представляешь - в какую!? Как-будто было из чего выбирать... Так сосед наш, отставной майор - он там же в кухне торчал и как раз рот блинами набил - чуть не до смерти подавился. Еле откачали.

- Ну и что? Тогда ты к партбилету рвался, чтоб из коммуналки съехать. Одобрить трудно, но можно хотя бы понять. А сейчас-то зачем?

- Неужто не ясно? - поразился Ярцев.- Ладно, объясняю.

Он встал, отхлебнул из кружки и, заметив Елизавету Петровну, ленинским жестом обрадованно простер руку в ее сторону.

- Вот, к примеру, народ. Как он есть необразован и озлоблен от жизни своей заплаканной, то чего ему хочется в первую очередь?

Елизавета Петровна завелась с полоборота:

- Ну, спасибо, зятек, на добром слове... На банку маринованных мухоморов ты уже наговорил. Так чего, говоришь, народу хочется?

- Прямо удивительно вас слушать, Елизавета Петровна,- голос Ярцева звучал с убедительной проникновенностью.- Такая заслуженная из себя вдова - и вдруг какие-то желания. Вы, случаем, замуж не собрались?

Костя принялся насвистывать марш Мендельсона.

- Ты, кажется, плов на завтра хотел? Отварю-ка я макароны! - не осталась в долгу Петровна. В это время в гостиную вошла и остановилась рядом с ней Алиса. Иван Яковлевич продолжил свою мысль:

- Так значит нет? Я исключительно в том смысле интересуюсь, что не родился еще человек, способный в полной мере оценить ваши несомненные женские достоинства.

Елизавета Петровна задохнулась от возмущения.

- А остальное несущественно. Политика - это ведь явление того же порядка, что...- Ярцев оглянулся в поисках примера для сравнения и его взгляд остановился на телефонном аппарате,- ...секс по телефону.

- Как это?

- Вам, Елизавета Петровна, как женщине объяснить или как потенциальному избирателю? - озадачил Иван Яковлевич тещу. Пока та соображала, со своей репликой влезла Алиса:

- Как потенциальной женщине!

- Ну, ладно,- начал Ярцев.

- Клиента... или там клиентку удовлетворяет не тот, у кого... как бы это сказать,- Иван Яковлевич внушительно потряс телефонной трубкой,- потенциал

весомей, его ж по телефону не разглядишь. И плакат предвыборный, что характерно, хоть до дыр зачитывай,- при этих словах он шмякнул ладонью по портрету Елизаветы Петровны,- тоже ни шиша не поймешь, какой индивид в кандидатах гуляет. Хотя даже так, заочно, можно влюбиться. Все ведь зависит от того, как человек языком работает... в хорошем то есть смысле этого слова. Чуток поговорил - лизнул! Чуток поговорил - лизнул! А вот будет он тебе потом, за бесплатно, отвечать взаимностью - что маловероятно - или нет, в точности этого не узнаешь, пока не попробуешь.

- Да кому ты нужен, еще тебя пробовать! - возмутилась Петровна.

- Так уж повелось и не нам менять. В том смысле, что кроме мужа все прочее я могу вам смело пообещать - может сдуру чего и получится. А муж в вашем случае есть полная утопия, могущая привести к кризису доверия ко мне, как политику.

- Пап, есть еще такая вещь, как политическая платформа,- напомнил, ухмыляясь, Костя.

- А как же! - скромно улыбнулся Иван Яковлевич.- Я уже кой-какие мысли набросал, даже прорепетировал выступление.

- Ой, мне так нравится, когда вы что-то рассказываете! Ну, хоть немножко! - заканючила Алиса.

Ярцев приосанился.

- Хотите по жилью послушать? - Ивану Яковлевичу никто не ответил, что он принял за знак согласия.- Вам какой вариант выдать, сермяжно-народный или интеллигентский?

- Нам - что попроще,- приобняв за плечи Елизавету Петровну, заказала Алиса. Ярцев кивнул, откашлялся, стыдливо повернулся ко всем находящимся в комнате спиной и начал, слегка изменив голос:

- Дорогие избиратели! - и сам себя перебил вопросом:

- Ничего, что я так? А то я еще немного стесняюсь...

- Вот если б тебя вообще не видеть! И не слышать... Было б очень даже замечательно,- сообщила Елизавета Петровна.

- Это пройдет,- успокоил отца Костя,- стеснительность, то есть. У всех проходит - и у тебя пройдет.

- Ладно! - Иван Яковлевич достал из кармана и украдкой глянул в какой-то листок.- Дорогие, как я уже заметил, избиратели! Я буду со всей серьезностью момент двигать вопрос о жилищном вопросе. Эта тема нужна как воздух или там как вода, но уже завязла в зубах, несмотря на то, что она вода. Потому что ее окружает стена закрытости с другой стороны.

- Здорово! Как будто по радио выступление депутата слушаешь! - восхитилась Алиса.

- Спасибо! Я категорически благодарен вам за теплую поддержку. И вот, к примеру, наши дома, которые чреватые щелями. Пустые глазницы окон как укор определяют всем - почему этого должен быть? А подвалы герметически закрыты в силу природных своих качеств. Где массово обитают бесхозные элементы несовершеннолетнего возраста и занимаются там неизвестно чем. Чем-то это пахнет старым. И с я буду неустанно бороться за это.

Костик иронически захлопал, но восхищенная Алиса поддержала его просто бурными аплодисментами.

- Еще раз спасибо! Я глубоко достаточно постарался изучить социальное положение семей. Узнать - что нам нужно? Кого мы можем иметь? Оказалось, что увеличилось количество семей, махнувших своих детей на образование в

целом. И появилось малолетних людей с повышенным социальным риском. Все это можно решить, было бы желание. Вот, не помню в какой латиноамериканской стране полицейские просто отстреливают бродячих детей - но что это даст нам? Наш милиционер сам как ребенок в плане владения оружием.

- Давай по жилью! - подал, давясь смехом, реплику Костя.

- Мои оппоненты пытаются заткнуть рот правде, которую я здесь представляю! Но это ж другая палка этого конца! Жизнь такая штука...- заговорил Ярцев доверительным тоном.- Я в общем-то еще недолго пожил, но заметил, что сначала идет такая синусоида...- он плавно повел рукой,- ...потом такая...- и изобразил нечто уже другой рукой.

- К тому же рождаемость катастрофически падает. И уже сейчас необходимо, чтобы в каждой семье было три младенца во имя нашего цветущего будущего.

Иван Яковлевич агрессивно выставил вперед три растопыренных пальца.

- Молодежь об этом думает слабо - так ей надо на это указать! Три ребенка - это, с технической точки зрения, ерунда. Я сам отец и любому дураку объясню, как этого добиться. Но! Как этого должно быть взаимодействовать? - Ярцев сделал многозначительную паузу.- Когда кругом конторы, основанные на не будем говорить каком капитале. Так хорошо это плохо? Вот вопрос, на котором я хотел бы кончить. Может, я и не удовлетворил вас, но тем не менее это так,- закруглился Иван Яковлевич.

- Класс! - высказала свое мнение Алиса. Елизавета Петровна, подобно загипнотизированной курице застывшая в самом начале речи, задвигалась, начала помаленьку оживать.

- Так что вполне можем договориться,- уже обычным своим голосом сообщил Ярцев,- я буду делать вид, что знаю ваши хотелки, а вы - верить, что я знаю, чего вы хотите и что, главное, я за ваши чаяния костями лягу.

- Тьфу! - не выдержала Елизавета Петровна.- Ты лучше объясни, что это за объявление ты в газету дал?

- А что? - не сдавался Ярцев.- Имею право.

Он подошел к стене, поднял с пола небольшую банку и побултыхал в ней малярной кистью.

- Так, мол, и так, Христианская..! Республиканская..! Единая..! Народная партия..!

Ярцев произносил название торжественно, отдельно, одновременно выводя на ободранной стене заглавные буквы каждого слова. Костя подошел поближе и озадаченно уставился на получившуюся аббревиатуру.

- Пап, сокращенно получается ХРЕН...

- ...проводит запись в ряды - и прочие подробности, адрес там, телефон,- продолжал Иван Яковлевич.- Народ, я так думаю, уже сегодня набежит. А название - да хрен с ним,- он кивнул в сторону надписи,- с ХРЕНом, это ничего не решает. Посидим, договоримся, а там уж организуемся, регистрируемся, со временем и спонсорами разживемся - заживем, короче, как люди. А ты говоришь - зачем. Да и, честно говоря, сделать чего-нибудь такого красивого больно хочется. А вдруг и вправду получится?

- Нет, ты мне ответь,- трясла газетой Елизавета Петровна,- здесь-то ты что пропечатал?

Ярцев разозлился:

- Вы, Елизавета Петровна, бываете порой сверх всякой меры утомительны. В ваших советах я и раньше не нуждался - а сейчас тем более.

- Ну-ну! Потом не говори, что тебя не предупреждали,- поджала губы его теща, решительно свернула газету и спрятала ее в карман.

- Как-то странно ты стал выражаться,- озабоченно произнес Костя,- вроде и по-русски, но с жлобским каким-то акцентом.

- Чувствуется? - обрадовался Ярцев.

- Мал-мала, однако, есть.

- Ну, слава Богу! Я уже с парой деятелей вчера-сегодня перемолвился, кое-что выяснил и понял, что в их среду вольюсь без проблем, а вот раствориться в едином экстатическом порыве будет сложнее. Язык у них, понимаешь, такой чудной. Я бы сказал - менингитный диалект русского.

Ярцев ухмыльнулся:

- Один говорит: "Наперво двести тыщ денег надобно, такая вот чисто неутешающая проблема", второй - он раньше культуру речи преподавал - изрекает: "Демократия - это такой большой... вещь... без которого полный... в общем, каюк."

- Вот ведь люди,- влезла в их разговор Петровна,- сразу видать, что домовитые и хозяйственные. И умные вещи говорят - что денюжат надо в семью подсуетиться, и из имущества чего-нибудь капитального приобрести не мешало бы, а тебя хлебом не корми - дай поизгаляться над хорошим человеком. И вот что я тебе скажу...

Ярцев мрачно перебил тещу:

- Уже наговорили вполне достаточно. Видал? Тех с ходу понимает и со всем соглашается. А меня за все годы, что рядом живем, один раз всего поддержала в моих намерениях.

- Это когда ты спяну с крыши прыгать собрался? - поинтересовался Костя.

- Ой! - перепугалась Алиса.

- Вот именно, что "ой!", а я что говорю! - возмутился Ярцев.

- Так он же с зонтом тогда на чердак полез, десантник наш,- лукаво оправдывалась Елизавета Петровна,- а я и подумала, что он у нас дряхлый совсем,- она вытащила из кучи хлама жуткого вида зонт,- зонтик-то... спицы все погнутые - и черт с ним - новый купим. Так ведь не прыгнул же! - с явным сожалением сказала она, пихая зонт на место.

- Кабы вы, Лизавета Петровна, вниз спустились да встали у песочницы,- ударом кулака о ладонь Ярцев дал понять, что речь идет о точке его вероятного приземления,- как я вас о том просил - непременно бы прыгнул.

- Бесстыжий! - только и нашлась Петровна.

Ярцев все больше мрачнел, говорить стал с длинными паузами.

- Как больно ощущать свою не востребованность,- произнес он с горечью. Опять заверещал телефон, к нему направилась Алиса. Монолог Ярцева и диалог Алисы с невидимым собеседником слились воедино.

- И никому-то на самом деле не нужны мои мысли и чувства,- пожаловался неизвестно кому Иван Яковлевич.

- Не беспокойтесь, я возьму! - воскликнула Алиса, хватая трубку. Ярцев вспоминал:

- Как сейчас помню: стою это я на самом краю крыши, собираюсь с духом перед последним шагом...

- Смелее! Алло! Ну же! - прокричала в трубку Алиса.

- Отступать не хотелось. Но, честно говоря, появились сомнения, что смогу полететь больше одного раза...

- Это смотря куда вы намеревались попасть... Нет, хозяин занят... В гости? К нам? Ой, вы знаете, здесь сейчас такой...- Алиса сделала паузу в поисках слова для подходящего сравнения, огляделась,- ...бордель. Это как раз то, что нужно? С какой стати? Я в этом ничего такого замечательного не вижу...

- Именно! - подхватил ее последние слова Ярцев.- И так мне горько стало... Ну почему я живу так, что сам не понимаю - зачем? В чем смысл этого... всего?

- В одежде...- ответила на вопрос неизвестного собеседника Алиса и оглядела себя,- ...то есть почти. А почему вас это интересует?

- А и как же не думать об этом? - загорячился Иван Яковлевич:

- Никак мы, то бишь мыслящие люди, не в состоянии осознать, что только поборов свою пассивность, только взяв в свои руки...- тут он как-бы схватился за что-то невидимое.

- Грудь?! - озадаченно переспросила своего собеседника Алиса.- Вообще-то у меня четвертый номер. Хотя обычно я незнакомым людям такие пикантные подробности по телефону не сообщаю. Вы с ума сошли! Я порядочная девушка!

- Вот они-то и обходятся нам дороже всего! - снова вклинился Ярцев.- Скептицизм и самоедство нас гробят! Жизнь кругом кипит со страшной силой, а мы в пар бесследно уходим, не оставляя по себе никакого следа. И каждое утро, глядя в глаза своему отражению в зеркале, невольно задумаешься - так кто же ты на самом деле?

- Да вы просто сексуальный маньяк какой-то! - решительно оборвала свой разговор Алиса и бросила трубку.

- Ну и знакомые у вас, Иван Яковлевич, просто ужас какой-то,- заявила она. Костя, который молча ухмылялся все это время, заметил:

- Это твой костюмчик - ужас, а народ - он знает, чего хочет.

- Вот ведь весь день звонят и звонят - никакого покою,- попытожила Елизавета Петровна, пытаясь что-то вспомнить. Однако ей это опять не удалось, она махнула рукой и предложила Алисе:

- Что, Лиска, холодно ведь так-то голышом разгуливать? Схожу-ка я тебе из одежды что-нибудь подберу...

В это время Алиса, поправляя волосы, подняла руки. Петровна оглядела оказавшееся на виду нижнее белье и задумчиво добавила:

- Хоть фартук, что ли, дам...

5

Погруженный в свои тяжелые мысли, Ярцев даже не заметил ухода тещи. Константин немного посомневался, затем обратился к отцу:

- Пап, мне надо с тобой серьезно поговорить.

- И одни разговоры кругом,- немедленно отозвался Иван Яковлевич.- Работать всем некогда, а поговорить или еще как-нибудь покрутиться - только давай.

- Мы тут с ребятами недавно пошутили...- не давал себя сбить Костя.

- С чувством юмора тоже напряженка,- размышлял вслух о своем Ярцев.- Помню, зашел я как-то к одному солидному руководителю... И чем, как ты думаешь, он занимается? Штангенциркулем яйца меряет! Тьфу!

Разведя пальцы, Ярцев проиллюстрировал этот процесс на кружке, чем несказанно заинтриговал Алису.

- Жуть какая! А что, от их величины что-то зависит? - спросила она и затаила дыхание.

- Ну дак!.. А как же?! - даже обиделся Иван Яковлевич.- Им, значит, яйца с птицефабрики для работников привезли, ящика четыре, вот он их по калибру и делит - те, что покрупнее - начальству, помельче - работягам.

- А-а-а...- протянула разочарованно Алиса.

- Он, впрочем, и раньше все больше общественной работой занимался...- несколько туманно пояснил Ярцев.- В общем, смотрю - а у него на столе под толстым таким стеклом куча фотографий. На одной он, значит, на фоне каких-то живописных развалин, на другой - загорает под пальмой. В полном...- Иван Яковлевич несколькими пьяными жестами как-бы сорвал с себя одежду,- ...как говорится, неглиже.

- Чудак! Нормальные люди загорают в купальниках. А в этом... как его - неглиже - не жарко на солнце? - поинтересовалась Алиса.

- И на всех остальных фотках опять-таки он, в гордом одиночестве тарашится в объектив. А зашел к нему, например, старый товарищ поинтересоваться вопросом трудоустройства и слышит, что самим, мол, на яйца не хватает. Это как понимать?

Выкрикнув последнюю фразу, Иван Яковлевич довольно агрессивно уставился на сына, как будто ожидая от него возражений. Но терпеливо дожидавшийся паузы Костик упрямо продолжал свою тему:

- Пап, слышь, я про наш розыгрыш. Вовка-то Сысоев не понял, что это просто шутка, обиделся. Он же нас на именины пригласил, на нормальные подарки настроился. А мы с ребятами сбросились, купили по дешевке старый "Запорожец", разобрали его на части... Ты меня слушаешь? - возмутился он, заметив, что отец внимает ему краем уха.

- И неспособен нынешний власть имущий услышать хоть что-то, кроме своего голоса,- отреагировал на вопрос Ярцев.- А главное - не хочет этого. Так спокойней живется.

Константин решил все-таки довести до конца свой рассказ:

- Ну, Вовка-то успокоился очень быстро - надрался и заснул в туалете.

- Так трогательно,- с ударением на втором слоге подтвердила Алиса,- как зайка.

- А мы, пока он там дрых, железо это ржавое сволокли в квартиру - без мотора, конечно, и по новой свинтили,- увлекся рассказом Костя.- Пришлось попотеть, даже мебель двигали. В общем, возвращаются утром Вовкины черепа... то есть, извини, родители, с дачи и видят посреди гостиной автомобиль.

- А к антенне Ленка Зотова вместо флажка свои трусы прицепила,- добавила существенную деталь Алиса. Но Ярцев уже улавливал только отдельные слова.

- Все они, бюрократы, просто легальные трусы,- заявил он с горечью, но очень решительно.- И на смену им должны прийти мы...

- Нелегальные? - восторгалась Алиса.- Ой, как интересно! Можно и мне с вами?

Константин, уже осознав, что отец не понимает ничего из того, что он ему рассказывает, решил все-таки дойти до конца своего повествования:

- Ну вот, родаки заявляются, а Вовка лыка не вяжет, и в гостиной у них неизвестно откуда "Запорожец", а их сын стоит не четвереньках перед этой развалюхой...

- Он, наверное, думал, что ему это снится,- влезла с репликой Алиса.

- ...и по радиатору лбом бумкает, забодать пытается,- закончил Константин.

- Вот именно, что лбом, головой работать надо! - тыча пальцем в висок воскликнул Иван Яковлевич, обращаясь уже к портрету тещи.

- Теперь Сысоев нам всем мстит. Он в газете подрабатывает, так сегодня с утра намекал чего-то... Он, Вовка, такой: пакость какую-нибудь запросто может устроить, у него сейчас мозга только в эту сторону и варит,- дошел до сути дела Костя.

- Вот-вот! - уже к иконе обратился Ярцев.- Обязательно надо искать думающих людей, привлекать к политике, к управлению. И чтоб знали, что такое совесть.

- Вам легко говорить! - возмутилась Алиса.- Вот я, пока Костичек в армии служил, познакомилась с одним крупным предпринимателем.

В это время послышался дверной звонок, на который никто из присутствующих в гостиной не отреагировал.

- У него тогда на центральном рынке аж три лотка было, а совести - ни на грош. Взял меня как-то на толкучку, новую машину выбирать. Так мне там один голубой лимузин...- Алиса в запале кивнула в сторону Кости,- за двенадцать тысяч так понравился!

Из прихожей снова послышался пронзительный звон.

- А он все свое гнет,- не давала себя сбить Алиса,- давай, говорит, еще походим, посмотрим. Пока ходили, его - этого голубого...- опять последовал кивок в сторону Костика,- конечно, купили. Я ему и говорю..! - Алиса энергично артикулировала, но что конкретно она тогда сказала своему приятелю, осталось неизвестным из-за очередного очень длинного звонка в дверь, полностью заглушившего ее слова.

- ...В общем, много чего сказала. А он нагло так отвечает: если, говорит, не заткнешься, куплю вот эту колымагу - и пальцем тыкает,- тут она для наглядности и сама ткнула пальцем в Ярцева,- за полторы тысячи и буду ездить, чтоб тебе стыдно было. Ну откуда у такого совесть?

Ярцев и Костя с подозрением уставились на Алису.

- Ты это о ком? - спросили они хором.

Все замолкли, глядя друг на друга. Тишину нарушил Костя:

- Н-да, поговорили, называется.

Иван Яковлевич, с трудом отходя от своих тяжелых дум, подытожил:

- В общем, ребятки, никуда не уходите. К нам, может быть, уже сегодня кто-нибудь нагрянет... По партийным делам...

- Да запросто! - воскликнул Константин.- Пап, ты хоть что-нибудь понял из того, что я тебе рассказал?

- Честно говоря - нет,- сознался Ярцев.- Но давай об этом позже. Кажется, уже кто-то пришел. И, может, пришел как раз-таки на ХРЕН... Черт! - он оглянулся на намалеванные рядом с зеркалом буквы.- Название надо бы, конечно, поменять.

- Какие-то у меня дурные предчувствия,- произнес его сын.- И баба Лиза неспроста газеткой-то размахивала... Лучше бы нам сегодня дверь намертво заколотить! Или подъезд заминировать.

- Ух ты, здорово! - понравилась эта идея Алисе.- Я тогда у вас ночевать останусь, ладно?

А Иван Яковлевич, решив, что несколько перегнул палку, закрыл прения:

- Откуда такой пессимизм, сынок? Да, конечно, очень разные бывают люди. И не только люди - политики тоже. Но нельзя всех по одной мерке мерить. Пусть к нам сначала люди придут, а там разберемся, что к чему.

Елизавета Петровна, появившаяся в дверях, была настроена очень решительно.

- Кто там над нашим звонком издевался? - поинтересовался Ярцев. Теща ответила подчеркнуто язвительно:

- Подтяжки спрячь - гость пожаловал. Где принимать изволите?

Ярцев оживился, сделал несколько махов руками, приводя себя в порядок.

- Здесь, конечно, в других комнатах еще хуже. Кто такой?

- А вот это мне и самой интересно бы знать,- загадочно ответила Елизавета Петровна.

Иван Яковлевич не стал вникать в подтекст ее заявления.

- Я, пожалуй, быстренько переоденусь,- сообщил он и добавил с ухмылкой:

- Мы, молодые перспективные политики, в любой ситуации должны быть на высоте.

- Смотри, как-бы опять с зонтиком на крыше не оказаться,- бросила ему в спину Петровна, а Костя вполголоса посоветовал:

- Пап! От этого дела,- и щелкнул себя пальцами по шее,- нашатырка хорошо помогает.

Ярцев ушел в спальню, а Елизавета Петровна, Костя и Алиса устали в сторону двери. Оттуда, из темноты коридора, донеслись до них сначала грохот опрокинутого ведра, затем звук разбиваемой бутылки.

- Держи,- Петровна протянула Алисе фартук. После того, как девушка завязала тесемки, пенсионерка scomандовала:

- Поправь волосы! - и когда Алиса подняла руки, с удовлетворением ее оглядев, хмыкнула:

- Ну вот, совсем другое дело!

После этого Алиса подошла к двери и остановилась, напряженно всматриваясь в темноту. После небольшой паузы в дверях появился мужчина. Он тащился на четвереньках, отдыхая после каждого движения. Пиджак на нем был на несколько размеров больше требуемого, в руке какой-то листок. Алиса не замечала неизвестного до тех пор, пока он не уткнулся в ее колени, попытавшись облапать. Девушка с визгом отскочила, с перепугу выкрикнув:

- Стой! Кто идет?

- Глупая ты все же девка, Алиса,- покачала головой Петровна.- Да как же он встанет?

А Костя добавил:

- Алиса, надо так: "Лежи! Кто ползет?"

В это время неизвестный обессиленно рухнул. Появился Ярцев, заметно протрезвевший, уже в пиджаке и при галстуке.

- Это кто? - несказанно удивился он, увидев распростертое тело.

- Тебе лучше знать, твой ведь приятель-то,- изгалялась Елизавета Петровна.- Представь нам товарища. Он-то говорить все одно не в состоянии.

- А как же он, интересно, до звонка дотянулся? - задумалась Алиса.

- Да, наверное, как все они - уперся руками и по стеночке, по стеночке - так и поднялся. А на звонок лбом давил, затейник,- пояснила опытная бабушка.

- Да я его в первый раз вижу! - наконец вышел из столбняка Иван Яковлевич.

Елизавета Петровна нагнулась и вынула из руки неизвестного небольшой листок.

- А это что? - поинтересовалась она прокурорским тоном. Алиса заглянула ей через плечо.

- Слева тут не по нашему что-то написано,- сообщила она,- а справа, через черточку, такое: "Я не знаю русский язык..."

- Он сейчас и с родным-то не справится,- хмыкнул Константин.

Алиса тем временем читала дальше:

- "Скажи, будь хороший, где рынок... пальто... сколько платить... это дорого... сыр..."

- Нормальный экономический туризм...- пожал плечами Костя.

- Ниже, ниже читай! - тыкала пальцем Петровна.

- "Я хочу недорогую девушку..."

- ...плюс насыщенная культурная программа,- иронизировал Костя.- Что еще?

- "Девочка, давай еще раз..."- читала по слогам, с трудом разбирая почерк, Алиса.

- Ненаказуемо! - воскликнул ее бойфренд.

- "Автобус... порт..."

- Мы-то при чем? - не мог сообразить Ярцев.

- А это еще не все.

- Что такое?

Елизавета Петровна мстительно прищурилась:

- Тут рядом с тем, где про девочек, приписан наш телефон. И адрес...

- ...еще название газеты и фамилия...- добавила Алиса.

- ...Ярцев! Это как понимать? - закончила Петровна.

Именно это и пытался сообразить Иван Яковлевич, наблюдая за неизвестным, который пытается ползти за Алисой, куда бы она не двигалась по комнате.

- Иностранец, значит...- задумчиво проговорил он и вдруг его осенило.- Это что же, партии еще нет, а уже намечаются международные связи?

- Круто! - подтвердила Алиса, в очередной раз уворачиваясь от неизвестного.

- Особенно учитывая, как выглядит связник,- подал реплику Костя.

- Нам на это смотреть нечего,- воодушевился Ярцев.- В этом деле главное, что за граница много чего ХРЕНу дать может - в обмен на наши будущие наверняка очень прогрессивные идеи. Костик, помоги.

Отец с сыном подтащили неизвестного к дивану, усадили. Тот, вначале издававший лишь бессвязные звуки, начал икать. Елизавета Петровна с грохотом придвинула ногой к дивану пустое ведро.

- Только учти, что это "много чего" убирать ты сам будешь.

Пристраивавший интуриста головой на спинку дивана Костя брезгливо отворачивался:

- Выхлоп-то какой вонючий, прямо яд!

- Не больно он на интуриста похож,- засомневалась Алиса.

- Не судите опрометчиво,- убеждал ее Ярцев,- политика - дело тонкое.

Может, конспирируется человек, перестраховывается. Идет, понимаешь, на явку, в первый раз да в чужой стране - и выглядеть хочет так, чтоб из толпы не выделяться. Дошло?

- Ох, дошло! - поморщилась Алиса, рукой разгоняя воздух перед лицом.

- Да я не про это! - рявкнул Иван Яковлевич. И продолжил расстроено:
- Но как я с этой чуркой нерусской договариваться-то буду, на каком таком языке?

- А Алиска на что? - подал мысль Костя.

- Да ну? - не поверил Ярцев.- Можешь переводить?

- Запросто! - ответил за нее Константин.- Недавно помогала одной нашей фирме с норвежскими партнерами разобраться. Те предложили свои закупочные цены, несерьезные, конечно. Наш бизнесмен и ляпни: креста, говорит, на вас нет. А Алиска подумала и перевела - вы еще не в могиле. Пришлось, в общем, варягов валерьянкой отпаивать.

- Молодец! Так им и надо, басурманам! - поддержала Алису бабушка.

- Дело в шляпе, камрад! - хлопнул неизвестного по плечу Иван Яковлевич. Тот сполз по спинке дивана, упав лицом в подушку.

- Вот и окрестили,- съязвила Петровна.

- Она и обучать может, как-никак на курсах этим прирабатывает,- добавил информации Костя.

- Здорово! - воодушевился Ярцев.- А за какое время меня, например, натаскать можно?

- От способностей зависит,- начала объяснять Алиса.- Недавно одному чиновнику помогала, его на какой-то культурный форум послали, а переводчика не выделили, и времени всего неделя оставалась.

- Ну и..?

- Заговорил? - удивилась Петровна.

- Не то, чтобы...- замялась Алиса.- С ним особая проблема была - слова-паразиты. Которые на заборах пишут,- пояснила она.

- Которые пишут на заборах, а которые и родную квартиру не пожалеют,- мрачно добавила Елизавета Петровна, скосившись сначала на зятя, а затем - на исписанную стену.

- Так шесть дней тренировались, пока он не стал вместо них английское please использовать,- продолжила Алиса,- на остальное времени просто не осталось.

- Как? Плиз? - переспросил Ярцев.

- Ну ты даешь! Стыдно не знать таких вещей! - влезла в разговор Петровна.- Даже я знаю, что это по-английски "здрасьте"!

- Мы с Алиской его недавно встретили,- продолжал Костя,- так он и сейчас так выражается: "Алиса, говорит, плиз! Ну, говорит, большущее тебе, плиз, спасибо! Никогда, плиз, не думал, что я, плиз, говорит, в моем-то, плиз, возрасте, этим плизовым английским овладею!" Ну чисто Шекспир!

- Нечего издеваться над человеком! - взвилась Алиса.- Заговорить он, может, и не заговорил, но уже улыбался, как настоящий англичанин.

В это время заворочался неизвестный, нареченный Камрадом.

- Зато этот слюни пускает, как наш,- сообщила Петровна.

- Тебе лучше знать,- произнес примирительно Костя, которому все порядком надоело, и предложил Алисе:

- Пошли к зачету готовиться.

- Тут такие события, а ты - "готовиться"! - снова возмутилась его подруга.

- Как знаешь.

Константин взял пару тетрадей, нацепил наушники, и, включив плеер, покинул гостиную. Оставшиеся окружили диван, разглядывая Камрада.

И никто из них не заметил бритоголового бугая в черной кожанке,

появившегося за их спиной.

7

- Что это у вас, в натуре, ворота нараспашку? Нюх потеряли? - раздался от двери гнусавый голос с характерными приклатненными интонациями. Все, кроме Ивана Яковлевича, ошарашенно замерли. Лишь Ярцев сохранил присутствие духа.

- Чем обязаны? - произнес он, с откровенным любопытством разглядывая нового гостя. Тот посмотрел на него тем тяжелым взглядом, которым озирает своих подвыпивших клиентов официант, когда он думает, что за ним никто не наблюдает - и прошелся по комнате.

- В первый раз вижу такую гнилую малину,- мрачно удивился бугай. Проходя мимо Алисы, он хлопнул ее по попке. Затем по инерции собрался проделать то же самое с Петровной, но в последний момент, посмотрев ей в лицо, почему-то передумал и Алисиной попке досталось еще раз.

- У нас, видите ли, ремонт,- застеснялся хозяин.

- И кто кого? - поинтересовался громила.- Ты делаешь ремонт, или ремонт,- он присвистнул,- уделяет тебя?

Пока Ярцев соображал, что ответить, бритоголовый подошел к нему и накрутил на палец его галстук.

- Мужик, это ж, в натуре, запахло,- сказал он.

- Извините, не понял?..

- Объявление в газете твое? - Ярцев кивнул.- Ну вот... Народ в обиде. Такое дело поднимаешь, а авторитетных людей кидаешь, как котов помойных. Гляди, так ведь и на нож поставят,- лениво цедил он свои угрозы.

Говоря, бритоголовый то и дело дергал то головой, то локтем, то коленом. Это отвлекало внимание Ивана Яковлевича, но не пугало, а вызывало неподдельный интерес - такого он еще никогда не видел. Пытаясь подладиться к новому собеседнику, он и сам стал постепенно дергаться, непроизвольно копируя его жесты.

- Может, милицию вызвать? - громким шепотом спросила неизвестно у кого Елизавета Петровна, пятясь к двери.

- Лучше, по-моему, сразу "скорую помощь"...- ответила ей Алиса, продвигаясь в том же направлении. Обе тихонько вышли в коридор, где прямо около двери остановились, наблюдая за происходящим в гостиной.

- Ты ж не отморозок, дед, понимать должен - так дела не делаются,- тянул слова бугай.- У нас ведь по совести как: хочешь авторитет заработать или монету огрести - поделись с хорошими людьми. Ты нас не забываешь - и мы тебя в обиду не дадим.

- Это крайне интересно! - с энтузиазмом воскликнул Иван Яковлевич.

- Он что, не понимает, с кем имеет дело? - поражалась в коридоре Алиса.

- Только не лезь! - громким шепотом предупредила ее Петровна. И злорадно добавила:

- Пусть их поговорят!

- Я как раз глубоко задумался, как наладить связь с общественностью, познакомиться, так сказать, с нуждами широких кругов населения - а тут и вы! Весьма кстати, молодой человек, весьма кстати,- радовался Ярцев.

- А ты, дед, деловой, сразу врубаешься. Это хорошо - сработаемся,- одобрил бугай его линию поведения.

- Так это ж в моих интересах, как же иначе...

- Не скажи, иногда такие тупари попадаются,- при этих словах бритоголовый тяжело вздохнул, достал из стоящей рядом коробки утюг и в шутку прижал его к животу Ярцева, который вздрогнул от прикосновения холодной железяки,- прям употеешь, пока договоришься. Ну чо с ним сделаешь - хотит без крыши жить и всё тут!

- Не может быть! - не поверил Иван Яковлевич.- Как же это - без крыши? Просто нонсенс какой-то!

- Чо? - не понял гость.

- Я долго размышлял и пришел к определенной концепции социальных и экономических взаимоотношений, гарантом которых должно быть государство,- поперло из Ярцева.- Поставив примарной целью легитимность. Это понятно?

- Ну? - почти угрожающе пробубнил его собеседник.- Чего тут не понять-то?

- И в мою схему никак не вписывается отказ от крыши! Человек без крыши никак не может быть равноправным членом процветающего общества. А на чью помощь он, собственно, рассчитывает? - хитро прищурился Иван Яковлевич.

Бугай от обилия непонятных слов впал в задумчивость и это непривычное состояние ему явно не понравилось. Снимая раздражение, он еще раз прошелся по гостиной.

- А это что за пьянь подзаборная? - заметил он Камрада, взял его отработанным движением за шкурку, привычно вздернул и как-будто сразу повеселел. Камрад свисал с его руки, как тряпка.

- Спустить с лестницы? Нам это раз плюнуть.

- Нет, нельзя же так...- засомневался Ярцев.

- Почему это нельзя? - удивился бугай.- Я ж так, для души, за бесплатно...

- Нельзя, потому что... Ну - нельзя...- страдал Иван Яковлевич.

- Не по'ял? - вроде бы даже обиделся бритоголовый.

- Западло! - внесла из коридора ясность Алиса.

- А-а-а, нельзя... Так бы сразу и сказали,- поскучнел бугай, отпуская Камрада. Тот снова повалился на диван.

- Ну, лады, давай тогда по бабкам сладимся - и я отваливаю.

- По бабкам? Да у нас вроде одна только...- кивнул на Петровну озадаченный Ярцев.

- Ну, эту старушенцию ты разве что на кладбище клиенту сдашь, да и то в сильно туманную ночь.

Оскорбленная Елизавета Петровна яростно засопела.

- Иван Яковлевич, он имеет в виду деньги,- пробормотала из коридора Алиса,- бабки - это деньги...

- Уже деньги? - приятно удивился Ярцев и польщенно заулыбался:

- Что ж, это весьма кстати... Да я, вроде, еще не заслужил, не заработал...

- Ништяк, щас прикинем. На какой кусок косишь? - бугай достал из кармана калькулятор, потыкал в него пальцем, потряс, приложил к уху, снова потыкал. Затем разочарованно пихнул хитрую машинку назад в карман.

- Я что делаю..? - не понял Ярцев.

- Дед, ты чисто неграмотный. Мне братва поручила тебя подписать по мелкой, на десять кусков всего, так что не отпрыгивай. Сколько девок крутить будешь? - задал он вопрос по существу.

- Да я, собственно... Намеревался, конечно, всерьез этим заняться, но не понимаю, почему мы только о девушках говорим,- озадачился Иван Яковлевич.-

Неплохо бы в организации иметь молодежь и женского, и мужского пола.

- Круто! Я, как зашел, сразу просек, что ты тот еще хитрован,- заухмылялся бугай.- А этим сральником,- он повел по гостиной тупым взглядом,- только прикрываешься.

- Боюсь, что...

- Не крути! В нашем городе голубых еще ни одна контора не обслуживает, так что клиент к тебе косяком поперет.

- Так это ж прекрасно! - воскликнул Ярцев.- Я считаю, что наша основная сила должна быть в массовости. Мы должны дотянуться до каждого человека, каким бы он ни был, голубым или розовым!

- Во дает! - сморщился бугай.- Ты прям простой, дед, как не знаю что... А если чувак не при монете - так на кой ляд он тебе сдался?

- Вот она, нынешняя молодежь,- расстроился Иван Яковлевич,- прагматичность для вас на первом месте, корысть. А мыслить надо в перспективе! Пусть сегодня к нам придет не очень то обеспеченный человек, но ведь завтра он...

- По'ял! - обрадовался гость.- Раскрутится и заплатит по счетчику?

- Ну, можно, наверное, и так сказать. Да ведь и не в деньгах счастье! И без этого каждый сможет прийти в наш коллектив и вложиться в общее дело - не деньгами, так чем-нибудь другим.

- Уж это не сомневайся! На халяву к тебе такая толпа сбежится - мало не покажется. Я и сам по жизни рыбак... И - как это ты говоришь? - бритоголовый сделал руками движение, как будто резко натянул поводья,- вложатся на всю катушку. Да на такое я первый подпишусь. И братков приведу.

- Вот видите! Так и пойдет. А там, глядишь,- хозяин лукаво посмотрел на гостя,- кто-то начнет и деньгами помогать.

- Не, ну я пока так похожу...- забеспокоился бугай.- Ты ж сам предложил.

- Ничего-ничего! Это я так, к слову. Хотя над кассой пора уже сейчас задуматься.

- Золотые слова! Братва ведь на чем стоит? - блатняк поучающе задрал к потолку палец. А Ярцев живо заинтересовался чем-то на его руке.

- Да-да-да...

- На общаке! Я отстегнул, ты отслонявил - вот тебе и живая копейка. А потом пригодится. Залетишь ты, например, со своим делом, а свалить не успеешь...

- Непременно, непременно! - поддакнул Ярцев.- Я полагаю, что совместными усилиями мы в такие высоты подняться можем! Аж до парламентской скамьи!

- Какой? Ментской? - не расслышал последние слова бугай.- Не, от ментовки лучше держись подальше. Знаю я их скамейки! Нары - они нары и есть! Но если придется там очутиться - вспомнишь ведь своих корешей? - ткнул он себя пальцем в грудь.

- Честное благородное слово - никого не забуду, каждого пристрою поближе к себе,- прижал руку к сердцу Иван Яковлевич.

- Ты, дед, прям дурик рваный! - перепугался бритоголовый.- Залетишь - оглохни и язык прикуси. А то свои же и попишут на фиг! - закончил он, при последних словах резким размашистым движением руки как бы перекрестив Ивана Яковлевича невидимым ножом.

- Такие скромные? - приятно удивился Ярцев.- Даже не верится.

- Зуб даю - попишут! - повторил свой жест бритый.- В клочья порвут и в

параше утопят!

- Что вы говорите!? Хорошо, согласен,- сразу дал себя уговорить Ярцев.- Если вы так считаете, то я могу там,- он многозначительно посмотрел в потолок,- и один вас представлять, даже с удовольствием.

- Ну вот, другое дело,- успокоился бугай.- А уж корефаны при таком раскладе тебя сами вспомнят и подбросят на табачок... Или хлеборезом на зоне пристроят.

Что этим подразумевает собеседник, Иван Яковлевич не понял и замусолил интеллигентское:

- Да мне прямо неудобно как-то...

- Пустяки! Главное, чтоб у тебя девки толковые были,- вернулся к основной теме гость.

- Ну вот опять! Я, конечно, понимаю, дело молодое, но что-то больно часто вы в женский вопрос упираетесь.

- А то! Обижаешь, дед. Я кроме как в женский... этот...- бугай описал руками нечто округлое,- ...вопрос ни во что другое упереться и не подумаю.

- И много таких, как вы? - поинтересовался Иван Яковлевич.

- Пока большинство.

- А может действительно,- прищурился, изображая работу мысли, Ярцев,- организовать группы поддержки из девушек - раз уж вы так этого хотите. Из активисток. А?

- Молоток, дед! - обрадовался бритоголовый.- Я, скажем, выдохся, а тут - бац! - целая группа поддержки. Ну, подержали там, чего надо, и снова я как огурчик, только давай.

- Подумаем, подумаем...

- Но! - произнес многозначительно гость.- Такой бизнес в одиночку не делается. Побазарь с людьми, возьми кого надо в дело - иначе сдохнешь.

- Н-да... Люди нужны... Молодые, энергичные,- при этих словах Ярцев оценивающе оглядел своего собеседника и спросил:

- А вот вы, к примеру, в вашей организации чем занимаетесь?

- А ты знаешь, дед, что бывает за такие вопросы?! - моментально завелся бугай. Он отгеснил Ярцева, взяв его за грудки, в угол и принялся, угрожающе бубня, что-то ему объяснять.

- Сейчас все разнесет...- прошептала Алиса.

- Давай хоть вещи вынесем. Потихоньку... Что поценнее...- предложила Елизавета Петровна.

- А Иван Яковлевич? - спросила Алиса.

- При чем здесь он? Я ж говорю - что поценнее! - отмахнулась от нее любящая теща.

Алиса на цыпочках проскользнула в комнату и сняла со стены зеркало. Но оно оказалось слишком уж тяжелым, и девушка пристроила его на диван, рядом с Камрадом. Тот от толчка проснулся, вяло заворочался. Заметив зеркало, Камрад принялся уныло разглядывать себя. Он приглаживал волосы, оттягивал веки, высматривая что-то в своих глазах, высовывал язык. Осмотром он остался явно недоволен, уткнулся лицом в ладони и некоторое время просидел неподвижно. В это время Елизавета Петровна после недолгого раздумья сняла со стены свой портрет, но Алиса прошептала:

- Помогите, зеркало очень тяжелое,- и Елизавета Петровна, поставив свой портрет на диван, на место зеркала, ухватила за зеркало. Затем дамы вдвоем понесли его вон из комнаты.

Камрад, посидев неподвижно пару минут, снова задвигался. Он отнял ладони от лица, помассировал виски и, повернувшись к тому месту, где еще совсем недавно стояло зеркало, уткнулся взглядом в суровые глаза Елизаветы Петровны, буравящие его с фотографии, которую он принял за зеркало. Долго секунды Камрад соображал, что же это такое произошло с его лицом, а затем с тихим стоном потерял сознание.

В гостиную за своим портретом вернулась Елизавета Петровна. На обратном пути она прихватила с собой и ведро.

За это время разговор Ярцева с бугаем незаметно перешел в довольно дружескую беседу. Они, чем-то увлеченные, незаметно придвинулись к центру комнаты.

- Да я все больше по мелочам,- довольно дружелюбно объяснял бугай.- Братва у нас нездешняя, пахан тоже гастролер. Он свой закон правит и местных особо не подпускает, так что я пока на подхвате кантуюсь... С кого должок получить или, скажем, объяснить чего надо, если кто жизни не понимает...

- Мне кажется, что такой энергичный молодой человек достоин большего. С вашим опытом работы... э-э-э... - пропагандистом! Кстати, мы до сих пор не познакомились.

- Да с ними хрен пробьешься! А фамилия наша Толик Бурков. Для друганов - Толян.

- Иван Яковлевич! - в свою очередь представился Ярцев.- Для друганов - Иван...- он на секунду задумался,- ...ян.

- Ты чо, армян? - удивился Бурков.

- Ну что вы! Коренной россиянин! - старательно подлаживался под собеседника Ярцев. Повисла пауза, которую он же решительно прервал:

- Я буду вас звать Анатолий, как Франса. Можно?

- Незнакомая кликуха... А он в законе?

- Э-э-э...- задумался Иван Яковлевич и оглянулся на Алису, которая вновь заняла свою позицию в дверях гостиной. Та энергично закивала.

- Ну, в общем-то...

- Лады, тогда по рукам.

- Замечательно. А скажите, Анатолий, не обидно вам, что какие-то нездешние нам, коренным, дороге переходят?

- Чего толку обижаться-то? За ними сила...- пригорюнился было Анатолий, но тут же встрепенулся:

- Чего-то ты, дед, не в ту ноздрю дуешь. На кого тянешь?

- Вы, Анатолий, иногда употребляете странные какие-то слова... непонятные... Знаете, я недавно узнал, что открылись курсы культуры делового человека. Где-то здесь, в нашем районе. Может, пристроить вас подучиться? - предложил Иван Яковлевич.

- Да на черта мне сдалась эта культура делового человека? - обиделся Бурков.

- Не обижайтесь, Анатолий, я вас как-то сразу полюбил и зауважал, но мне кажется, что вам никакая культура не помешает.

- Да я самого любого делового культуре научу! - раскипятился Толян.- Так культурно уделаю..! - продемонстрировал он Ярцеву внушительных размеров кулак. Внимание Ивана Яковлевича вновь привлекли его пальцы.

- Конечно, конечно...- пошел на попятный Ярцев. Затем он немного посомневался и все-таки решился спросить:

- Анатолий! А можно, я вам один вопрос задам?

- Валяй! - командовал Бурков.
- Валяю! - отозвался Иван Яковлевич.- Что это у вас на пальцах такое интересное?
- Как что? - удивился Бурков, растопыривая пальцы.- Перстень.
- А почему он у вас...- мялся Иван Яковлевич,- с двумя дырками... на двух то есть пальцах сразу?
- Ну, ты прям ребенок,- заулыбался Толян.- Вот взять меня - я крутой? - спросил он.
- Э-э-э...- протянул Ярцев и оглянулся беспомощно на Алису. Та молча закивала.
- Да,- решительно согласился Иван Яковлевич.
- Ну! На один-то палец кольцо нацепить любой придурок может,- убежденно заявил Анатолий.- Вот ты, например. Так?
- На один - могу,- согласился Ярцев.
- Вот! И кто ж нас по мастям различит, если я с таким же перстнем выпрусь? - задал каверзный вопрос Анатолий.
Ярцев внимательно оглядел собеседника и согласился:
- Действительно, никто.
- Вот мы с братками и заказами себе эту красоту, чтоб нас, значит, издалека признавали,- закончил мысль бугай, полюбовался еще своим перстнем, а затем, оглянувшись, поделился с Ярцевым:
- Не проболтаешься?
- Ни-ни!
- Мне сейчас один мастер на три пальца кольцо лепит! - просиял Толян.
- А почему бы не на четыре? - внес предложение Иван Яковлевич.
- Нельзя,- вздохнул Анатолий,- такое у нас только пахан носит.
- А этот... пахан... он бы тогда на все пальцы кольцо одел?!
- Ты только никому! - снова засекретничал Бурков.- Есть у меня такие перстни, на обе руки и на пять пальцев каждый. Но я их только дома ношу, для души, понимаешь... А то еще пахан обидится. Но он такие все равно носить не будет.
- Почему?
- Они, конечно, крутые, но задницу в этих кольцах подтирать замучаешься,- тяжело вздохнул Анатолий.
- Да, сейчас всем нелегко живется,- поддержал его Ярцев.
Косвенным доказательством этих слов мог бы послужить Камрад, который в этот момент заворочался и застонал. Толян взглянул в его сторону и замер.
- Что случилось? - перепугался Иван Яковлевич.
- Гля буду! - не отрывая глаз от ворочающегося Камрада медленно выговорил Бурков.- Змея!
- Где? - обернулся Ярцев.
- На диване была. К этому в штанину залезла. Во такая! - движением рыбака, показывающего размер пойманной им рыбины, Анатолий развел руки метра на полтора.
Ярцев ему явно не поверил, но решил успокоить:
- Ну вот и он на что-то сгодился. А вы, Анатолий, его с лестницы спустить хотели,- напомнил он с укором.
- Ш-ш-ш-ш...- тихонько зашипела от двери Алиса.
Толян, как ошпаренный, вскочил на тумбочку, вырвал откуда-то из-за

пазухи большой блестящий пистолет и, на полусогнутых, выпятив зад, принялся поворачиваться вокруг оси, тыкая пистолетом в наиболее подозрительные углы комнаты.

Сделав полный круг, он отер пот с лица и, явно нервничая, обратился к Ивану Яковлевичу:

- Такой охраны я у нас еще не видел... Ладно, дед, пока - черт с ними, с деньгами...

Ярцев расстроился.

- Но друзей-то хотя бы приведите, Анатоль! - воззвал он с надеждой в голосе.- Чтоб мы все вместе могли...- патетическим жестом вытянул руку Иван Яковлевич.

- Вместе! - хмыкнул Толян.- Групповуху, понимаешь, не все уважают...- Толян все еще озирался по сторонам.- Лады, поговорю с братвой...

- Какое слово-то красивое - братва! - произнес мечтательно Ярцев.- Мы будем за это бороться!- решил он.- Чтобы все мы стали одной большой братвой! "Друзья! Прекрасен наш союз!"- процитировал он с подъемом.

- Ну, ты это, не перегибай,- пробурчал Анатоль, слезая с тумбочки.- Это ж беспредел! Если все в братву подадутся - кто максовать будет? А? - он потер пальцем о палец.- Одни сплошные разборки пойдут,- бормотал он, отступая к двери.

- Так я вас жду? - с надеждой в голосе спросил Иван Яковлевич.

- Замётано! - успокоил его Толян.- Верняк! Через часок подгреем. Только это...- озирался он по сторонам,- куда народ вести?

Ярцев правильно понял вопрос гостя и не на шутку расстроился. Действительно, в таком гадюшнике делать большую политику - как он там говорил? - ах, да, запахло!

- Вы, пожалуй, правы, Анатоль. Для массовых мероприятий...- тут он поймал недоуменный взгляд Буркова,- то есть для... э-э-э... групповух здесь места маловато. Как быть?

- Я в доле? - поинтересовался Толян, пряча пистолет и застегивая куртку.

- Ну-у-у...- тянул время Иван Яковлевич, соображая, что означает этот вопрос. Но когда его гость, насупившись, снова полез за пазуху, счел за лучшее не перечить:

- А как же!

- Вот это по уму! - одобрил Толян его линию поведения.- Тогда так,- тон его стал деловым,- слушай сюда. Тут напротив кафешка одна есть... "Алёнушка" по названию. Хозяин с долгами лажанулся, ну, на него и наехали.

- Кошмар! А чем наехали то?

- Катком дорожным! - разозлился на дурацкий вопрос Бурков.- В блин раскатали!

Ярцев ахнул:

- Насмерть?

- Ну что мы, звери? - обиделся Анатоль.- Лечится сейчас. Пустая, в общем, кафешка, уже пару месяцев. Но все, что для дела надо, там есть - сам когда-то проверял. Давай подгоняй туда своих, а я уж, как договорились...

Присевшая в коридоре на корточки Алиса снова зашипела. Толян заскакал на месте, высоко вскидывая колени. В таком же стиле он продолжил свой путь к выходу.

- Только я к тебе, наверное, больше заходить больше не буду, там подожду,- закончил он, пятясь в коридор.

- По'ял! - заверил его, поддерживая под локоток, сияющий Ярцев, решивший проводить Анатоля до двери.

8

В опустевшую гостиную под звуки доносящейся от соседей "Апассионаты" вошла Алиса, вслед за ней прокралась Елизавета Петровна - в одной руке ведро, на вид довольно тяжелое, в другой тряпка. Поставив ведро у дивана, пенсионерка осмотрела помещение и, не найдя никаких следов разрушений, кроме оставленных ремонтом, всплеснула руками:

- Алиска, ты что-нибудь понимаешь? Тут же в кровище все должно было быть после этой бандитской морды!

- Я никому не позволю оскорблять моих соратников! - ответил теще вошедший в комнату Ярцев и стукнул кулаком по спинке дивана. Первая и такая удачная встреча явно прибавила ему и решительности, и гонору.

Потревоженный Камрад застонал и склонился со своего ложа. Прямо перед его лицом оказалось ведро. Страдалец тут же принялся в лихорадочном темпе зачерпывать в дрожащую ладонь воду и громко ее схлупывать.

Иван Яковлевич все это время гладил его по голове - примерно так, как ласкают любимую собаку:

- Спокойно, Камрад, спокойно...

Напившись, Камрад облегченно вздохнул и снова погрузился в сон.

- Он уже с мебелью разговаривает,- со злорадством откомментировала слова Ярцева теща. Иван Яковлевич схватил Камрада за волосы и приподнял его голову, повернув лицом к Елизавете Петровне:

- Это - не мебель! - заявил он грозно.

- Кто же спорит? - попыталась утихомирить страсти Алиса.- От мебели хоть какая-то польза, а от этого...

- Ты хоть заметил, что твой новый дружок с пистолетом ходит? - сменила тему пенсионерка.

- Не слепой. Я так понимаю, что товарищ он проверенный, наверняка работает в органах, а туда кого попало не берут. Ты как считаешь, Алиса? - сменил собеседника Ярцев.

- В органах? - не поняла Алиса.

- Так раньше,- при слове "раньше" Елизавета Петровна вздохнула,- милицию прозывали.

- Да ну! - не поверила девушка.- Хорошую вещь органом не назовут.

- Врать я буду! - обиделась старушка.- Так и говорили: орган, мол... это... без всякой опасности. Или вот еще,- она выставила палец, произнеся последовавшие слова отдельно и с уважением,- орган!.. внутренних!.. дел!..

Алиса, глядя на ее палец, густо покраснела. А Елизавета Петровна предалась воспоминаниям:

- Был у меня тогда знакомый участковый...

- Ишь, как тоскует по прежним временам,- заметил на это Иван Яковлевич.

- Я родилась при Советской власти - и умереть хочу при ней же, родимой! - решительно заявила Петровна, крестясь на висящую в углу икону.

- Так раньше надо было думать! - возмутился Иван Яковлевич.- Что теперь, ради вашего удовольствия прикажете Советскую власть восстанавливать?

Последний вопрос повис в воздухе, поскольку в гостиную вошла весьма странная парочка.

Впереди шел невысокого роста лысоватый мужчина. На нем был ярко-зеленый костюм в крупную коричневую клетку и голубая рубашка, из расстегнутого ворота которой нахально пламенел оранжевый шейный платок. Алиса тут же окрестила его попугаем. Правый глаз гостя украшал огромный синяк.

Благодаря столь яркому оперению нового посетителя, в первые секунды осталась в тени его спутница, дама неопределенного возраста. Хотя ее наряд тоже отличался оригинальностью: туфли на высоченных каблуках, черные кружевные колготки, мини-юбка, выше которой - нечто столь же невесомое, сколь и обтягивающее. Весьма пышные формы девицы венчала копна снежно-белых волос.

Войдя в комнату, парочка разделилась: блондинка подперла стену у входа, а ее кавалер, широко улыбаясь и издали протягивая руки, зашагал к Ивану Яковлевичу.

- Г'ад! - произнес он, хватая руку Ярцева.

- Прямо доктор! - подивилась Петровна, сама того не желая попав прямо в яблочко.- Сходу диагноз поставил.

- Сег'дечно г'ад, милейший господин Яг'цев, в наше смутное вг'емя встг'етить благог'одного человека! - картинно картавя довел до конца свою мысль попугай, вытянул руки по швам и резким движением опустил голову, одновременно шелкнув каблуками.

Иван Яковлевич попытался сделать то же самое, но в тапочках это ему не удалось.

- Гусар! - отозвалась на это телодвижение Елизавета Петровна, прихватив ведро и покидая гостиную.

- Чем обязан? - поинтересовался Ярцев, приглашающе указав на диван.

- Пг'емного благодаг'ен! - все так же салонно изъяснялся гость, примериваясь сесть на Камрада, которого не заметил. В последнюю секунду Иван Яковлевич остановил его движение, повел в другую часть комнаты, к коробкам.

- Прощу! - указал он на одну из них.

- Не извольте беспокоиться! - в этот раз гость чуть не сел на вертикально стоящий утюг. Теперь уже Алиса подхватила его под локоток, не дав свершиться страшному. Попугай в некотором недоумении оглянулся и вдруг обратил внимание на лимонное дерево, доживающее свой век в углу гостиной.

- Ах, какая пг'елесть!- выразил он тут же свой восторг.

Кстати, о цветочках: передавать в письме дефекты чьей-то речи так же скучно и нудно, как если бы после каждого появления героя снова и снова описывать его галстук. Поэтому в дальнейшем автор будет отвлекаться на передачу звучания буквы "р" в устах этого нового гостя разве что в случае крайней необходимости.

- Это ведь моя вторая страсть - растения. Но вот с лимончиком мне просто катастрофически не везет.

Он пощупал листочки, понюхал пальцы.

- В прошлом году взял сразу три деревца - все оказались больные, такие, знаете ли, вялые...

Тут запищал зуммер мобильного телефона. Девица отлепилась от стены,

пошарила в сумочке и ленивым жестом приложила телефон к уху:

- Алло!

Затем вихляющей походкой подошла к своему спутнику:

- Это тебя, Доктор. Клиент.

- Всепокорнейше прошу извинить,- пробормотал Доктор, мельком глянув на табло телефона, поднес его к уху, но не удержался и сперва довел мысль до конца:

- И чего только я с ними не делал! Алло! - отвлекся он на телефонную трубку.- Подождите секундочку! Так вот: и ультрафиолетом поджаривал, и ядами опрыскивал - разве что не топил! А в итоге так ничего с них получить и не удалось - только передохли все зазря.

Затем он переключился наконец на телефонную беседу:

- Алло! Я слушаю! Алло! - и, с недоумением оглядев свой мобиль, нажал какие-то кнопки:

- Странно... То ли трубку бросил, то ли сам упал... О времена, о нравы! - пожал он плечами.

Иван Яковлевич, человек по натуре очень восприимчивый и гибкий, заложив руку за спину и, полусогнувшись, другой указал на два нуждающихся в срочной реанимации стула, которые Алиса тем временем выставила на середину комнаты.

- Соблаговолите! - обратился он ко все еще обнюхивающему пальцы гостю. Тот, не расслышав, встрепенулся:

- Как?

- Он говорит - валите отсюда на фиг! - объяснила ему блондинка.

Доктор - пусть за ним останется это прозвище - пригорюнился:

- Как это... гой'ко! - с надрывом заявил он, падая на грудь Ивана Яковлевича.

- Что? - не понял Ярцев.

- Он говорит - горько! - пояснила Алиса и произнесла еще раз, громко и внятно: - Горько!

При последних словах в гостиной снова появилась Елизавета Петровна:

- Уже целуетесь?

Гость оторвался от Ярцева и начал трагическим голосом:

- Искать родственную душу и найти очередного гонителя!.. Уйду! - решил он вдруг.- Пойду искать по белу свету, где оскорбленному есть сердцу уголок!

Иван Яковлевич почувствовал неловкость:

- Ну что вы, оставайтесь!

- Нет! - махнул рукой Доктор.- Пойду искать!

- Ни в коем случае! - настаивал Ярцев.

- Пойду! - заверил его гость.- Где уголок?!

- Ну и шел бы себе,- пожала плечами Елизавета Петровна.

- Но если вы так настаиваете - я, пожалуй, останусь,- уже без надрыва, вполне светски закончил Доктор, подул на сиденье стула, протер его полый своего пиджака и элегантно присел. Иван Яковлевич опустил на стул напротив него. Девица, достав вязание и нацепив очки, тоже пристроилась на коробку где-то у стенки.

- Ну-с,- порылся в памяти Ярцев,- с кем имею честь?

- Пардон! - подскочил гость.- С моей стороны просто непростительно...- и повернулся к Алисе:

- Кудрявых! - вновь шаркая ножкой, произнес он.

- Кого? - не поняла она.

- Не кого, а что... То есть - кто. Так вот это буду я - Кудрявых Степан Тимофеевич.

- Из казаков? - поинтересовалась Алиса.

- Нет, к сожалению, но в некоторых доблестях мы и казакам не уступим,- произнес вкрадчиво Кудрявых, пытаясь обнять девушку. Алиса мягко выкрутилась из его объятий и отошла к дивану. Там к ней, не просыпаясь, потянулся Камрад.

- Вы, насколько я понимаю, врач? - напомнил о себе Ярцев. Гость заулыбался, снова присел.

- Нет, Доктор - это скорее почетное звание. Когда ты годами только и делаешь, что помогаешь страждущим, трудно избежать таких побочных явлений, как, например, прозвище. Вы тоже, если угодно, можете называть меня так.

- Чем обязан приятностию встречи? - перешел к делу Ярцев.

- Я вижу, вы человек умный. Я тоже не местный... Как на духу - исключительно ваши редкие душевные качества, мужество и прямота привели меня в ваш уютный дом, милейший...- Доктор вопросительно поднял брови.

- Иван Яковлевич,- подсказала Алиса.

- Какая прелестная барышня! - оскалился гость, охватив ее цепким взглядом.- Баксов тридцать, пожалуй...- задумался он о чем-то своем, но тут же, мотнув головой, отбросил эти мысли и вернулся к беседе с Ярцевым:

- Да-с, Иван Яковлевич, многие нынче пытаются работать в избранной нами области, но я впервые встречаю такого как вы - рыцаря без страха и упрека.

- Мне это весьма приятно слышать, но...

- Я ведь, извините, проверил по телефонной книге. И фамилия, и адрес - все соответствует действительности. Как это смело! - восторгался Доктор.

- Я, собственно, не понимаю, чего мне следовало бы опасаться? - несколько нервно поинтересовался Иван Яковлевич.

Алисе надоело стоять и она, взобравшись на стремянку, уселась рядом с телефоном. Доктор теперь уже снизу рассмотрел ее ножки.

- Нет, даже пятьдесят... если в долларах,- пробормотал он.

- Или *кого* мне бояться - не понимаю? - пожал плечами Ярцев.

- Всех, а этого - в особенности! - лягнула Алиса, указывая на Доктора.

- Нет, все-таки тридцать...- едва слышно и с осязательным сожалением констатировал тот,- слишком уж сообразительная...

- Извините? - не расслышал Иван Яковлевич.

- Я говорю: ах, как вы правы! Но, увы... Когда-то ведь и я был полон юношеских идеалов, порывов души... прекрасных... Пытался изменить действительность, не без этого. Воспарял, так сказать, к небесным сферам. Мечтал - а как же! Дать одним - вот хоть Нинке,- он указал на свою спутницу,- средства к существованию, другим - всякие прочие удовольствия...

- И что же? - отозвался Ярцев. Памятуя о том, что учиться надо на чужих ошибках, он напряженно впитывал каждое слово гостя.

- Ныне сломлен,- понурился Доктор,- изволите видеть - разбит и раздавлен.

Степан Тимофеевич достал носовой платок размером с небольшую скатерть и шумно высморкался.

- Но как же... Мы ведь такое нужное дело делаем. Как это все у вас произошло?

- Весьма обыкновенно. Но, в отличие от вас, Иван Яковлевич, работал я негласно, без газетных, например, объявлений.

- Подпольно? - несказанно удивился Ярцев.- Отчего же? Живя в условиях победившей демократии, можно, мне кажется, позволить себе открыто собрать приличных людей!? Дабы помочь им удовлетворить их по вине общества не востребуемые по сию пору желания!

- Вот вы так красиво говорите, Иван Яковлевич, дай вам Бог здоровья! Сразу видно человека с высшим образованием. А мне в свое время с этим не повезло... В нескольких институтах кряду не повезло... Хотя желание было одно: учиться, учиться и учиться!

- Так три ведь получается, желания-то,- удивилась Алиса.

- Потом семейная жизнь все загубила... Пришлось, видите ли, жениться...

- ...жениться и жениться! - продолжила Алиса.

- Алиса! - произнес укоризненно Иван Яковлевич.

- Но не будем о грустном! Ведь вы, Иван Яковлевич, абсолютно правы. Я имею в виду - насчет желаний. Все именно так и есть: если человек чего хочет - ему, это самое, надо дать! Верно, Нинка?

Та закивала.

- Ну и..?

- Сначала собрал коллектив. Людей не просто любящих свою работу, а работающих, извините за каламбур, с любовью. Достойнейших людей, уверяю вас! Да вот возьмите, к примеру хотя бы Нинель.

Доктор обернулся к своей спутнице:

- Нинка, подь сюды!

Нинель с тяжелым, прямо-таки лошадиным каким-то вздохом отложила вязание и сняла очки. Затем, держась за поясницу, с трудом поднялась и, слегка прихрамывая, направилась в сторону Ярцева.

- Хромает! - подтвердил Доктор.- Но лежит очень красиво, уверяю вас.

А походка Нинель, поначалу старушечья, менялась по мере приближения к мужчинам. Последние два шага она сделала, энергично вихляя бедрами и без спросу плюхнулась на колено Ивана Яковлевича.

- Да, возьмите меня! - тоном капризной девочки простонала Нинель, прижимаясь к Ярцеву.

- Мне, право, неудобно...- испуганно промямлил тот, вжатый в пышную грудь.

- Встань, дура, видишь, Ивану Яковлевичу неудобно,- тут же отреагировал на его слова Доктор. Нинель, медленно и старательно изгибаясь, встала.

- Да я не в том смысле...- попытался внести ясность ошарашенный Ярцев. Нинка сразу резво приземлилась на то же колено.

- Как-то слишком все быстро...- бормотал Иван Яковлевич, озирая показавшуюся ему огромной грудь, в которую упирался носом. Реакция Доктора не заставила себя долго ждать:

- Ты что, оглохла? Иван Яковлевич не любит, когда слишком быстро.

Нинка снова вскочила.

- Я, собственно...- отходя от испытанного им легкого шока, проговорил Ярцев, пытаясь словами описать бушевающие его чувства:

- Какая она, однако...- он повел руками, описав в воздухе плавных

очертаний и крупных форм восьмерку,- ...вся такая!.. такая блондинка!..

Доктор опять понял все по своему:

- Нинка! Иван Яковлевич не любит блондинок!

Нинка это и сама уже сообразила. Быстрым движением она стянула парик и, не найдя лучшего места, нахлобучила его, как на подставку, на голову Камрада. Затем оказавшаяся брюнеткой дама опять направилась к Ярцеву. Иван Яковлевич правильно оценил ее намерения и тут же сомкнул колени, прикрыв их для верности руками. Доктор махнул Нинке рукой:

- Ладно, отдыхай пока.

И продолжил:

- Да-с, начиналось все красиво. А потом - сплошные репрессии.

- Но хотя бы городские власти вас поддержали? - спросил Иван Яковлевич, наблюдая, как Нинель снова берется за вязание, и заметно успокаиваясь.

- Какое там! - скривился Доктор.- Посудите сами: мой участок был на центральном проспекте. От угла до угла - моя территория, честно... хапнутая... И вдруг как раз в этом месте они делают автобусную остановку! - он сморщился, предлагая Ивану Яковлевичу разделить его горе.

- Ну? - не понял Ярцев.

- Так невозможно ж стало работать! До этого я конкурентов отлавливал и сплавлял моментально! А появилась остановка - и поди разбери, по делу она вышла или так,- Доктор пренебрежительно хмыкнул,- автобуса дожидается.

- Да, крепкий у вас, видно, коллектив. Согласиться работать прямо на улице - это какую сознательность надо иметь! - позавидовал Иван Яковлевич.- Но зачем такие кадры на улицу выгонять? Неужели нельзя им создать более приемлимые условия для работы?

- Я ли не пытался! - пригорюнился Доктор.- Братвой все схвачено. Поверите ли - до того дожил, что голову преклонить негде, не говоря о прочем. А много они наработают стоя? - кивнул он в сторону своей спутницы. Та опять тяжело вздохнула.- Да на морозе?

- Неужто во всем городе ни одной отдушины? Невероятно! Впрочем, и Анатолий мне что-то такое рассказывал,- задумчиво проговорил Ярцев.

- Это какой же Анатолий?

- Он в моей организации будет чем-то вроде пропагандиста. Прекраснейшей души человек! Такой чистый, наивный... Впрочем, вы его не знаете.

- А это не тот, что передо мной от вас выскочил? - заподозрил Степан Тимофеевич.

- Именно!

- Как же не знаю! Хотел бы я его не знать! - потер синяк под глазом Доктор.- Впрочем, что нам былые горести! Я к вам пришел не плакаться, а...- он немного помялся и выпалил:

- А не возьмете ли нас под свое крылышко, Иван Яковлевич? На взаимовыгодных условиях? Пропадаем ведь...

Ярцев сначала ощутил прилив гордости, затем со злорадством вспомнил тещу. Но быстро отвлекся от мелких мыслей, встал и со всей торжественностью протянул Доктору повернутую ладонью вниз длань:

- Я был бы очень рад новому соратнику,- выговорил он, косясь на Алису. Доктор ухватился за его руку, потряс ее.

- Но условия буду устанавливать я,- добавил Иван Яковлевич

внушительно. Доктор быстро-быстро закивал головой, а затем в порыве чувств поцеловал руку Ярцева.

- С чего начнем? - поинтересовался он подобострастно, достав из кармана блокнот.

Ярцев же некоторое время с изумлением рассматривал никогда прежде не целованную руку. Чтоб вот так вот сразу его признали вождем и учителем! Затем он расправил плечи, приосанился. Алиса со вздохом слезла со стремянки и направилась к выходу. Ивана Яковлевича это не смутило.

- В первую очередь необходимо подобрать актив,- медленно прогуливаясь по комнате, размышлял он.

- Раз плюнуть,- отозвался склонившийся над блокнотом Доктор,- проституток в нашем городе - хоть пруд пруди.

- Я никому не позволю обзывать!..- взвился Иван Яковлевич.- Мы должны уважать своих будущих сотрудников!

- Как скажете,- поспешил согласиться Доктор,- больше не буду.

Ярцев успокоился:

- Итак - актив. Такой, знаете ли, готовый на все во имя идеи.

- Найдем! Именно таких вот, готовых на все, я вам завтра уже приведу хоть десяток,- заверил его Степан Тимофеевич.

- Завтра может быть уже поздно! Как насчет через полчаса? - поинтересовался вождь.

- Трудненько будет,- засомневался Доктор.

Ярцев нахмурился.

- Но сделаем,- быстро произнес Доктор.- Куда?

- Да тут рядом, напротив дома и встретимся. Там народ будет собираться, увидите.

Доктор кивнул, пролистал записную книжку:

- Человек пять успею вызвонить.

- Это несерьезно! - снисходительно улыбнулся Иван Яковлевич.- Вокруг меня должны сплотиться тысячи!

- Боже мой! - вздохнул ошарашенно Доктор.- Где мы им всем работу-то найдем?

- Работа будет! - успокоил его Ярцев.- Мы пойдем своим путем. Хватит ориентироваться на интеллигенцию и толстосумов, мы пойдем по фабрикам, по заводам.

- Вот это размах! - восхитился Доктор. Ручка его просто летала по блокноту.

- Все учреждения будут наши! - объявил Иван Яковлевич.- Они там все равно бездельничают - пусть на нас работают. И чтоб с утра до вечера!

Доктор пустил слезу.

- Красиво! Я человек не сентиментальный, но некоторым образом эстет... Так я вам скажу, как родной маме - это красиво. Как представлю себе эту картину...

- И особое внимание обратим на пенсионеров,- добавил Ярцев внушительно,- они самые активные. И опыта не наживать.

- При всем моем уважении, Иван Яковлевич, позвольте возразить! - заюлил Доктор.- Какой нам профит с их опыта, если в большинстве своем воспользоваться они им могут только в воспаленном своем воображении?

- Надо их активизировать! Поднять своим примером - и вперед!

- Своим примером? - задумался Доктор.- Не сдюжим, пожалуй, здоровья

не хватит. Лучше уж видик покрутить, киношку какую-нибудь такую, позабористее.

Ярцев, подумав, одобрительно кивнул:

- Тоже дело. Я так мыслю: "Чапаева"!

Ошарашенный Доктор, глядя на него, покрутил несуществующие усы.

- То есть...

Иван Яковлевич как-будто вытащил из ножен шашку, повертел ею над головой:

- Именно!

Затем он попытался изобразить скачущего верхом на лихом коне комдива. Без лошади и при посредственных актерских способностях Ярцева получилось нечто просто неприличное. Вновь появившиеся в гостиной Елизавета Петровна и Алиса просто остолбенели. Доктор же интерпретировал эти телодвижения по-своему:

- Колоссально! Думаете - получится?

- Попомните мои слова - скоро все наши будут,- заверил его Ярцев.- Ведь как когда-то при коммунистах было?

Иван Яковлевич подошел к теще, приобнял ее за плечи и повел на середину комнаты, по пути рассказывая:

- Сидит, например, какая-нибудь кладовщица, практически без дела... Ей и говорят - надо, мол, Клава, общество просит, уважь! Ну, она и занимается этим... этой работой. Без отрыва от производства... Но без души все делает, как постылую обязанность, лишь бы побыстрее спихнуть с себя...

- Да это и не работа, Иван Яковлевич, а извините, просто...- поддержал его Доктор, прошептав ему последнее слово прямо в ухо.

- Абсолютно с вами согласен! Грубо сказано, но точно схвачено,- согласился Ярцев,- а нам надо по-другому, чтоб с огоньком, с интересом к людям...

- Сделаем! Так я звоню своим?

- Беспременно! - подтвердил свое распоряжение Иван Яковлевич.

Доктор достал мобильный телефон и отошел в угол. А Ярцева взяла в оборот Елизавета Петровна.

- Что ж ты творишь, Иван Яковлевич? - поинтересовалась она.- Вот и Лиска говорит - совсем плохо дело.

- Иван Яковлевич! - Алиса чуть не плакала.- Пошутили - и хватит! Мне уже страшно!

- Да помолчи ты! - махнула на нее Петровна.- Я поначалу решила было: да расшибись ты хоть в лепешку - не буду вмешиваться. Да что-то мне не по себе стало.

- Так я и знал! Пока заживо себя хоронил - всех устраивал. Но стоило мне делом заняться - ишь, засуетились! А ты, Алиса, сядь и не встречай!

- Да каким делом? - охнула пенсионерка.- Ты хоть соображаешь, кто к тебе повадился?

- Достойнейшие люди! И попросил бы оставить в покое и меня, и их! - взвизгнул, теряя терпение, Ярцев.

- Ты думаешь, здесь что напечатано? - Елизавета Петровна пихнула в руки зятю злополучную газету. Ярцев, глядя теще в глаза, медленно разорвал газету на мелкие кусочки и осыпал ими Елизавету Петровну.

- Вольному воля,- вздохнула, поворачиваясь, пенсионерка.- Пришла, значить, пора и тебе ума набраться.

К взбешенному Ивану Яковлевичу, провожавшему взглядом Елизавету Петровну, подошел Доктор:

- Так что полный порядок. Мобилизовал всех, до кого смог дозвониться.

- Вот! - выкрикнул вслед теще Ярцев.- Правда за нами! А с нами - народ. И потому перед нами такое будущее!..

- Да народ-то этот распоясался вконец! - вмешался Доктор.- Порядка никакого нет, вот что я вам скажу! Звонят мне давеча: так, мол, и так - приезжайте! Ну, я Нинку,- Доктор кивнул в сторону своей спутницы,- и еще двух ее подружек прихватил...

- Ваш актив? - поинтересовался, успокаиваясь, Ярцев.

- Именно! Самые что ни на есть активные они и есть. Едем мы за тридевять земель... И что вы думаете?

- Да-да-да...

- А они уже спят! - хлопнул по тумбочке кулаком Доктор.- Вот как этот,- закончил он, направив укоризненный палец на Камрада. Вдруг что-то заинтересовало его в тихонько сопящем пьянице. Доктор оглядел Камрада и так, и эдак, придя, в конце концов, к выводу:

- Нет, все-таки не он...

- Какое свинство! - возмутился Ярцев.- Вы к ним с открытой душой, а они!.. И чем же кончилось?

- Ну, девочки вязать уселись... Полный простой! Жди, когда еще они проснутся...- махнул рукой Доктор.

- А зачем? - удивился Иван Яковлевич.

Доктор заулыбался:

- Так они, эти жлобы, поутру иногда ничего и не помнят... Стоит перед тобой эдакий мордovorот и выспрашивает - чи было чо, чи не было? Ну, я ему, что, мол, ого-го! Что, мол, по полной программе оторвались! Что писк, как говорится, стоял до небес! - расписывал ситуацию Степан Тимофеевич.

- И что, верят? - поразился Ярцев.

- Наш мужик по натуре - агрессивный оптимист. И поверить, что это он кого-то по пьяной лавочке...- Доктор выразительно чмокнул,- готов всегда и за милую душу. Даже если наоборот, это его кто-то...

Иван Яковлевич подумал об этической стороне вопроса.

- И все-таки это обман...

- В нашем деле иначе нельзя,- очень убежденно заявил Доктор.

- Очень вредный и в корне неверный тезис! - повысил голос Ярцев.- Мы должны строить свою политику на принципах доверия, сотрудничества и коллективной безопасности.

- Вот с безопасностью как раз у нас все в полном порядке! - заверил Доктор.- Я им, своим... сотрудницам, каждый день говорю: предохраняйтесь, дуры! Поверите ли - ни одного залета за вот уже две...- он потряс в воздухе двумя скрюченными пальцами и значительно тише добавил,- недели... А вот с доверием туго. Время такое...

- Я в курсе. Что ж, будем ломать стереотипы,- закончил прения Иван Яковлевич.- И на этот случай нам нужна пресса. Чтоб и на расстоянии воздействовать.

- Вот это верно! - обрадовался Доктор.- Грамотно поставленная реклама - это, считай, полдела.

- Газету начнем издавать немедленно! - уже командовал Ярцев.

- Верно!

- Только с авторами пока проблема... Журналист нынче пошел балованный...

- Ну что вы! Да одна Нинка с ее опытом любую газетку на полгода материалом обеспечит. Она вам такого понараскажет! Только успевай записывать.

Ярцев с уважением оглянулся на Нинель:

- Так что, может и на журнал хватит?

- Я к вам, Иван Яковлевич, со всем уважением, но журнальчики проще покупать,- посоветовал Доктор.- Особенно немецкие. Там такие фотографии!

- Верю! Сам не видел, но вам - верю. Однако, не все ведь владеют иностранными языками...

- И не надо! Картинки в высшей степени замечательные - никакого перевода не надо,- убеждал Доктор.

- Да уж, немцы молодцы, дело свое знают. Но даже самые близкие нам по духу немцы - они кто? - поставил вопрос ребром Иван Яковлевич.

- Кто? - перепугался Доктор.

- Немцы!!! А мы не допустим никакого низкопоклонства перед Западом. И сами наделаем таких картинок - немцы ваши плакать будут.

- Справимся ли?

- А что? Национального колорита добавим... Ну, березовую рощу... или, там, мавзолей где-нибудь по фону. Европа рыдать будет, когда увидит, это вам я говорю. Но - главное, чтобы у нас грамотные специалисты были. Кто попало не справится. Вот, извольте видеть, иностранец,- Ярцев подошел к Камраду.- Неизвестной пока национальности. А сможет с ним ваша Нинель поработать?

- В нынешнем его состоянии это весьма затруднительно...- закрутил головой Доктор,- но не безнадежно. Нинка!

Нинель снова отложила вязание, присела на диван и принялась поглаживать ногу Камрада. Тот заворочался и вдруг схватился за ширинку.

- Вот видите, уже оживает!

Камрад, дико поглядев вокруг, вскочил и все так же держась за причинное место, заскакал по комнате. Белый парик взмывал и опускался подобно конской гриве.

Сделав круг по гостиной, иностранец остановился вблизи двери и принялся лихорадочно расстегивать брюки. И вдруг из его ширинки показалось что-то вроде узкого темного шланга. Сначала Камрад, безумно всхлипывая, сам выдергивал из ширинки это что-то, затем оно заструилось оттуда само - пока не вылезло полностью.

Нинель, подхватив вязание, рванула в коридор.

А Камрад, вытянув руку, в которой извивался уж, не глядя похлопал себя по... То есть попытался нащупать нечто в области паха, но промахнулся, поерзал по бедру и в жуткой панике устался на змею. И, не в силах снести такого потрясения, в очередной раз рухнул в обморок, упав на шею с опаской входящего в гостиную Анатоля.

10

Толян замер. На его шее висел Камрад, правая распрямленная рука которого локтем упиралась в его бычье плечо. Бурков не шевелился, лишь косил глаза на сжатый кулак Камрада, в котором извивался уж.

- Снимите с меня это... этих...- взмолился он.

Ярцев и Доктор, опомнившись, подскочили к сладкой парочке и, взяв

Камрада с двух сторон под руки, освободили Толяна. Тот без сил опустился на пол.

Камрад что-то пробормотал, поднял голову и оглядел помещение.

- Где... я..? - заплетающимся языком выговорил он.

- Замечательно! - воскликнул Ярцев.- Алиса, поспрашивай его о чем-нибудь на английском, так ему будет проще.

- Who are you? - начала допрос девушка, но проще Камраду явно не стало.

- Я...- он громко икнул,- где... а?

- Давай на немецком,- скомандовал Иван Яковлевич,- можешь?

- Попробую,- ответила Алиса, немного подумала и спросила, ткнув на последнем слове Камрада пальцем:

- Кто bist du?

Камрад посмотрел на нее ошалелым взлядом. Белые космы парика мешали ему, закрывая пол-лица. Он взялся с двух сторон за пряди, подергал их, пристально оглядел, затем понюхал и даже пожевал. И продолжил расследование:

- А кто... я..?

В гостиной повисло тягостное молчание. Камрад тем временем залез по очереди в каждый карман своего пиджака, но ничего интересного там не обнаружил.

- И чье - это..? - с детским каким-то изумлением спросил он, ухватив пиджак за лацканы и вытягивая их в сторону Ивана Яковлевича.

Алиса первой пришла к очевидному выводу:

- Да никакой он не иностранец!

- Не иностранец? - голос Ярцева был одновременно и озабочен, и ироничен.- Да ты послушай, как он говорит!

- Да какая разница! - прорычал оклемавшийся к этому времени Анатолий.- Все равно говорит-то он в последний раз! - заявил он, подходя к Камраду с утюгом, который в его лапах выглядел как холодное оружие, а не как безобидный бытовой прибор.

- Только без эксцессов! - перепугался Иван Яковлевич.

- Обижает! - действительно обиделся Бурков.- Я ж не извращенец какой! Оторву голову и все дела.

Опять задремавший к этому времени Камрад дернулся и сделал несколько глотательных движений, по которым яснее ясного стало, что содержимое его желудка просится наружу. Анатолий проворно отодвинулся, а Ярцев зажмурился, но Камрад вместо ожидаемого изверга из глубин души разудалую песню:

- Д-два кус-соч-че-ка...- заорал он,- кол-л-бас-с-ски!.. Передо мной-й-й!.. лежали на столе!..

Певец обиженно огляделся, не понимая, почему никто не потягивает, и увидел утюг. Он проворно схватился за него и приложил ко лбу. Анатолий, не выпустивший железяку, так и остался стоять с протянутой рукой, приложенной, вместе с утюгом, к голове Камрада, настроение которого менялось с молниеносной бытротой.

- По морде хочешь? - довольно агрессивно спросил он Доктора. Тот со страдальческим видом сморщился, но промолчал. Ответил за него Толян:

- Все! Щас я его по стенке размажу! - и замахнулся.

- Что, и спросить уже нельзя? - расстроился Камрад, ухватил руку Буркова и вернул утюг на исходное место, к своему лбу.

- Да кто он такой? - мучался Иван Яковлевич.- Так у нас славно все начиналось...

- Сейчас выясним - кто,- пообещал Доктор и, достав из внутреннего кармана фляжку, вручил ее Камраду. Тот присосался к горлышку полного, судя по всему, сосуда и не оторвался, пока не опустошил его.

- Друг! - потянулся он мокрыми липкими губами к Доктору.

- Да наш он, сволочь эдакая, никакой не иностранец...- расстроено заключил тот, тряся над ухом пустой фляжкой.

- Так, может, с лестницы его, а? - оживился Анатолий. Он придвинулся к Камраду, который втянул голову в плечи. Но Иван Яковлевич решительно загородил его плечом:

- Ни в коем случае! Людьми бросаться нельзя.

- Спасибо, друг! - полез к нему целоваться пьянчужка. Ярцев отшатнулся.

- Черт с тобой, живи! - разрешил Толян, отходя в сторону.

- Друг! И тебе... ик!.. спасибо,- уже к нему потянулся Камрад.

- Нам бы только выяснить, кто он такой,- закончил Ярцев.- На всякий случай. Может, пригодится.

- А какой сегодня... ик!.. день? - поинтересовался Камрад.

- Пятница,- буркнул Доктор,- тринадцатое.

- Ничего себе! - поразился Камрад.- А какого года?

- Да уж,- сделал вывод Доктор,- тут еще граммов сто водочки не помешало бы...

Камрад схватил руку Ярцева и, подняв к глазам его запястье, взгляделся в циферблат часов.

- Не-е-е, я больше ни-ни... Уже десять... Мне к одиннадцати на смену...

- Какая работа ночью? Вы хоть помните, кем трудитесь-то? - начал раздражаться Ярцев.

- Мы? - Камрад задумчиво оглядел всю честную компанию, потянулся рукой в затылок. Парик ему мешал, поэтому он его сдернул, почесал голову и снова механически напялил.

- Тебя спрашивают! - ткнул его в спину Толян.

- Таксисты мы! - выпалил Камрад.- В ночную смену мне... пора...

Доктор оживился:

- А вот это неплохо! Транспорт нам нужен будет постоянно! И таксистов лучше иметь своих. Ты как сегодня? - обратился он к Камраду.- В смысле - поработать с нами.

- Да какой из него шофер! Он сам и стоять-то не может! - не выдержала Алиса. Камрад обиделся:

- Скажешь тоже! А на кой мне стоять-то? У меня работа сидячая! А хорошим людям помочь - святое дело,- сообщил он Ярцеву. Тот подытожил:

- Берем!

И пояснил: - С одной стороны - человек из народа, с другой стороны - спец по технике. Может пригодиться и то, и другое. Да и вообще - талант! Иностранца-то вот как изобразил, от настоящего и не отличишь.

- Только пиджак отдайте! - попросил Камрад.- В этом как-то неудобно мне...

- С кем пил, с того и требуй,- рассудительно ответил Доктор.

- А я помню?! - возмутился Камрад и задумался.- Не, ни в какую...- вздохнул он и принялся закатывать слишком длинные рукава.

- Алё, мужики, кончай базар! - вмешался в разговор Толян.- Там уже

кореша собрались на стрелке, нас ждут. Еще пять минут - и они на штурм пойдут!

- Замечательно! - с довольным видом потер руки Иван Яковлевич.

- И мои красавицы уже тоже там кукуют,- сообщил, глянув в окно, Доктор.

- Прекрасно! - воскликнул Ярцев.

В гостиной появился Константин в сопровождении понурой Елизаветы Петровны. С недоумевающим видом оглядев присутствующих, он обратился к отцу:

- Что это у вас тут происходит?

Иван Яковлевич, собираясь с мыслями, поправил галстук, пригладил волосы.

- Вот, сынок,- начал он,- посмотри! Даже один человек, оказывается, способен перевернуть мир! Кем был я вчера? Никем! Пустое место, украшенное бородой! Потому что при всех моих достоинствах боялся жизни. И мне жаль только одного - что столько времени потеряно напрасно! Когда вокруг столько замечательных людей! Когда мы спаяны одним желанием! Когда в нас столько жизненных сил и опыта! Когда мы - команда! И можем горы свернуть, если захотим!

- Да там уже все хотят - дальше некуда! - кивнул на окно нетерпеливо переминающийся на месте Анатолий.

- Наш отдел пропаганды,- представил его сыну Ярцев.- Идеи,- он постучал себя пальцем по темечку,- мои, а он понесет их в массы.

- Мало не покажется,- ухмыльнулся Бурков.

- А это,- продолжил Иван Яковлевич,- имею честь представить - наш кадровик,- он кивнул на Доктора,- человек, потерпевший за правду, но опытный, с большими связями.

- Каждая кадра наша будет! - заверил Доктор.- От первой - до самой последней...

Иван Яковлевич ощущал невероятный подъем, его просто распирало от желания сказать нечто возвышенное, значимое - на века. Но вместо всего этого прозвучало давным-давно апробированное:

- Мы наш, мы *новый* мир построим! Понимаете ли вы - *новый*!

А затем последовали дополнения.

- Базаров нет. Это ж верняк! - согласился Анатолий.- *Построим* по росту - и на первый-второй - рассчитайсь!

- Послушайтесь моего опыта, не надо *новый*! - взмолился Доктор.- Лучше просто - *наш*!

Последнее слово, как всегда, осталось за народом. Камрад, охваченный общим воодушевлением, уточнил:

- Не, все-таки главное - что это сделаем *мы*!

Нарва, 1996-1998

Байки из склепа

Полковник Карымов не любил бывать на командном пункте бригады. "Имеет право!" - сказал бы на это Вертер, поинтересуйся хоть кто-нибудь его мнением. "Обязан!" - со скрытой издевкой непременно поддакнул бы Петька Огородников. А ведь началась эта неприязнь с совершенно пустякового происшествия...

Назначенный пару месяцев назад на должность начальника штаба, в первое своё появление на КП полковник пребывал в более чем радужном состоянии духа, что в применении к Карымову означало, что на данный момент он не горит отчаянным желанием расстрелять кого-нибудь из своего личного пистолета Макарова. К сожалению, этого прекрасного настроения хватило ненадолго.

Карымов, как та мифическая амазонка, без промедления дал бы отрезать себе правую грудь - будь она у него достойных упоминания размеров и соответствующей формы - в интересах повышения обороноспособности страны. Аналогичного самоотречения он требовал и от своих подчиненных, что далеко не всегда находило у них понимание.

Командный пункт размещался в лесу и именно оторванностью от цивилизации объяснялась некоторая царившая там простота нравов. Садятся, например, офицеры за обеденный стол и даже начштаба вроде как-бы улыбается в предвкушении... И в этот момент по громкой связи проходит вызов с КПП.

- Чего тебе? - спрашивает Карымов дневального, склонившись к переговорному устройству. В ожидании ответа кое-кто из офицеров заметно напрягается. Они-то знают, что сегодня в наряде рядовой Панюська, речевой аппарат которого управляется чем угодно, но только не головным мозгом.

- Так машина приехавши! - докладывает воин, простодушно опуская столь незначительные подробности, как номер и марка автомобиля, цель приезда, звание и имя старшего.

- Колеса у машины есть? - голос Карымова буквально сочится сарказмом. Последовавшая за вопросом пауза длится секунд тридцать и офицеры успевают за это время приступить к обеду.

- Есть!!! Есть колеса! - гремит затем из динамика запыхавшийся голос. И, в восторге от того, что оказался удостоен беседы с полковником, Панюська доверительно-трагическим шепотом, по вагнеровски гремящим на весь оперзал, заканчивает:

- Это, товарищ полковник, говновозка! Наше говно себе откачивать будут, дармоеды!

Какая-то запредельная обреченность постоянно присутствует в армейских байках, за нелепым зубоскальством скрывающих беспросветный нигилизм. А чтоб красивое и светлое показать народу - так не дожدهшься.

Ведь чего, казалось бы, проще? Чтоб уже на первых страницах суровый с виду командир, мягко пожурив новобранца, ночью, терзаемый угрызениями совести, на цыпочках прокрадывался в казарму, батистовым платочком промакая слипшиеся от слез ресницы, и целовал обиженного солдата в темечко. Чтоб сержант на привале, развесив видавшие виды, склизкие уже местами портянки на ближайших кустах, читал бойцам в подлиннике Овидия. И от прапорщика разило не просто перегаром чтоб, а наилучшим французским парфюмом отдавала отрыжка, сопровождающая его изысканную речь. Чтоб

мускулолобый замполит вышивал крестиком рушнички для солдатской столовой и танцевал прощальный вальс с дембелями...

Но нет уже прежней романтики в армейской прозе - сплошной натурализм и низменная физиология! И, правя брусочком лезвие дедовой пашки, невольно задашься вопросом: а, собственно, с кем вы, мастера культуры?

Вышеупомянутый командный пункт представлял из себя огромный бетонный дот со стенами полуметровой толщины, на несколько этажей врытый в землю и замаскированный сверху дерном. Среди солдат, иногда именовавших сие строение склепом, ходили упорные слухи, что эту громаду в свое время возвел ни кто иной, как легендарный генерал Карбышев.

Высокие гости попадали в бункер через парадный вход. Он был оборудован невероятной толщины железной дверью, задраить которую, насколько помнил Вернер, за два года его службы не удалось никому - даже на пари.

Перед входом раскинулся плац, на одной стороне переходящий в густой орешник, а по другой - в спускающуюся к торфяному болоту заросшую можжевельником поляну. Там же находился шурф.

Так на КП называли канаву, вырубленную в плитняке и тянущуюся метров на триста в направлении торфяника. Никто точно не знал ее предназначения, поэтому версии на этот счет ходили самые разные. Благодаря солидным размерам шурфа - метров восемь в ширину и местами до десяти метров в глубину, наибольшей популярностью пользовалось предположение, что это ни что иное, как подъездной путь к ведущему в бункер подземному тоннелю, тем же Карбышевым построенному, но за минувшие годы засыпанному.

То, что подземный ход действительно существует вроде бы подтвердилось, когда одна из нескольких праздного любопытства ради выкрашенных масляной краской в голубой цвет и выпущенных в казарме крыс через несколько минут была замечена на дне шурфа.

Этой мерзости, кстати, хватало там и без нее, поскольку десятилетиями шурф использовался, как естественная помойка, куда без проблем можно слить и отработанное машинное масло, и отходы солдатской столовой. Именно поэтому, вычитав где-то, что из крысы можно без труда воспитать крысоеда, если поселить ее в замкнутом пространстве и кормить только ее же товарками, радисты, жившие в подвальном этаже бункера и страдавшие от серых больше остальных, отправились их отлавливать именно к шурфу.

Так вот, крысиное сафари было в полном разгаре, когда полковник Карымов, худой и сутулый мужичонка в последнем приступе молодости, вылез из запыленного "газика" и бережно отряхнул китель, одетый в первый раз, по поводу знакомства с личным составом вверенной ему бригады. Он тут же заметил у шурфа скопление солдат, обряженных в костюмы химзащиты. Заинтересовавшись происходящим, полковник решительно зашагал в их сторону.

Есть довольно распространенный тип людей, которые своей полноценностью могут наслаждаться лишь среди лиц одного с ними пола. Для мужчин - и Карымова в их числе, в этом смысле идеальной средой является, конечно же, армия.

Ни о каких извращениях, упаси Бог, речь не идет. Когда-то, еще в

бытность курсантом, юный Карымов обожал раздевать соглашавшихся на это барышень - причем медленно, поскольку процесс интересовал его никак не меньше, чем результат. Возмужав, он стал больше ценить дам, которые скидывают одежду быстро и сами. Но в последнее время начал за собой замечать, что даже на пляже попытку женщины раздеться в его присутствии воспринимает, как прямую угрозу своему физическому и душевному здоровью. Немногочисленные приятели утешали Карымова, утверждая, что вскоре эта проблема вовсе перестанет его волновать.

Солдаты почтительно расступились перед незнакомым полковником и он увидел тридцатилитровый бидон, из которого доносились визг, писк и беспорядочное барахтанье десятков паникующих крыс.

- Над фауной издеваемся? - мягко поинтересовался Карымов, имитируя чувство юмора и добродушие, отсутствовавшие у него, как выяснилось позже, напрочь. Затем он бодро скомандовал:

- Отставить!

В армии всегда так. Стоит солдатику найти себе невинное развлечение для отдохновения от ратных трудов, как кто-нибудь уже торопится наступить песне на горло.

Главная солдатская заповедь гласит: держись поближе к кухне и подальше от начальства. Именно поэтому разочарованные радисты, стаскивая на ходу резиновые комбинезоны, надетые по соображениям гигиенического характера, начали потихоньку расходиться. Посудина же, набитая, мягко говоря, возбужденными крысами, осталась на небольшой очищенной от можжевельника площадке возле шурфа.

Рядом с ней, оглядывая себя внутренним взором, который у большинства старших офицеров непостижимым образом расположен вне тела и позволяет постоянно видеть и слышать себя как бы со стороны, стоял донельзя довольный своим умением мгновенно принимать волевые решения начштаба.

Однако, судя по дальнейшим событиям, вместе с радистами покинул полковника и его ангел-хранитель. Оказавшись в одиночестве, Карымов, довершая миссию спасения, мягко опрокинул бидон - и тут же понял, что поступил по меньшей мере опрометчиво. Воистину - нет такого доброго дела, за которое его творцу не воздалось бы злом.

Вырвавшиеся на свободу здоровенные зверюги - мелких радисты сразу отбраковывали саперными лопатками - рванули к себе домой кратчайшим путем, на котором оказался их благодетель. Уже в следующее мгновение, облепленный обезумевшими крысами до пояса, пританцовывая и нелепо размахивая руками, Карымов непроизвольно сделал два шага назад и исчез из поля зрения пораженных этим зрелищем солдат. Глухой шлепок, донесшийся из шурфа, подтвердил, что это им не снится.

Сорвавшийся с левой ноги полковника, до эфиопского блеска начищенный ботинок подлетел на несколько метров, блеснул в точке своего апогея застывшей на морозе соплей - и нырнул, разделяя печальную участь хозяина, в зловонную яму.

Оптимизм русской литературы - явление весьма спорное. Светлый облик деда Мазая в заячем полушубке на голое тело стремительно тускнеет на фоне срывающей график железнодорожных перевозок Анны Карениной.

Национальный герой, Иванушка-дурачок, из сказки в сказку с маниакальным постоянством женится, кретин, на царевне, обрекая себя на

пожизненный мезальянс ради сомнительной привилегии править своим народом, который только и думает, как бы вставить начальству перо в анус.

Простой, ничем кроме немоты не примечательный дворник становится основоположником идеологии, основной постулат которой формулируется легко и просто: кого люблю - того топлю. Какой уж тут оптимизм...

"Ох, бяда-бяда..."- приговаривал Петька Огородников, вытаскивая еще одного литературного героя, полковника Карымова, из жуткого вида помоев.

Карымов, упав с шестиметровой высоты на спину, почти не пострадал - несколько царапин, синяков и укусов не в счет, но до вечера, сколько его не отмывали, благоухал с нездешней силой. Вылезая из шурфа, он слабодушно сожалел, что не разбился насмерть. Однако уже со следующего дня начштаба заставил скорбеть о своей несостоявшейся кончине весь личный состав командного пункта.

Так оно обычно в жизни и бывает: лицом в грязь человек падает чаще всего по собственной инициативе, но мстит за это кому угодно - кроме себя, любимого.

2

Порой весьма сложно выстоять под ударами судьбы, в особенности же тогда, когда ее орудием слепой случай выбирает таких, по мнению замполита, бессердечных мерзавцев, как сержант Вертер и рядовой Огородников.

Хотя сами они этого мнения о себе, о чем нетрудно догадаться, не разделяли. Более того, они предполагали, что замполиту, капитану Долгоносику, просто застит глаза его принадлежность к касте брахманов самого передового мировоззрения. С бонзами это приключается сплошь и рядом. Иначе просто нечем объяснить его, замполита, странное чувство юмора и страсть выискивать провокации в любых, даже самых безобидных ситуациях, просто неизбежных при скоплении пятидесяти неоскопленных жизнерадостных балбесов в замкнутом пространстве казармы.

Впрочем, это характерная черта комиссаров всех рангов во все времена. Можно даже сказать, что замполит не был ничем особо примечателен - политрук как политрук. Единственное, чем он прославился, так это регулярной организацией общественно-бесполезного труда, избежать которого мало кому удавалось.

Вот, например, на исходе давешней осени, когда командир поехал встречать прибывшее из штаба округа с проверкой высокое начальство, он поручил Долгоносику обеспечить чистоту на ведущей к воинской части аллее.

В результате Вертер с Огородниковым, которых замполит недолюбливал, не без оснований подозревая, что именно они украли и пропили его парадные сапоги во время последней поездки на полигон, и чьи интеллектуальные возможности по этой причине использовал при малейшей на то возможности, еще до завтрака раз восемь, шаркая метлами, прошлись по отведенному им участку. Свежий воздух, приятная беседа - что еще нужно человеку для счастья?

Друзья коротали время за немудреными подсчетами. А прикинув, сколько гектаров полов надраено ими за время службы и сколько тонн картошки начищено, сколько посуды перемыто и гимнастерок постирано, невольно пришли к неутешительному выводу: не мужское это дело - Родину защищать.

Прогулявшись по аллее из конца в конец, новоявленные дворники

оборачивались и каждый раз с удовлетворением видели ее вновь усыпанной золотыми и оранжевыми листьями.

Однако замполита это не устраивало. Да и не так он был воспитан, чтобы безропотно ждать милостей у природы. И тогда Долгоносика осенило...

Чуть позже случайный грибник, заплутавший в запретной зоне, битый час, разинув рот, наблюдал за Огородниковым и Вертером, не в силах штатским своим умишком понять - зачем вооруженные длинными шестами солдатики сбивают листья с кленов, которые и без того через неделю будут стоять голые?

Но тут, видимо сердцем почуяв беду, заехал в часть командир. Настоящий офицер никогда не критикует коллегу при подчиненных. Поэтому, загнав замполита на вышку наблюдательного пункта, он просто продемонстрировал ему, как выглядит полоса "облагороженного" леса на фоне окружающего ее буйства красок.

Минут пять спустя вышеупомянутый грибник почувствовал, что теряет остатки разума. И немудрено: не каждому выпадает в жизни удача застать гвардии капитана со свитой в полдюжины солдат за сбором букетиков из кленовых листьев, которые они затем суровыми нитками привязывают к начисто ими же ободраным ветвям деревьев.

Впрочем, замполита, малопьющего умника, недолюбливали не только солдаты.

- Ну, чистый Рейган,- как-то при Вертере пожаловался на него младший лейтенант Ежов:

- В натуре: я к нему, как к старшему товарищу... Докладываю, что так, мол, и так - абсолютно организм Карымова не держит. Как с ним дежурить - полный распердеж. В том смысле, что хронический срач начинается. Бегаю и рыдаю. Зад красный, как у больной макаки - до крови стер. Сидеть теоретически могу, но практически только на подушке. И никакой чуткости в ответ. Какие-то бамперсы придумал... На дежурство, говорит, поддевай - и порядок. Троцкий занюханный! Откуда я знаю, положено их носить младшим офицерам или нет? И что это, вообще, такое - бамперс?

Что и говорить, с самого начала не заладились у Ежова отношения с новым начальством. По совершенно, при этом, пустяковой причине.

Единственной слабостью Карымова было убеждение, что он милостью Божьей художник. Вот и привез начштаба как-то на командный пункт несколько своих полотен на армейскую тематику, на которых разных званий военнослужащие несли боевое дежурство, целовали знамя части или иным каким-либо способом демонстрировали свой патриотизм. А самобытность живописца, его почерк определялся тем, что все намалеванные им персонажи выглядели как не первой свежести трупы, кем-то зомбированные и приспособленные к ратной службе.

Ежов долго сопел у расставленных на стулья картин, слушая, как старшие по званию один за другим выражают свой восторг, сравнивая полковника то с Шишкиным, то с Айвазовским. Наконец, решив показать свою эрудицию, лейтенант, дождавшись паузы, выгнул грудь колесом, резким движением выбросил вперед правую руку с оттопыренным большим пальцем и воскликнул:

- Малевич!

Карымов, смутно понимавший разницу между малыми голландцами и передвижниками, кубизмом и супрематизмом, услышал в этом возгласе нечто

для себя унижительное и грозно пробурчал:

- Чего?

- В смысле - Казимир... Художник то есть... - стушевался Ежов и удалился легкой девичьей походкой, понимая, что сказал что-то не то, но еще не представляя себе последствий.

Злопамятный же начштаба с тех пор, раз в неделю прибывая на суточное дежурство, рано или поздно - если видел Ежова на построении, требовал к себе "этого коротышку, которому маслята по колено" и устраивал ему козью морду, всякий раз находя для этого новую причину.

Однако прапорщик Бараускас пострадал за дело. Правда, вина его заключалась главным образом в том, что родился он не там, где следовало бы, и не в ту эпоху. Сложись чуть иначе обстоятельства его появления на свет - стал бы он персонажем мифологии, славным в веках своей эпических масштабов жадностью.

Утаскивал Бараускас в свою норку, скособоченный цвета хаки домик на окраине офицерского городка, все, что могло быть туда переправлено без помощи крана или, скажем, транспортного вертолета.

И Вертер, и его ляпший сябр Петруха Огородников, немало повидавшие чудачков за время службы, одной из лучших легенд, изустно передаваемых от одного поколения срочников к другому считали предание о командированном на похороны прапорщике. "Где они тут копать собираются?" - недоумевал он, впервые в жизни бродя по колумбарии. Спер оттуда Бараускас тогда не то две, не то три урны, украсившие затем его сервант. Пестрые бумажные розочки, позаимствованные там же, возможно, привели бы в негодование какого-нибудь эстета, но холостого к тому времени прапора вполне устраивали.

Абсолютно здоровый, порой все же впадал он в депрессию. Случалось это нечасто, поскольку предметы, которым в любой момент можно было приделать ноги, но неприменимые в быту, попадались ему редко.

Вся казарма, затаив дыхание, наблюдала, как прапорщик сомнамбулически бродит вокруг поступившей в часть остродефицитной оболочки для кабеля, уже зная, как стащить, но не в силах придумать, как же ее затем использовать.

Гораздо позже Вертер понял, что Бараускас был первым встреченным им идейным, хоть и подсознательно, пацифистом. Враг милитаризма в любых его формах, он боролся с боеспособностью армии не покладая рук. Вот и кабель исчез через какое-то время. Потом Вертер углядел его на одном небольшом огороде нарезанным на части и протянутым вдоль грядок. Из мелких дырочек, набитых по всей длине, медленно сочилась в лунки, из которых прорастали какие-то хилые ростки, вода, а вокруг, не обращая внимания на мелкий дождик, проливавшийся тем летом чуть ли не каждый день, ходил донельзя довольный собой плантатор. Его фамилию, думается, называть излишне.

Незадолго до описываемых событий Бараускас наказал все боевые расчеты, отобрав по трешке с каждого в возмещение убытка за испорченные простыни, которые пошли на подворотнички. Доводы пострадавших, что, мол, в лавке материала нет и, вообще - в армии не штрафуют, а списывают, воздействия на старшину не оказали.

В результате Вертер с Огородниковым лишились шести кровных рублей и перспектива провести с пользой и веселием ближайший вечер сдохла, так и не

родившись.

Когда тебя бьют по левой щеке - подставь правую. Но нигде не сказано, что подставлять надо свою щеку.

Уделать прапорщика решили в самое больное для него место - нанести карающий удар по его личной собственности. Осталось лишь продумать, как это сделать так, чтобы не попасть под какую-нибудь слишком уж серьезную статью уголовного кодекса...

3

А ефрейтор Трофимов, конечно, начудил - бросил пить. И не то чтоб на недельку, а в полную завязку ушел парень. Странный какой-то стал, дерганый. Хотя никаких отклонений от нормы до этого за ним не замечалось.

Как всякий нормальный деревенских кровей старослужащий, стал он к концу службы горячим поклонником высокой армейской моды, с головы до ног блистая ее изысками.

Кутюр - штука серьезная. Дилетантам, к которым в описываемое время относились офицеры, не понять было того фанатизма, с которым деда ушивали свою форму, превращая армейские галифе в подобие балетных лосин. Хотя Зигмунд Фрейд мгновенно пришел бы к совершенно определенному выводу, доведись ему хотя бы мельком увидеть распираемые буйной плотью защитного цвета панталоны.

Трофимов был здоровяк от рождения, а последние полгода активно занимался атлетизмом. Это вкупе с ушитыми до крайности штанами выработало у него походку Шварценеггера. Но когда перед вечерней, например, поверкой так же, враскорячку, начинали вышагивать подражавшие ему салаги, чья походка, увы, не подтверждалась накачанной мускулатурой, возникало ощущение, что плац переполнен, *mille pardon*, обосравшимися хлопцами.

Шоферил Серега Трофимов на гражданке - и в армии крутил баранку. Был он в казарме главным активистом по самогону, поскольку имел доступ к бензину, который на любом окрестном хуторе в пропорции двадцать к одному без проблем менялся на не менее горючую, но, что гораздо важнее, более пригодную к внутреннему употреблению жидкость или ее денежный эквивалент.

И вот на тебе! Уж Долгоносик то, понятное дело, доволен был - не описать. Как тот вампир, которому нежданно-негаданно подвезло устроиться медбратом на станцию переливания крови. Он к тому времени уже все перепробовал: и наряды на кухню, и гауптвахту. А уж как устал замполит воевать в автоинспекции за Серегины документы! Даже "Голос Америки" с некоторых пор слушал весьма скептически, а как-то раз сформулировал: "Борьба за права человека - ничто по сравнению с борьбой за водительские права..."

Даже, было дело, в комсомол Серегу приняли - не помогло, куролесил по прежнему. И вот, когда только и оставалось, что пристроить Трофимова то ли в партию, то ли в трибунал, подвернулся удобный случай и спровадил его тогда замполит на посевную в подшефный совхоз.

Вернулся ефрейтор, непривычно тихий и задумчивый, через пару недель. Одно злило Долгоносика - молчал Серега, ни в какую не желал рассказывать, что же с ним такое в совхозе приключилось. И только когда подошло время увольняться в запас, вытянул-таки замполит, змей, угрозами и посулами из него такую историю.

"Как посевную закончили, так мы с мужиками прям на поле и загуляли.

Хорошо кирнули, за всю ту неделю, что всухую проваландали, душу отвели.

Когда прикончили все, что было, решили гонца за добавкой отправить. Ну, на ногах то уже никто не стоял - пришлось мне ехать. Главное, водку пьянствовать - все ударники, а я отдувайся. Но бригадир грит - он там один по-русски шпрехает - что, мол, ты, Серега, kurat, единственный, кто еще может в кабину забраться. Бери, грит, трактор. На нем надежнее: даже если с проселка съедешь - сам же и выберешься. Выручай, грит, коллектив. Я и погнал.

Рванул в поселок. Ну, магазин то, само собой, давно закрыт. Я в шалман, тот, что в дачном кооперативе, у бани. Трактор свой, главное, прям у дверей оставил - чтоб не потерялся. И к знакомому халдею. Он мне, что надо, вынес. Поддали мы с ним на дорожку - и мимо швейцара я прошел уже на четвереньках.

С крыльца сползаю и чувствую - что-то не то со мной творится. Встать уже не могу! И голову не поднять - в зубах авоська тяжеленная. Ну, думаю, двину прямо вперед, покуда в колесо не упрусь.

Тут я слегка задумался как-то... Очнулся - и замечаю, что все еще потихонечку ковыляю на четырех костях, челюсть свело - аж окаменела - а трактора моего все нет и нет. Уже и светать начало, лес кругом, кусты и валежник - и тут до меня доходит - ты "кировец" видал?- что пронесло меня промеж колес...

Делать нечего, устраиваю привал на ближайшей опушке, подкрепляюсь "червивкой". Только закурить собрался - тут меня в первый раз и достало!

Смотрю, по полю дом ползет... Сам по себе. Небольшой такой, аккуратный. Прогуляться, собака, вышел. Медленно так, рывками. И матерится на десять голосов, а иногда вроде даже и не по-нашему. А людей кругом никого, по полю туман стелется - и так мне жутко стало...

Заполз я за камни, сердце бухает, как клапана у трактора. И тут чувствую - смотрит на меня кто-то. Поворачиваюсь..."

Дойдя до этого места, Серега начал путаться и заикаться, но мало-помалу Долгоносик выяснил, что в такой страх вогнали его два карлика, оказавшиеся тогда за его спиной.

Мгновенно протрезвевший ефрейтор уставился на ближайшего из них. Ростом не более полуметра, этот уродец был с головы до ног покрыт мохнатой шерстью, казавшейся светло-розовой в рассветной полутьме. Его большие острые уши стояли торчком, едва заметно поворачиваясь на редкие звуки спящего леса. Огромные и абсолютно круглые глаза внимательно следили за Серегой.

Успел он заметить еще широченные ноздри и ступни, которые тянули на не менее чем пятьдесят четвертый размер. Тут один из карликов протянул к Сереге трехпалую руку, в которой что-то блеснуло. Бравый тракторист успел еще пробормотать: "Все - допился!", переводя взгляд с одного карлика на другого - и отключился.

Слушая Трофимова, даже проникаясь невольно его убежденностью, что так оно все и было, а не пригрезилось в результате общей усталости организма и под воздействием выпитого, замполит постепенно пришел к выводу, что чем бредовее идея, тем легче в нее поверить. "Тем и живем",- подумалось Долгоносику чуть позже, когда он по долгу службы прорабатывал материалы последнего съезда партии.

"Какой вздор! Не может такого быть",- заявит, возможно, автору

возмущенный читатель.

Но кто из нас, предаваясь мечтам, не воспарял в заоблачные выси? И, топчась по меже, разделяющей объективное и субъективное восприятие жизни, весь в облачках сладостных грез - как утопленник в пивках - не строил отчаянно смелых планов?

Глупец умнеет по мере приобретения знаний. Хотя, впрочем, хорошего дурака не испортит даже самый престижный университет. Удостоверившись же, что всего знать невозможно - он становится философом. И строит планы.

"Вот, мол, подамся в супермены, буду прямо из стратосферы пикировать на злодеев и размазывать их по стенам всякими садистскими приемчиками, по пути хохмы ради до икоты пугая перелетных птиц своим экологически чистым выхлопом.

А то заведу себе Хоттабыча и, покуда его бороды хватит - не сверну со столбовой дороги, ведущей к всеобщему благоденствию в некотором отдельно взятом эмирате.

По совместительству стану еще, например, художником - и напишу шедевр под названием "Мясник, рубящий радиоактивное мясо". Изобразю маслом сидящего на корточках похмельного вида детину в засаленном фартуке, перекуривающего близь окровавленной колоды. А рядом, в таинственном полумраке подсочки, светятся и туша, и топор... Намалюю множество разных картинок, прославлюсь богемностью и распутством, наполучаю престижных премий, сморкаться, шокируя меценатов, буду исключительно в руку, но вскоре, отчаявшись достичь совершенства, вылечу насморк и уйду из искусства в чистую науку.

Превзойду астрономию или какую-нибудь там энтомологию, наоткрываю кучу новых звезд или букашек-таракашек разных - и назову их всех именами любимых женщин - поскольку лучший способ продемонстрировать свою силу состоит в признании собственных слабостей. Но, ими же утомленный, приму постриг, спрячусь от мирской суеты в монастыре, в выкопанной своими руками пещере, где, молясь денно и ночью, смирю гордыню... Или в террористы подамся - и взорву все вокруг к чертям собачьим заради светлого будущего. Всех плохих изничтожу, а затем с горсткой уцелевших построю новый мир, теплый и ласковый...

Только, мол, после всего этого, набравшись под завязочку жизненного опыта, двину в профессиональные литераторы.

И лишь когда все это произойдет - и только тогда - без малейшего промедления откажусь излагать в своих повестях правду, только правду и ничего кроме правды. Ибо именно так проще всего прослыть лжецом."

4

- Мозгов у вас, орлы - мелкому людоеду на хороший глоток! - майор Гога, в просторечьи Гога, высокий восточного типа красавец-мужчина, полным превосходства тоном строил подчиненных:

- Крысы - и те посмышленнее будут. Ну с какой стати они полезут в эту хреновину?

Сказано это было столь безапелляционно, что сержант Вертер будто воочию узрел негасимым светом горящее во лбу Гоги слово "устав", согласно которому убедительность аргументов, о чем бы не шла речь, находится в прямой зависимости от величины и количества звездочек на погонах, а приказ командира можешь, если ты не полный идиот, втихую саботировать, но ни в

кчем случае не обсуждать.

Ну, а хреновиной была заклеена гордость казармы, оригинальной конструкции крысоловка, сооруженная из отработавшего свое обогревателя, вернее его кожуха, и пружин, позаимствованных из чьей-то койки.

От крыс страдали в казарме все, так что половина всех разговоров, о чем бы не шла речь, сводилась к грызунам. Тем более, что поводов к тому они давали сверх всякой меры.

Предприимчивость серой гвардии и так не знает границ, а армейский пасюк, взросший на командном пункте бригады ПВО, в условиях повышенной радиации и на обильном солдатском пайке, не меньше четверти которого съедается и переваривается в темных норах, уникален по своему интеллекту.

Майор Гога, обычно высокомерно отстраненный от мелочей жизни, до недавнего времени свысока поплеывал на все проблемы, проистекающие из пересечения интересов крыс и людей, когда наглая ненасытность одних возбуждает непреходящую брезгливую ненависть других.

Но не далее как пару дней назад его мировоззрению, в соответствии с которым центром мыслящей вселенной являлся он и никто более, был нанесен сокрушительный удар.

Тогда Гога, преисполненный сознания собственного достоинства, заявился на суточное боевое дежурство, источая "секретным" портфелем убийственный аромат присыпанного зеленым лучком копченого палтуса.

Ясности ради следует, видимо, пояснить, что к разряду секретного относится в армии любой предмет, прошитый суровой ниткой, пронумерованный и опечатанный особистами. Потеря его, полная или частичная, грозит трибуналом.

Ничего такого противозаконного майор не совершал, просто засунул в потертый коричневой кожи саквояж, предназначенный для хранения и транспортировки засекреченных документов, с полдюжины бутербродов.

Более того, он бы преспокойно съел их на ужин, кабы не трагическое стечение обстоятельств.

В те времена офицеру на боевом дежурстве в сравнительно спокойные ночные часы портили жизнь лишь планшет - огромный плексиглазовый экран, на котором то и дело появлялись траектории воздушных целей, да телефон прямой связи с подчиненными дивизионами и вышестоящими штабами.

Этот телефон был снабжен большим количеством кнопок, каждая из которых соответствовала какому-то абоненту и загоралась, когда проходил вызов. Тогда следовало придавить пальцем отчаянно мигающий на панели огонек - и можно вступать в беседу. Но ближе к вечеру редкий дежурный офицер утруждал себя нажатием кнопок - это негласно считалось обязанностью находящегося рядом с ним солдата. Так что суточное дежурство позволяло и немного отдохнуть, и испытать при этом чувство исполненного долга.

Вот и майор Гога, приняв вечерние доклады с ракетных дивизионов, расслабился и попытался было сосредоточиться на лихо закрученной интриге прихваченного с собой детектива. Читиво начиналось словами: *"Преступник, как ненасытная тиранья..."* Но удовольствие от неспешного чтения сводил на нет младший лейтенант Ежов, подчиненный Гоге на время дежурства офицер связи, страшно паниковавший в предверии грядущих вскоре аттестационных экзаменов.

Колька Ежов, то и дело влипающий во всякого рода неприятности,

которые с фатальной последовательностью усугублялись его буйным нравом, наверное просто родился под несчастливой звездой. Бывают такие люди, которым, хоть ты тресни - не везет.

Появившись на свет в небольшом приволжском городке, весил он едва ли фунтов пять. "Не жилец, ох, не жилец!" - стонала родная его бабка и уговорила таки, ведьма, свою дочь, партийную и при должности, срочно окрестить младенца.

Совершивший требуемый обряд священник на последовавшем вслед за этим пиру не побрезговал ни "Стрелецкой", ни коньячком и, утратив приличествующее сану благолепие, между жареным гусем и пельменями ехидно заметил соседу, еще не зная, что это счастливый отец новорожденного, что его дело, мол, сторона, но вообще-то в Древней Спарте таких кондиций выпердышей относили к ближайшей пропасти - и без обратного билета.

Чуть позже оказалось, что сверх меры начитанный батюшка к тому же не дурак подраться. Служитель культа с достоинством отмел все попытки вырвать ему бороду, нокаутировав всех мужчин клана Ежовых кроме, разумеется, сопевшего в люльке Коленьки, хлопнул еще рюмку, в ответ на чье-то:

- Своим поведением ты позоришь Господа! - ответил со смирением:

- Бог не партия, его опозорить невозможно! - перекрестил, благославляя, всю честную компанию и с тем удалился. Оставив Кольку расти и мужать в постоянной борьбе с неблагоприятной к нему судьбой. И чего только с ним не приключалось!

Во время последнего отпуска, например, проведенного на малой родине, отец Ежова, начальник вневедомственной охраны, не без задней мысли упросил сына посидеть несколько ночей сторожем в сберкассе, система сигнализации которой временно не работала. "Так оно всем спокойнее будет",- с облегчением думал Ежов-старший, замыкая дверь снаружи на здоровенный амбарный замок.

А Ежов-юниор в это время мрачно вышагивал от стены к стене, последними словами кляня и эту задрипанную резервацию, и свою уступчивость. Трагизм ситуации усугублялся для него тем, что по пути в сберкассу встретил он двух старых школьных приятелей, державших путь в ресторан, и при иных обстоятельствах мог бы уже проводить время не так бездарно, но...

Однако через полчаса, после чекушки, предусмотрительно захваченной им на работу, Ежов смотрел на жизнь уже не так мрачно.

Сберкасса, выходящая фасадом в глухой переулок, располагалась на первом этаже и хотя окна были достаточно высоко - но что такое два половиной метра для тренированного офицера, тем более - вниз. Решетка, как выяснилось, съемная, уже через полчаса была свинчена со своего места. Вот только с окрашенными оконными шпингалетами пришлось повозиться.

Тем не менее, к тому времени, когда ресторанные лабухи закончили настройку своих инструментов и взяли первые аккорды шлягера того сезона, повествующем о том, куда в ледяном тумане на недельку до второго уехал цирк, Ежов, сидя за столиком у самой эстрады, уже вспоминал со своими одноклассниками школьные шалости, поминутно азартно тыкая кулаком в плечо сидящего рядом друга и выкрикивая: "А помнишь!.." Ему давно не было так хорошо. Пистолет же, за отсутствием подходящих карманов, он, не мудрствуя лукаво, сунул за пазуху.

Назад, уже под утро, Ежов шел ватной походкой человека, которому половину костей в нижних конечностях заменили на невысокого качества

пружины. Влезть в таком состоянии в окно оказалось крайне затруднительно. А тут еще пистолет брюхо натирает...

Николай достал оружие, сжал его в зубах, подпрыгнул и повис на скользком карнизе, безуспешно пытаясь подтянуться, но не удержался и мешком свалился на землю.

Именно эту картину узрел ранний прохожий, мающийся бессонницей пенсионер, неторопливо, прихрамывая и цокая на каждом шагу по тротуару металлической тросточкой, вышедший из-за угла.

Ежов по-детски обрадовался: "Муфык!.." - и выплюнул пистолет в руку - "...выручай! Ну никак на работу не попасть..."

Прохожий ошалело перевел взгляд с Ежова на вывеску сберкассы, уронил трость, которую так и оставил в переулке, что-то такое сообразил и совершенно, по мнению лейтенанта, нелогично ушел в ту же самую сторону, откуда только что появился. Причем удалился пенсионер с резвостью, поразившей и его самого, и Ежова.

Пришлось, в общем, лейтенанту подтаскивать под окно сберкассы мусорный бак, вскарабкавшись на который он уже без особых усилий влез в окно. Но когда Ежов, кое-как приткнув на место решетку, собрался немного расслабиться на узком деревянном диванчике, дверь с грохотом слетела с петель и помещение сберкассы заполнили автоматчики в милицейской форме.

"Здорово повезло им тогда, что я про свой пистолет не вспомнил..." - задумчиво говорил в заключение Ежов.

Но отпуск - дело прошедшее, а два дня назад он то и дело заходил в оперативный зал и задавал совершенно дурацкие, на взгляд Гоги, вопросы:

- Саш, ты не помнишь, на какой частоте..?

Выслушивал ответ и уходил, чтобы через пять минут появиться снова:

- Саня, какая расчетная дальность..?

Но больше всего раздражало майора Гогия то, что Ежов бродил по оперзалу с недавно пойманной в казарме крысой.

Прогулка с каким-нибудь кудлатым барбосом или, наоборот, в компании мелко дрожащей короткошерстой сучки предоставляет любителям эпатажа возможность шокировать окружающих лишь в тех редких случаях, когда псина в силу аристократического своего происхождения обременена каким-либо несусветным уродством либо постоянно пребывает в состоянии депрессивной мизантропии. Стоят такие собаки почему-то много дороже симпатичных и добродушных дворняжек. Поэтому Ежов, за невозможностью прогулки с кем-то достойным лично его, совершал вечерний променады по оперзалу с мелкой затюканной крыской.

Длинная веревка, изображавшая поводок, дергалась во всех направлениях. Иногда крыса, обвязанная по туловищу красной нарукавной повязкой дежурного по связи, которой положено было бы быть на Ежове, пробегала всего в нескольких сантиметрах от ног Гоги. Затем звучал очередной вопрос:

- Санек, сколько целей..?

Майор, постепенно закипая, добросовестно отвечал. Но, видимо, на роду у него было написано пострадать в этот день. Гогия обычно аттестовал себя очередной простушке, на которую положил глаз, следующим образом: "В душе я блондин, трепетный и романтичный", что было стопроцентной ложью, поскольку обладал он не только типичной кавказской внешностью, но и

взрывным темпераментом.

Все произошло очень быстро: Ежов зашел в оперзал с явным намерением снова озадачить майора, в это время крыса юркнула под кресло Гога, а на пульте зазвонил телефон. Гога быстро задрал ноги, одновременно снимая трубку и поднося ее к уху, сидящий рядом сержант нажал кнопку, соединяющую его с абонентом, и тут разъяренный дежурный офицер рывкнул, с ненавистью глядя на Ежова и не осознавая, что то же самое говорит в трубку:

- А не пошел бы ты на хер, придурок! - и, не дожидаясь ответа, в нескольких витиевато загнутых фразах лаконично, но очень интимно, как своему сексуальному партнеру, изложил младшему лейтенанту суть "Камасутры".

Как на это отреагировал начальник штаба бригады на другом конце телефонного провода, можно было понять по мгновенно остекленевшему взгляду майора. Еще через минуту он бился в конвульсиях и Вертер посчитал за лучшее на какое-то время смыться из оперзала.

В тот вечер майор потерял не только интерес к жизни, но и аппетит, что для знавших его в лучшие времена звучит ну просто ненаучной фантастикой. Спать он лег самым естественным для боевого дежурства образом - не раздеваясь свернулся клубком на двух креслах. Под голову Гога пихнул вышеупомянутый портфель - и забылся до утра в вязком потном кошмаре.

Около полуночи дверь в оперзал тихонько отворилась. Рядом с Вертером плюхнулся в кресло встрепанный первогодок с заспанными глазами. Сержант похлопал его по плечу и шепнул что-то на ухо. Затем он внимательно оглядел дрыхнувшего майора, пробормотал: "Спи спокойно, дорогой товарищ..." - и, неслышно ступая, направился к выходу. На ходу Вертер достал из кармана какой-то баллончик. Вернулся он примерно через час, заметно повеселевший и слегка пованивающий нитрокраской.

5

В общем, та еще ночка выдалась! Но, слава Богу, не только у наших парней. Даже в основном не у наших - они то как раз все благополучно проспали.

А вот норвежцы вовремя засекали цель, с несусветной скоростью пикировавшую на их родные шхеры. Шла она без опознавательного сигнала и потомки викингов, излишне не философствуя, от всей души выдали по нарушителю границы смертоносный ракетный залп.

Локаторы показали поражение цели, но затем беспристрастно зафиксировали, что этот оказавшийся неуязвимым объект с резким набором высоты уходит в сторону Швеции. Несколькими минутами позже столь же круто он стал снижаться.

Шведы успели врезаться по этой цели два раза, и на западной, и на восточной своей границе - но с тем же результатом: после каждого попадания, невероятным каким-то образом оставаясь цел, объект совершал дикий по скорости и резко набираемой высоте прыжок.

Той же ночью, запросив данные космической разведки, шведы рассчитали последнюю траекторию. Выяснилось, что русские, на чью территорию должно было прийти следующее снижение неопознанного прыгающего объекта, не отреагировали на него никоим образом, то ли проявив свойственное им гостеприимство, то ли начисто его проворонив.

Описываемые события имели место в те наивные годы, когда "поплавок",

ромбовидный синего цвета значок, выдаваемый вместе с дипломом, подтверждающим наличие высшего образования, гуманитарии уже не носили, но еще и не стеснялись его, как клейма неприкаянности и неприспособленности. Когда никто еще слыхом не слыхивал о возможности увеличения груди посредством вакуумного насоса. Когда для выезда из страны требовалось обзавестись альтернативной исторической родиной вне пределов рублевой зоны или стать перелетной птицей, причем второе для большинства желающих представлялось более реальным нежели первое. И порою, особенно во время объявления боевой готовности казалось, что граница больше боится от прорыва изнутри, нежели от нападения внешнего врага.

6

К тому времени, когда начштаба, впервые в жизни обложенный матюгами младшим по званию, ни свет ни заря прибыл на КП, прапорщик Бараускас уже снял пробу на кухне, но в оперзал, где должен был разбудить дежурного офицера, не торопился. У него в то утро хватало своих забот.

Накануне Бараускас по причине хорошей погоды прибыл к месту службы на своем личном мопеде. Гордился он недавно приобретенной "Ригой" чрезвычайно. Видно это было и по тому, как бережно обтирал прапорщик ярко-оранжевое тулово своего боевого коня, и по той тревоге, которая сквозила в его глазах, когда кто-нибудь из офицеров брал мопед прокатиться.

На время суточного боевого дежурства оставлял он свой велосипед с моторчиком на стоянке соседней части, где мопед находился под присмотром часового. Особое удовольствие доставлял Бараускасу процесс парковки, поскольку неподалеку ставил свой драндулет кто-то из офицеров. Тот мопед, недавно перекрашенный в черный цвет, был куплен уже давно и хотя внешне отличался только мастью, казался Бараускасу дряхлым уродцем на фоне принадлежащего ему великолепия.

Итак, проверив на кухне закладку продуктов и заодно подкрепившись, Бараускас неспешно отправился проведать своего любимца, вполне разумно рассудив, что разбудить Гогиа можно и попозже, а мопед, которым он не любовался с вечера, неплохо бы навестить сразу.

Выйдя за капонир, прапорщик не поверил своим глазам: на парковочной площадке сиротливо стоял только черный мопед, его же красавец исчез неизвестно куда.

Бараускас уронил только что прикуренную сигарету и по-крабьи, как-то боком стал обходить стоянку по кругу.

Ничего это не изменило: с какой точки не смотреть - его мопеда не было.

Оцепенение, в которое впал прапорщик в первые минуты, прошло. И он отправился на поиски. А зайти в оперзал, растолкать дежурного офицера - про это Бараускас и думать забыл.

Поэтому Гога, спавший на креслах, был застигнут врасплох начальником штаба. Вертер, и сам дремавший, отреагировал на неожиданное появление полковника в оперзале первым и привел дежурного офицера в состояние боеготовности, проорав из самого темного угла оперзала:

- Товарищи офицеры!

Майор Гогиа, не вставая с кресел, изобразил положение "смирно" и с грохотом скатился на пол. Уже затем он проснулся, тут же сориентировался и весьма убедительно изобразил, что и не спал вовсе, а всего навсего ищет что-то

под столом. Но когда Гога встал, из "секретного" портфеля посыпались на пол документы, какие-то таблицы и обрывки промасленной бумаги: баул с аккуратно отъеденным крысами углом свой груз уже не держал.

Близкий к нервному расстройству Гога переминался с ноги на ногу. На стене за его спиной виднелся стенд, по верху которого шла надпись "Спасательные работы в зоне...", причем первое слово по традиции всех мест, где вешают такие стенды, по причине отсутствия двух букв читалось ".нас.тельные".

- Службу править - это тебе не старших по званию материть! - с мрачным удовлетворением произнес наблюдавший эту мизансцену полковник.

Двумя часами позже Карымов придумал, как отыграться на Гоге, назначив его начальником "секретки".

Армия любит секреты. Она без них жить не может. А в технических частях есть целые отделы, занимающиеся приемом, систематизацией и хранением секретной информации.

На командном пункте под эти дела была отведена небольшая комнатка в подвальном этаже, забитая архивом и аппаратурой спецсвязи, в обиходе называемая "секреткой".

Служба в этом отделе была в силу его специфики лишена какой бы то ни было приятности. И вот майор Гога, проклиная все на свете, второй день занимался приемом имущества и документации этой самой "секретки".

Свойственная Гоге восточная мстительность, а также тайная надежда реабилитироваться в глазах начштаба демонстрацией своей технической сметки - только это подвигло майора на создание крысоловки оригинальной конструкции. Выглядела она так: на вырезанный из жести круг - анод, была пристроена изоляционная чашечка, которую по краю опоясывала полоска металла - катод. Подсоединенное к сети, это устройство, которое Гога с гордостью продемонстрировал своим подчиненным, должно было стать миниатюрным электрическим стулом.

- Товарищ майор! - поинтересовался Вертер:

- А кто будет объяснять крысам, как им надо вставать и куда ложить голову?

- Простота! - уничижительно отозвался Гога, демонстративно медленно накрошил в чашечку хлеба, поинтересовался: "Еще вопросы есть?" - и отправил подчиненных устанавливать смертоносный агрегат в оперативный зал, здраво полагая, что если презентация плода его технического гения пройдет там, то результат будет виден сразу и всем.

И уже в зале Огородников, не очень то разбиравшийся в физике, долил в чашечку воды, рассудив, что хлебный дух будет сильнее и желающих покончить жизнь самоубийством крыс будет больше.

Вернер тоже внес усовершенствование в крысоловку. Ему, обычно дежурящему в непосредственной близости от закутка, в котором Огородников установил эту адскую машинку, показалось необходимым хоть как-то ее заизолировать. Вот и подложил Вертер под крысоловку толстый кусок коричневого цвета пластмассы, обнаруженный им в столовой и никому, судя по всему, не нужный.

- Кстати, старшина не нашелся? - поинтересовался Гога напоследок.

Хороший вопрос. Пропал целый прапорщик! Хотя кому и на кой могло понадобиться это сокровище?

7

Даже супруга Бараускаса, самая покладистая, по словам старожил Шанхая, как испокон веку именовался военный городок, женщина на свете, сбежала от него. Никто, впрочем, не ставил ей это в упрек. В свое время она безропотно снесла даже увлечение супруга поэзией, и одно это, учитывая специфику его виршей, любовной, к примеру, лирики: "*Что ты тонка и не грудастая - не сожалею, пленят не каждого сисястые - они глупей...*", должно было бы служить ей после кончины пропуском в рай.

Стихи Бараускаса, то и дело появлявшиеся в газете военного округа, беспрестанно подтверждали ту непреходящую истину, что концентрированная глупость рано или поздно начинает казаться истиной в последней инстанции - и наоборот.

Над старшиной потихоньку посмеивались и только бестактный Ежов высказался прямо:

- Ну что ты пишешь? Взять хотя бы это...- и процитировал что-то из патриотического: "*Мы - юная смена земных поколений, идем мы дорогой великих свершений...*"

- А чо? - оскорблялся прапорщик.

- Буй через плечо! Ты эти свершения видал? Литератор, ...! Вставь зубы и улыбайся! - когда Ежов волновался, он иногда выражался несколько туманно.

- Кесарю - кесарево! - добавил он и решительно рубанул себя ребром ладони по области паха. Не находя затем нужных слов, лейтенант огляделся и подозвал к себе проходящего мимо дизелиста Нугзарова, самого грязного и запущенного солдата последнего призыва, в недавнем прошлом выпускника железнодорожного техникума, ныне редактора стенгазеты. Брезгливо ткнув в него пальцем, Ежов продолжил:

- Вот - интеллигенция! Возьмем, образно говоря, которая писатели... И моются то только те, кому чесаться лень. А ты - прапор, яйценосец, и должен чувствовать...

Тут лейтенант окончательно запутался и оставил Бараускаса в покое.

С рифмоплетством старшина покончил в одночасье. Просто написал как-то две строки: "*Погляжу на глаза твои сливки, на простой немудрящий оскал...*", да так и не смог закончить строфу.

Но не успела его жена с облегчением вздохнуть, как на нее свалилась новая напасть: старшина приобрел магнитофон и стал методично, бобина за бобиной, наговаривать на пленку поучительную историю своей жизни. Последней каплей, переполнившей чашу ее терпения, стало требование супруга заучивать наизусть это назидательное повествование. Тогда в первый и последний раз Шанхай услышал скандал в исполнении дуэта Бараускасов, а уже наутро старшина был соломенным вдовцом, в каковом состоянии пребывал затем несколько лет.

Он тяжело переживал неопределенность своего семейного положения, но, несмотря на перманентные поиски новой спутницы жизни, оставался, тем не менее, на бобах. Что странно, поскольку зрелый мужчина должен был бы видеть вокруг себя гораздо больше привлекательных женщин, нежели иной робкий юноша. Хотя бы по той простой причине, что пока второй мечется в поисках идеала, гармонично совмещающего в себе ум, духовность и телесную красоту,

первый, лишенный жизнью иллюзий, готов удовольствоваться наличием, на худой конец, и одного только кулинарного таланта.

И вот такой человек бесследно пропал! Днем раньше Бараускаса видели на солдатской кухне, потом часовой углядел, как он исполнил что-то напоминающее круг почета на парковочной площадке вокруг одиноко стоящего там черного мопеда. После этого следы терялись.

Правда, дневальный в казарме утверждал, что видел Бараускаса ползающим под кроватями. Затем было неопровержимо утановлено, что он побывал на складе горюче-смазочных материалов, в окружающем воинскую часть лесу и на свинарнике. Но уже к вечеру первого дня поисков замполиту, которому было поручено это ответственное задание, надоело рыскать по закоулкам и он решил отложить поиски до истечения трех суток, после которых самовольная отлучка старшины классифицировалась бы уже как дезертирство.

А Бараускас все это время искал, с сумасшедшим упорством искал свой мопед. В первый день, зайдя предварительно в свою каптерку, где он запасся флягой, залитой под пробку чистейшим спиртом, он обшарил все дыры на командном пункте, после чего никто не узнал бы в грязном оборванце-клошаре бравого прапорщика.

Затем, регулярно отхлебывая из фляги, он расширил круг поисков. В орешнике вокруг КП было довольно много оставшихся с войны заброшенных дотов. Краешком мутнеющего сознания понимая, что сворованный мопед может быть спрятан и там, ближе к вечеру прапорщик начал их обыскивать. Более или менее регулярно он подходил к опушке леса, откуда просматривалась автостоянка, в смутной надежде увидеть там свой оранжевый мопед, но наблюдал лишь черного цвета развалину на его месте.

Ближе к вечеру порядком пьяный прапорщик зашел на кухню.

- Повер! Воды! - прорычал он, заполнив хлеборезку парами спирта. Затем, получив требуемое и не дожидаясь, когда рассосется белесый осадок в ковшике, проглотил его содержимое.

- Возможно, это спасло кое-кому жизнь,- интимно сообщил он повару-узбеку, легким ударом ноги отправив эмалированную посудину в угол.

- Да лучше б ты сдох,- пробурчал себе под нос повар, но Бараускас его услышал.

- Вообще-то я не себя имел в виду...- многозначительно произнес старшина, поигрывая полуметровым разделочным ножом. Который, на всякий случай, прихватил с собой.

Глубокой ночью, бредя по захламленным катакомбам очередного дота, Бараускас наткнулся на опрокинутый вверх дном солидных размеров ящик, который, судя по следам на полу, двигали, причем недавно.

Сквозь дыру в этом коробе прапорщик разглядел мелькнувшие в свете фонаря красные глаза. Привычный к такому зрелищу, Бараускас, все же слегка обеспокоенный величиной этих глаз, вооружился обломком полусгнившей доски, приподнял ящик за угол и ткнул палкой в образовавшуюся щель.

Однако вместо желанного звяканья дерева о металлические части мопеда он услышал лишь раздраженное шипение и звуки, напоминающие бульканье.

Без эмоций, чисто рефлекторно старшина приподнял ящик повыше и посветил под него фонарем.

Сначала на свету оказались огромного размера волосатые ступни, затем рядом обнаружили еще одни такие же. Вторая пара конечностей находилась в

движении, ее обладатель неторопливо почесывал пяткой правой ноги щиколотку левой.

Бараускас шевельнул фонариком и наткнулся на немигающий взгляд круглых глаз, окруженных розовой шерстью. Такой же растительностью были покрыты непропорционально маленькие тела этих существ.

- Все...- проговорил прапорщик сиплым от потребления спирта голосом - допился...

Он тихонько опустил край ящика на землю и пошел к выходу, однако сделал несколько шагов, в нарушение строевого устава сделал поворот "кругом" через правое плечо, вернулся и, присев на корточки, еще раз потревожил укрывшихся под ящиком карликов:

- Вы мопед не видели? Оранжевый такой...- со слабой надеждой в голосе произнес он.

Один из карликов вроде как улыбнулся, ткнул в грудь трехпалой рукой и полупрошипел, полупробулькал:

- Вшё...

Второй проделал все то же самое, но, показывая на себя, произнес другое слово:

- Допилшя...

Старшина печально посмотрел на них:

- Это точно,- аккуратно накрыл своих новых знакомцев ящиком, выпрямился, достал флягу и влил в себя все, что в ней еще оставалось. Затем, спотыкаясь и натываясь на стенки, побрел к выходу.

Если бы Вертер и Огородников знали, как тяжело отразится на рассудке прапорщика их невинный розыгрыш, они, добрые в общем-то ребята, ни в коем случае не стали бы перекрашивать его красавец-мопед в черный цвет.

8

Фатальное совпадение самого что ни на есть активного возраста воспроизводства с призывным является основной причиной больших и малых трагедий на игровых площадках министерства обороны в мирное время. Инстинкт продолжения рода, начисто лишенный возможностей эмоциональной и физической разрядки, мало-помалу находит себе иную точку приложения усилий.

Опогоненные самцы вне дамского общества деградируют просто на глазах. Армейский целибат, который в отдельных случаях может привести даже к пикантным конфузам, связанным с потерей сексуальной ориентации в потемках казармы, чаще всего кончается все же примитивным террором сильного по отношению к слабому. Что до какой то степени естественно, поскольку служивый, которого со всей бесцеремонностью имеет его родное государство, также стремится в ответ поиметь кого-нибудь.

Понедельник начался, как обычно, получасовой строевой подготовкой. После завтрака Вертер вывел свой взвод на плац:

- Равняйся! Смирно! Правое плечо вперед - шагом марш! - повел он свою команду мимо орешника. Когда кусты остались позади, бойцов в строю заметно поубавилось.

- Песню - запевай! - скомандовал сержант и поплелся, на ходу доставая сигареты, в тенек. Пройдя мимо ворот части, он наткнулся на майора Гогия, который на пределе терпения отчитывал дневального:

- Так вот, Панюська, в этих кусках сланца иногда попадаются останки ископаемых животных - троглодитов. Вы, Панюська, их прямой потомок...

- Ась? - недопонял дневальный и скосил глаза на каплю пота, катящуюся по носу.

- Мудак ты доисторический! - сделал более приличествующей собеседнику свою речь взъерившийся майор:

- Сколько раз тебе повторять: помалкивай! Чем больше молчишь - тем умнее кажешься!

- Так ить все одно придется когда-нибудь рот-то открыть,- засомневался Панюська.

- Открывай! Но молча! - прекратил дискуссию Гога.

Не замеченный им Вертер благополучно прошмыгнул мимо.

- У солда! Та! Вы! Ход! Ной! - Пу! Говицы! В ряд!- чеканя шаг, надрывались на плацу военнослужащие последнего призыва, в то время как "деды" досыпали свое в орешнике.

Вертер уже расслабился в курилке, когда к нему подошел встревоженный, но по обыкновению жизнерадостный Огородников.

- Приплыли! - махнул он рукой на вопросительный взгляд друга. - Дуй в зал, начштаба вызывает.

- Настучал кто-то! - сообразил Вертер. - Ну, народ... Мопед или помидорник?

Огородников пожал плечами:

- Нам это бяз разницы... Узнаешь - приходи на наше место, к шурфу...

Март в том году выдался теплый, снег растаял уже к середине месяца и только в оврагах, куда не доходили солнечные лучи, кое-где еще затаились грязные сугробы. Подустав за зиму от казематной жизни, Вертер с Огородниковым каждый день, как только установилась солнечная погода, отправлялись побродить по лесу.

Однажды, во время одной из таких прогулок, друзья присели перекурить на крыше давно заброшенного, вросшего в землю дзота. Приятно припекало спины, после пройденных по орешнику километров клонило в сон и говорить не хотелось даже о грядущей вскоре демобилизации.

Дремота все сильнее наваливалась на приятелей, но вдруг их внимание привлек едва слышный звук, идущий прямо из под ног. Кто-то, казалось, скреб чем-то острым по бетону, вздыхал, ворочался и снова принимался за работу.

- Ну, дяла...- протянул Огородников и пошел проверять входы-выходы дзота. Тем временем Вертер ткнул носком сапога в присыпанную сухой листвой корявую сосновую ветку, она сдвинулась в сторону и навстречу сержанту черной пастью открылось небольшое отверстие в земле. Вертер опустил на колени, наклонил голову. Ему навстречу пахнуло сырой землей и совершенно отчетливо послышалось хлюпанье, а затем все тот же скрежет.

- Вентиляционный колодец,- объяснил Вертер ничего интересного не нашедшему Огородникову.

Вместе они накрутили на ветку пустую пачку из-под сигарет, зажгли ее и опустили импровизированный факел в дыру.

И на метровой, примерно, глубине увидели вставшего на задние лапы, тянущегося к свету крупного ежа.

- Свил, нябось, гнездо в ямке - и придавил ухо на всю зиму. Потом снег таял, а он опускался вместе с ним,- выдвинул предположение Огородников.

Ежа, пусть и обессилевшего, вынуть из колодца оказалось совсем не просто. Когда веселая суета подошла к концу, Вертер и Огородников были с головы до ног перепачканы землей и соплями, которые еж непрерывно отфыркивал веером во все стороны.

Вечером в казарме, вспомнив вперевалку ковыляющий к лесу серый кактус, Вертер слегка загрузил. Сколько раз слепая удача выручала и его в безвыходных, казалось бы, ситуациях!

Было бы логично предположить, что если уж недоумки существуют - должны быть и своего рода накопители, где они аккумулируются в количествах, превышающих нормальное. При этом сопутствующее им на жизненном пути везение, в иных местах не столь заметное, в этих, скажем прямо, критических точках становится просто нормой жизни. А благополучный выход из неисчислимого количества неординарных ситуаций, создаваемых дураками и полудурками в любой сфере деятельности, возможен лишь на заливке капризной богини по имени Удача. Причем это везение, которым природа компенсирует свою долю вины за их появление на свет, прямо пропорционально активности вышеупомянутой части народонаселения.

Путая причину и следствие, народ пришел к выводу, что везет дуракам и пьяницам. Хотя вторая категория везунчиков в этой формуле счастья - пьяницы - нужна лишь затем, чтобы дать надежду на что-то хорошее в этой жизни и нашей интеллигенции.

Довольно часто бывая в командировках, Вертер никогда не упускал случая наверстать упущенное по части веселого времяпрепровождения, стараясь, однако, всегда держать ситуацию под контролем. Но однажды - дело было в начале второго года службы - проснувшись, Вертер не сразу разлепил глаза. Некоторое время он потратил на приведение в порядок мыслей. К своему стыду он никак не мог восстановить в памяти события, имевшие место накануне. Отдельные эпизоды, правда, проносились в мозгу, но сложить из них цельную картину никак не получалось.

Был стол в уютном ресторане, под опекой знакомой кому-то официантки и поначалу побаивавшийся патрулей Вертер жался по привычке в уголок потемнее, чувствуя себя цыпленком, неведомо как очутившимся в лисьей норе. Было море вина. И водка. И, черт бы его побрал, "Вана Таллинн". Некто элегантный, оттопырив локоть, произносил тост.

Затем, с трудом сохраняя равновесие на мощеной булыжниками мостовой, тащились в гору - хотели, кажется, с высоты полюбоваться ночным городом. Всю дорогу пили, утомились и на полпути свернули в парк. Там - вспомнив это, Вертер покрылся холодным потом - он танцевал лезгинку. Или цыганочку?.. Затем тормознули частника, поехали в гости и дальше колобродили в каком-то общежитии.

Вертеру смутно помнилось разбитое окно, неоднократно повторенная фраза: "Коля, ну кончай уже драться, мы же давно помирились!" и многоголосое пение под кое-как настроенную гитару. Но где он находится в данный момент, какой благодетель его спать уложил и кто похрапывает рядом - на эти вопросы Вертер ответов не находил. Положение усугублялось тем, что командировку себе Вертер выписал сам, то есть находился в самовольной отлучке из части.

Все еще притворяясь спящим, Вертер эмпирически, легонько пошевелив задом и услывав в ответ на это движение услужливый скрип пружин, определил,

что лежит, вероятнее всего, на казенной койке. Решив, что находится в том же общежитии, где гуляли, Вертер приободрился, приоткрыл глаза и узрел краешек одеяла того типа, которым у нас укрываются солдаты, зеки и студенты. Поверх одеяла, в которое он был закутан чуть ли не с головой, Вертер увидел обшарпанный потолок, по которому в сторону окна семенил огромный таракан. Сержант с безразличием следил за насекомым, которое стало спускаться вниз по решетке... Решетка!

Вертера замутило. Ему со всей очевидностью стало ясно, что он или на гауптвахте, или в вытрезвителе. Представив себе последствия такой ночевки, Вертер тихонько застонал.

Где-то на улице невнятно загремел репродуктор. Вертеру послышалось, что диктор гнусаво произнес: "Песня "Ох, как мне плохо..." Слова и музыка - народные. Исполняет автор..." И тут он услышал голос, прозвучавший со стороны окна:

- Эй, алкаш! Подъем!

Ни на что хорошее в этой жизни уже не рассчитывающий сержант приподнял голову и увидел поразившую его картину. Оказалось, что помещение, в котором он находится, выглядит гораздо приличнее, чем он предполагал. Койки в два ряда, большущие окна, посреди - стол, за которым два офицера, капитан и майор, пьют чай с бутербродами. Голос, вернувший Вертера к жизни, принадлежал майору. Тот, улыбаясь, повторил:

- Подъем,- и добавил:

- Чай пить будешь?

Вертер встал, обнаружил рядом с кроватью на табуретке свою одежду, быстро оделся и подсел к столу.

Капитан молча налил ему кружку заваренного на мяте чая и подвинул ближе тарелку с бутербродами.

Вертер, сообразив, что дисбат ему, вероятнее всего, не грозит, по прежнему не имел ни малейшего представления о том, где находится. Наконец он отважился на вопрос:

- Товарищ майор, я, конечно извиняюсь - а где мы?

На это капитан фыркнул в кружку, а майор захохотал:

- В Центральном госпитале нашего, черт бы его драл, орденоносного военного округа!

Вертер подавился и закашлялся. Майор постучал кулаком по его спине и продолжил:

- Возвращаюсь это я ночью от... ну, это неважно - и вижу дивную картину на КПП: дневальный спит, ворота закрыты, а на звезде посреди этих самых ворот висит вдрабадан пьяный сержант и жалобным таким шепотом неизвестно кого умоляет пустить его на ночлег. Ну, я и сам сколько раз в командировках оттягивался до потери ориентации в пространстве и времени... В общем, дотащил я тебя до палаты, а санитары раздели...

Вертер переваривал информацию. И пришел к выводу, что простившись с собутыльниками, вероятнее всего, заблудился, и в том состоянии, в котором был, с облегчением упал грудью на первую же попавшуюся ему жестяную звезду, одну из тех, которыми украшены были ворота воинских частей по всему Союзу. Звезду, ставшую ему родной за время службы.

Но взгрустнулось Вертеру вовсе не из-за участвовавших в его жизни за последние два года случаев везения, против этого он как раз таки ничего не

имел. Гораздо хуже было другое.

Глупость заразна. А страшнее всего то, что она с необычайной легкостью принимает благообразный облик, обрастает традициями, ограждает себя законами - и распространяет свой образ жизни на любого, оказавшегося в ее зоне влияния. Не желающему быть растоптанным приходится сожительствовать с ней и рано или поздно он с ужасом начинает понимать, что и сам становится творцом нелепостей, подчас совсем не безобидных.

Когда Леха Бортник, парень одного с Вертером призыва, что в армии приравнивается к кровному родству, в свою очередь, хотя и при иных обстоятельствах, попал в госпиталь, он, маленько оклемавшись, занял очень активную жизненную позицию. Медицина, она ведь чем хороша? Лечись - не лечись, а конец все одно будет у всех один. Поэтому Бортник, будучи стихийным эпикурейцем и фаталистом, пренебрегал назначениями врачей и режимом, прокладывая тропы в близлежащие магазины - с одиннадцати до семи, общаясь с симпатичными дежурными медсестрами - по вечерам, и круглосуточно организовывая картежные вакханалии.

Еще он внимательно слушал и когда оказалось, что в хирургии находится на лечении майор Дудиков, его непосредственный начальник, постарался выяснить историю его появления в госпитале.

Дудиков с некоторой даже гордостью сам себя называл "самый старый майор Советской Армии" и не возражал, когда сослуживцы именовали его просто Дедом. И к седым волосам сохранил он юношеский задор и страсть к авантюрам. Жена ревновала его неимоверно, поскольку тверезый - Дудиков был еще ого-го! В общем, рекомендован ведущими собаководами и годен к использованию - без ограничений и противопоказаний. Поэтому, угнетаемый дома супругой, вольнолюбивый Дед хватался за любую возможность сходить налево, напоминая порой барбоса, который пыжится оросить каждый встречный столбик. Иногда это кончалось печально - и не только для него.

Даже относительно мягкая прибалтийская зима существенно уменьшает возможности кобелирования для расейских Казанов. Физиологические процессы на морозе частью замедляются, частью прекращаются вовсе. Поэтому, познакомившись с некой довольно уступчивой на вид дамой, по нижним конечностям которой можно было бы запросто сварганить исследование об удручающем влиянии подобных ножек на количество сердечно-сосудистых заболеваний у мужчин, Дудиков, дабы отметить это радостное событие, привел ее в отапливаемый гараж, где как рачительный хозяин держал зимой на приколе свою "Волгу". Чем выше каблук, тем охотнее мужики под него забираются.

Сиделось им там прекрасно, только вот напитков не хватило и Дед, пенопластовый обольститель - гулять так гулять! - отправился за добавкой в ближайший гастроном, во избежание каких бы то ни было сюрпризов заперев свою Дульсинею в гараже.

Назад он уже не вернулся, поскольку, обуреваемый всевозможными приятными предчувствиями, потерял бдительность, подскользнулся и грохнулся на тротуар, не только разбив две бутылки вонючего ликера, но и, что гораздо печальнее, сломав ногу.

С первых минут пребывания в приемном покое травмапункта Дудиков начал требовать к себе соседа по дому в офицерском поселке, которому, собственно, и принадлежал гараж. Однако медики отнеслись без всякого

сочувствия к пациенту, от которого несло алкоголем, как от дьявола серой. Пострадавшую ногу, которую Дед, как попавший в капкан хорек без колебаний отгрыз бы, не мешай ему живот достать до нее зубами, упаковали в гипс и подвесили на растяжку. Поэтому майор, не сомкнувший за ночь глаз, смог встретиться с приятелем лишь на следующее утро. Дудиков вручил ему ключи от гаража и слезно попросил выпустить на свободу томящуюся там узницу.

Сосед согласился и немедленно отправился в гараж, дверь которого он отпирал в самом что ни на есть игривом настроении. Когда заскрипели петли, он просунул голову внутрь и, улыбаясь своим мыслям, весело произнес: "Ку-ку!" И очень удивился, тут же получив по затылку домкратом.

Как выяснилось позже, оставленная в одиночестве красotka сохраняла верность своему кавалеру часа примерно полтора, после чего принялась звать на помощь. Довольно скоро охрипнув, она озверела и принялась планомерно уничтожать ни в чем не повинную "Волгу". К утру эта дама была готова на все, а больше всего ей хотелось убить того, кто запер ее в этом пропахшем резиной и соляркой сарае.

А сосед, кстати, оказался в той же палате, что и Дудиков, с целым, слава Богу, черепом, но основательно сотрясенным мозгом. Спасла его только меховая шапка. Ничего, выжил. Только вот в течение нескольких лет его одолевали приступы мигрени от одного лишь вида часов с кукушкой.

Леха Бортник быстро надоел госпитальному начальству и от него избавились сразу, как только это позволили его анализы. Вернувшись в часть, он не стал скрывать от общественности пикантные детали происшествия, ставшего причиной хромоты майора Дудикова. В результате жизнь Деда превратилась в сплошной кошмар, поскольку окружающие без устали, находя это остроумным, поминали гараж. В обиход прочно вошло выражение "Полный гараж!", констатировавшее, главным образом, крайнюю степень отчаяния.

Дудиков крепко обиделся. А тут как раз подошла пора распределения дембельских работ. И озадачил он Бортника строительством теплицы.

Не служивший может и не понять, что речь идет о прекрасной армейской традиции - оставить перед уходом на гражданку в родной воинской части память о себе. Положить, например, плитку в столовой. Или, если тянул лямку в сельской местности, лишенной канализации, то возвести хотя бы дощатый туалет в каком-нибудь располагающем к задумчивости месте.

И пусть твердят снобы, что, мол, память - она в основном нематериальна. Что стремиться надо к нерукотворным вершинам. Пусть нудят, что с высоты, на которой, захлебываясь восторгом, парит в минуты вдохновенья дух творческой личности, эту кособокую дурно пахнущую будку не разглядеть и в цейссовскую оптику. Пусть их болтают. Практичным людям, каковых в армии большинство, известно не понаслышке, что духовность даже самого отпетого интеллигента впадет в кому, если в момент, когда организм потребует отдать природе переработанные им белки, жиры и углеводы, поблизости не окажется приспособленного под этот процесс помещения...

Бортнику, учитывая, что все материалы для его личной стройки века предстояло изыскивать опять же ему самому, конечно, не повезло. Но возражать он не стал. Спор - дело тонкое, деликатное. Помня высказывание Долгоносика на одном из политзанятий: "Факты - это одно, а аргументы - совсем другое, о чем нам без околичностей говорит название известного еженедельника..." - Бортник и не подумал вступить в прения с майором. Выкручиваться предстояло

самому.

Он мог бы, разумеется, отказаться, но тогда и демобилизовался бы в конце июня, числа так тридцатого, на семь недель позже более счастливых своих однополчан. И тогда на помощь ему пришли Вертер и Огородников - утереть нос зарвавшемуся Деду стало для них делом чести. Причем выручить друга они решили из самых что ни на есть чистых побуждений. Это вам не забота об общем благе, которая чаще всего служит лишь прикрытием для своекорыстия и болезненного тщеславия.

Кто ищет себе сильного друга - находит хозяина. В истинности этой мысли тем же вечером, через полчаса после отбоя, убедились человек двадцать солдат последнего призыва. Руководствуясь при подборе рабсилы наличием взаимной симпатии, Вертер разбудил и затем привел на полянку вблизи шурфа - место, отведенное под теплицу, только тех, кто, как он надеялся, не пойдет на следующее утро информировать замполита.

Попад в армейскую службу, оказываешься на улице с односторонним движением. Проехать по которой против течения можно, но лучше это делать ночью, когда встречный поток не такой сильный.

Огородников, как потомственный колхозник, более сведущий в овощеводстве, сразу вооружил лопатами пятерых воинов и принялся расчищать площадку под теплицу. Вертер же запасся кое-каким слесарным инструментом и отправился с остальными в находящийся по соседству небольшой, но удивительно красивый провинциальный городок, единственным несчастьем которого были окрестные воинские части.

Когда его команда добралась до места, город уже спал. В полной тишине воины дошли до уютного рынка, расположенного в центре, и огляделись.

Очень скоро Вертер обнаружил то, за чем пришел. Остов недостроенного павильончика, уже аккуратно закатанного по основанию в асфальт, но еще не обшитого досками, идеально подходил для задуманного.

С асфальтом возиться не стали. Восемь несущих металлических труб, к которым были приварены все остальные элементы конструкции, просто спилили. Все происходило в полной тишине: орудующих ножовками для конспирации накрыли бушлатами. Затем дружно ухватились и вынесли павильон из города, никого по счастливой случайности не встретив и оставив на рыночной площади лишь огрызки труб в асфальте.

В городе все прошло гладко, а вот шесть километров до командного пункта шли три часа, путая следы на лесных дорогах и один лишь раз выйдя на открытое место.

Уже под утро, установив конструкцию по новому месту прописки, команда снова разделилась, и пока одни заносили землю, куда сразу втыкалась какая-то вялая рассада, другие перекрашивали павильончик из желтого в зеленый цвет и обтягивали пленкой, позаимствованной из личных запасов прапорщика Бараускаса, неизвестно куда девшегося.

Хотя - какие такие секреты могут быть у автора от горячо любимого им читателя? Лукавство, присущее высокоорганизованной материи, всегда и во всем уверенной в своем превосходстве, так и подзуживает его во имя сохранения престижа человеческой расы обойти молчанием тот прискорбный факт, что Бараускас в это время вот уже вторую ночь подряд мирно спал в заброшенном доте, свернувшись клубочком в изножье двух покрытых розовой шерстью неизвестного происхождения уродцев. Что иногда он, как осиротевший

щечок, поскуливал во сне и тогда трехпалая рука тянулась из темноты почесать его за ухом или похлопать по нервно дергающейся попке. Что накануне вечером, добиваясь понимания, изверги долго мучали Барауска какими-то схемами и рисунками, становящимися все проще и проще. Но ввалившийся в прострацию прапорщик ни в какую не шел на контакт. Лишь однажды он механически отреагировал на откатившуюся в сторону палочку, изображавшую катет почти прямоугольного треугольника, сходяв за ней в темный угол. Мохнатая парочка переглянулась и последующие полчаса развлекалась, гоня Барауска за поноской по захлавленным коридорам дота.

В общем, пока рядовой состав трудился в поте лица, утомленный прапорщик дрых без задних ног. И некому было обратить внимание на одинокий самолет, медленно проползавший над командным пунктом. И уж никто, кроме угрюмо молчащего экипажа капитана Симоненко, отважного пилота, пронзавшего пространство со скоростью семисот примерно километров в час на борту вышеупомянутого летательного аппарата, не слышал, в каких сочных выражениях вот уже третий час проклинал он жизнь свою неудавшуюся.

Но об этом позже. На земле тем временем жизнь продолжалась. Преисполненный благодарности Бортник сбегал на соседний хутор за самогонкой. Каждому досталось по теплomu вонючему глотку, теплицу нарекли помидорником, а пустую бутылку по морскому обычаю разбили об один из столбов.

Именно этот трудовой подвиг собирались отметить Вертер с Огородниковым на своем любимом месте у шурфа, когда Вертера вызвали в оперзал. Поэтому, зная за собой парочку солидных даже по армейским понятиям грехов, шел он туда с легкой опаской, готовый, на всякий случай, к любым сюрпризам. Впрочем, к подобному состоянию ему было не привыкать: если принять на веру утверждение, что лучшее снотворное - чистая совесть, то Вертер с полгода уже должен был бы маяться бессонницей.

На этом, собственно, кончается представление героев, особо отличившихся в этот столь обыкновенно начавшийся день, один из многих.

9

Вертер прижался к стене, пропуская выходящих из оперзала офицеров и ловя бессвязные обрывки фраз:

- ...знаешь ведь - он как на новую кадру нацелится - сразу хвост распускает. Да такой, что на трех павлинов хватит...

- Главное, что обидно? Я ж это знал - абсолютно точно, но забыл - как обычно...

- Кто ему, интересно, посоветовал Бортника к погранцам отправить? Подкрепление называется! У них и так хлопот по горло с этим дезертиром, а тут еще с пришлым раздолбаем возись...

- ...и тогда докумекали перевести, что там на этикетке написано. В общем, думали, что пьем, оказалось - лечимся...

Сержант, подтянув ремень и сдвинув пилотку с затылка, где она держалась каким-то чудом, на лоб, проскользнул в полуоткрытую дверь.

В оперзале было прохладно и полковник Карымов разминался, делая махи руками. Планшетисты, невидимые за огромным темным стеклом, едва слышно постукивали мелкими, нанося на экран цели. Рядом, опершись на пульт

управления, разлагольствовал о генетике майор Голубков, нормальный, по мнению Вертера, мужик, с виду - просто жизнерадостный пузан:

- Вот я и мыслю - может меня скрестили с арбузом? Что не делай - ни в какую не похудеть. А так оно, конечно, понятно: где ж вы видели худой арбуз?

Вертер доложил. Начштаба хмуро оглядел сержанта:

- Значит так, архитектор...- от этого намека на ночной сабантуй у Вертера перехватило дыхание. Пристально, как экзотическую букашку рассматривавший его полковник ухмыльнулся и продолжил:

- Сейчас - мухой! - откроешь оружейку и выдашь офицерам личное оружие и по десять патронов. После стрельб примешь гильзы. Да - и Бортнику автомат.

- А патроны? - уточнил Вертер.

- Дашь один, если пообещает застрелиться,- вполголоса посоветовал оказавшийся за спиной Вертера замполит.

Майор Дудиков, Дед, предпочитал активный отдых любому другому времяпрепровождению. "Ежели кто понимающий человек, так дамочка и водочка... или водочка и удочка",- поучал он как-то Ежова -"лучше этого ничего нету. Сидишь эдак вот на бережку, расслабляешься... Хотя тебе, холостому, этой красоты не понять. Тихо, покойно... сердцем помаленьку отходишь, добреешь на глазах... прям убил бы любого, кто помешает!"

И говорить нечего - Дудиков отцу родному отгрыз бы зубами слепую кишку, вознамерясь тот воспрепятствовать сыну провести выходной день в созерцании поплавка. Хотя в случае Деда можно было говорить о бескорыстной любви к рыбалке: чаще всего его добыча в граммах была примерно равна весу утопленной улова ради наживки. Но Деду на это было начхать. Порок торжествует, пока способен приносить удовольствие. А мнением дождевых червей можно и пренебречь.

Поэтому Дудиков, решивший провести законный отгул на рыбалке, к тому времени, когда Вертер закончил выдачу оружия и боеприпасов, оказался в устье небольшой речушки. Втащив свою моторку в прибрежные заросли, он огляделся и счастливо вздохнул...

Чувства сродни тем, что испытывал первый червяк, сначала парализованный ядовитой слюной Дудикова, а затем отравленный в гости к рыбам, обуредали капитана Симоненко. Инструктаж командира эскадрильи, в которой он проходил службу, отличался, на взгляд капитана, излишней вьедливостью. И если разбор ночного полета прошел как по маслу, то, ставя боевую задачу по возвращению на родную базу, командир явно переборщил, в сотый раз напомнив личному составу о досадном недоразумении, некогда приключившимся с их полком.

Дело было ранней весной в Сибири. Ледоход в том году ожидался необычайно мощный, и местные власти не без оснований опасались за судьбу одной стратегического значения переправы через Енисей. Времени на обычные в подобной ситуации взрывные работы вверх по течению от моста не оставалось. И тогда на помощь была призвана авиация.

Экипажи бомбардировщиков, получившие в качестве цели несколько квадратных километров речного льда, разошлись по боевым машинам в более чем радужном настроении. Общим мнением прозвучало сказанное кем-то, что, мол, "это на полигоне врезать по мишени, изображающей мост - так семь потов

сойдет. А речку встряхнуть - плевое дело. Развлечение, а не работа."

В скором времени эскадрилья легла на боевой курс и успешно отбомбилась. Лед покрошили на славу. Но и мост как корова языком слизнула.

Слушая командира, офицеры тихо страдали. Их мучениям посочувствует всякий, кому хоть раз приходилось выслушивать ахинею, которую несет начальник. Напрягая при этом лицевые мускулы в маску, долженствующую изображать и слепую преданность, и, одновременно, напряженную работу мысли, что несовместимо по определению. И только капитан Симоненко злорадно ухмылялся, предвкушая скорое возвращение домой и встречу с горячо любимой женой.

Вертер собирался уже закрыть оружейку, когда заметил неподалеку рядового первого года службы Панюська, скромно переминавшегося с ноги на ногу.

- Чего тебе? - подбодрил его сержант.

- Так это...- пробормотал Панюська, не зная, куда деть руки:

- В орешнике... там... Сохатый, в общем...

О чем речь, Вертер понял сразу. В последний раз, когда в окрестностях командного пункта появился лось - а случалось такое не часто - дежуривший тогда по роте сержант вдруг, ни с того ни с сего предложил дежурному офицеру организовать чистку оружия. Офицер несказанно удивился подобному рвению, но разрешение дал и снял оружейку с сигнализации. И за те полтора часа, которые младший призыв провел, надраивая автоматы, три воина, среди которых в качестве грубой рабочей силы был и Панюська, успели вынести из казармы карабин, сбегать в лес, уложить лося, вернуться и вычистить до сияния орудие преступления. Вспомнив, как они тогда неделю объедались мясом, Вертер невольно сглотнул слюну. Наблюдавший за ним Панюська подлил масла в огонь:

- И эти... ну, пули... земля из штаба, в общем, отсыпал малость...- и достал из кармана пригоршню патронов. Это решило дело. Получив автомат и строгий наказ вернуться не позже, чем через час, Панюська испарился, а Вертер остался ждать браконьера в казарме, забыв, что его самого дожидается у шурфа однополчанин Огородников.

На живописной лесной дороге, ведущей от расположенного неподалеку городка к командному пункту, разгорались тем временем нешуточные страсти.

Можно ли классифицировать утюг, как холодное оружие? Прилично ли использовать в протоколе такое слово, как "педераст"? А пишется оно через "и" или "о"? И еще - за такое оскорбление при исполнении надо давать десятку строгого режима или сразу "вышку"?

Наряд милиции, состоящий из двух человек, так увлекся беседой, что на крутом повороте, после которого начинался длинный подъем в гору, едва не съехал в кювет. Произошло это после того, как прямо под колеса их мотоцикла, передвигаясь странными обезьяньими прыжками при неподвижно висящих руках, выскочил из зарослей орешника какой-то небритый оборванец. Бежал он ссутулившись, волоча за собой огромный нож, который сжимал в левой руке.

Мотоцикл понесло юзом. Но не успел он остановиться на обочине, как бродяга ловко заскочил на коляску, сел на корточки и ухватился за руль, оскалив зубы и зарывав на водителя. Тот мельком глянул в горящие потусторонним огнем глаза и стал тихонько сползать с седла.

- Гражданин, прекра...- начал увещевать незванного гостя сидящий в коляске старшина, но договорить не успел. Оборванец мгновенным движением сорвал с него каску и ею же нанес несколько гулких ударов по находящемуся выше уровня погон шарообразному отростку. Подавив сопротивление правоохранительных органов, он оглядел мотоцикл, медленно слез с коляски, врезал напоследок каской по спидометру и не оглядываясь пошел в лес.

- Йети! - глядя ему вслед, восторженно прошептал водитель, на четвереньках вылезая из кювета.

- Какие еще "эти"? - огрызнулся не столь образованный старшина, открывая глаза и убирая руки с головы:

- Он же был один! - и плаксиво крикнул в сторону леса:

- Отдай каску, морда, она ж казенная!

Перекурив и маленько успокоившись, менты вспомнили, что находятся на задании и, вообще-то, вооружены. "А ведь он был в форме,"- вспомнил существенную подробность водитель. "Ты про "лесных братьев" слышал?"- оглянулся по сторонам старшина. "Откуда бы им тут взяться?"- не поверил водитель. Его собеседник хмыкнул: "А где им еще водиться? На Аляске?"

Наползавшие с моря тучи закрыли солнце, на лесной дороге стало сумрачно и неудобно. Милиционеры заторопились, но мотоцикл ни в какую не хотел заводиться. "Придется толкать,"- затосковал водитель.

Дорога шла в гору, после пятой безуспешной попытки завести двигатель решили сделать еще один перекур. "А чего мы в подъем-то его тащим?"- сообразил вдруг водитель: "Вниз ведь легче!" "Так нам туда надо,"- с железной милицейской логикой махнул рукой в направлении движения старшина и застыл: из чащи отчетливо послышался хруст валежника. Менты дружно присели за мотоцикл, до рези в глазах всматриваясь в лесную полутьму.

"Ой, мама моя родная..."- пробормотал водитель, углядев продирающуюся сквозь кусты зловещего вида фигуру: рукава грязно-белой нижней рубахи закатаны по локоть, сами руки расслабленно лежат на автомате, что-то вроде защитного цвета френча намотано вокруг пояса.

Благоразумно пропустив мимо себя этого головореза и дождавшись, когда его шаги стихнут, милиционеры молча, уже не останавливаясь, покатали свою таратайку на командный пункт, под защиту армии - такое он произвел на них впечатление. Ничего неестественного не усмотрел бы в этом никто из лично знавших Бортника, своего в доску парня при совершенно, по Ломброзо, бандитской физиономии. Даже если бы он был без оружия. А ведь это именно он мирно шел кратчайшим путем на соседнюю пограничную заставу, откомандированный в оцепление на очередного дезертира.

Майор Гога в могильной тишине "секретки" отчетливо слышал биение своего сердца, колотящегося с частотой отбойного молотка. Он закрыл глаза, попробовал успокоиться и снова повел пальцем по списку совершенно секретных документов. Дойдя до четвертой строки и глянув затем в конец страницы, Гога еще раз удостоверился, что за фигурирующий в описи под номером 1976/0003СС пакет он, принимая "секретку", расписался. Кошмар же ситуации состоял в том, что именно этот документ ему было никак не найти.

"Спокойно, не суетись,"- уговаривал сам себя Гога: "Вещи не пропадают бесследно, хотя иногда подло перемещаются в пространстве... Здесь пакета, предположим, нет. Мало ли мест..."- соображал майор. "Я ж его брал с собой на завтрак, когда ключ от сейфа не мог найти!"- осенило его внезапно.

Но даже хорошая память не всегда помогает. Вот, к примеру, когда Гогиа первым в офицерском городке установил на входную дверь своей квартиры кодовый замок и, как следует обмыв это дело, глубокой ночью вернулся домой - комбинацию цифр он как раз таки помнил. Но вот нажать в нужной последовательности на пять кнопок и уложиться при этом в полторы секунды, как того требовало устройство замка, не получалось ни в какую. Ночевал тогда Гога на парковой скамейке, благо погода стояла теплая. Сегодня же, судя по всему, майору предстояло знакомство с нарами гарнизонной тюрьмы, поскольку ни в одном из мест, где, по его разумению, мог оказаться проклятый пакет, обнаружить его не удалось.

Оттягивая ужас доклада по начальству, Гогиа отправился в еще один обход по коридорам командного пункта. Проходя мимо класса политподготовки, он приостановился и послушал дизелиста Нугзарова, мучающегося у политической карты мира:

- СССР имеет общая граница таким сранам, как Румыния...

Он замолчал и прищурился, вглядываясь в карту.

- Ну?! - подал из угла голос замполит. Джигит заторопился:

- Еще Советский Союз имеет Польшу и Финляндию...

Нугзаров сделал паузу, посопел и очень убежденно добавил:

- Но Польшу имеет больше...

В классе раздались смешки. Гога побрел дальше. Губы его шевелились в беззвучной мольбе.

Люди делятся на искренне верующих и атеистов. Первые смиренно возносят к небесам молитвы, вторые же, вспоминая о Боге исключительно в минуты глубокого уныния, способны извлечь из недр своих лишь склочное "За что?" и ворох пустых обещаний. Причем сами они не верят в действенность своих воплей, поскольку Господь в их представлении несколько глуховат. И уж почти наяву, в подтверждение своего скепсиса, зрят они объявление у подножия трона царя небесного, начертанное огненными буквами: "Страховых услуг не предоставляю. Аминь."

Не отдающий себе отчета в своих действиях, Гогиа тем временем свернул в коридор, ведущий к вентиляционной камере. Единственная, к тому же очень слабая лампочка, стала виновницей того, что остановился он, лишь уперевшись в дверь рядом с решеткой, за которой со слабым гудением вращались лопасти огромного вентилятора.

"Что за жизнь, сплошные тупики," - страдал Гога.

Вдруг майору почудилось какое-то движение за решеткой. Он застыл и пристально всмотрелся в полумрак венткамеры. Увиденное он принял за галлюцинацию, что Гогу хотя и не порадовало, но и не так чтобы особенно поразило.

Гогиа углядел сидящего на бетонном полу, покрытого густой шерстью карлика. Перед ним застыло в напряженных позах несколько здоровенных крыс. Они стояли полукругом и лишь одна из них, самая крупная - таких майор и не видывал никогда - чуть впереди.

Карлик вытянул вперед трехпалую руку и на полосатый, в следах от опалубки, пол упала серебристая капля. От удара она разлетелась вдребезги, но очень скоро эти брызги скатились в небольшое углубление и образовали живую блестящую лужицу.

Стоящая особняком зверюга оскалилась и, казалось, зашипела. Звука Гога не слышал из-за вентилятора. Но из строя за ее спиной тотчас вышла крыса

и осторожно исследовала подарок карлика. Ее усы и нос непрестанно шевелились.

- Дожил! Уже домовые чуются! - громко заявил о своем присутствии майор, однако ожидаемого эффекта не достиг. Обитатели венткамеры не растаяли в воздухе, как это полагалось бы приличным привидениям. Крысы степенно удалились в дальний угол, пропав, одна за другой, из поля зрения, а карлик направился в сторону Гоги. Через секунду дверь венткамеры отворилась и уродец встал в проеме. Он оглядел майора, вздохнул, и показал ему зажатую в руке палочку. Затем он швырнул ее вдоль коридора, свистнул и легонько подтолкнул Гогу в поясницу. Гогия послушно зашагал в указанном направлении, а за его спиной гулко хлопнула дверь.

Старослужащий Огородников терял последнее терпение. Он снял с руки часы, потряс их и приложил к уху. Да нет, все в порядке, ходят. "Где ж Вертер то бродит, сколько ждать можно?" - возмущался Петр Константинович. Именно так обращался к нему иногда Вертер, подчеркивая свое уважение к основательности и широкой натуре друга.

Время неотвратно шло к обеду и от взгляда на тонко нарезанное домашнее сало с чесночком, хлеб и лук в глубокой миске живот начинал противно урчать. Чтобы хоть немного отвлечься, Огородников достал из лежащей рядом сумки от противогАЗа зеленого стекла бутылку, сорвал пластиковую обертку с горлышка и присвистнул при виде пробки. "Штопора то нет, придется проталкивать..." - расстроился он. Но тут же улыбнулся, воочию представив, как прокомментировал бы эту ситуацию Вертер. За два года они досконально изучили друг друга. Небось сказал бы, что вот, мол, штопор - лучшее доказательство тому, что прямые пути не всегда самые эффективные.

Огородников и сам это знал. Ему это внушили на второй день службы, когда за какую-то провинность сержант предложил молодому солдату на выбор или драить соляной кислотой "очко" в туалете, или мыть лестницу. Необстрелянный Петька предпочел, конечно же, второе. Чуть позже выяснилось, что высоченную, в тридцать ступенек мраморную лестницу необходимо мыть снизу вверх. Тому, кто сам не прошел такого испытания, просто бесполезно объяснять, почему в дальнейшем, поставленный перед аналогичным выбором, Огородников всегда выбирал туалет.

Петр Константинович пытался над пробкой, когда невдалеке раздались знакомые голоса. Прислушавшись, Огородников понял, что метрах в двадцати от него зачем-то собрались офицеры командного пункта. Сам он находился в надежном укрытии, расположившись в ложбинке меж трех небольших холмиков. Офицеры же галдели по другую сторону шурфа, довольно глубокого в этом месте. "Какого рожна рексам тут надо?" - не так чтобы очень встревожился Огородников. Но привстав, он смог увидеть только их фуражки, поскольку с той стороны вдоль канавы шел еще невысокий земляной вал. Окончательно успокоившись, Петька продолжил свое увлекательное занятие, даже и не вспомнив, что по другую сторону шурфа расположено стрельбище.

Приходится признать, что утверждение - труд, мол, облагораживает - излишне категорично. Или же с подобающей печалью констатировать: милицейская форма образца восемьдесят четвертого года никоим образом не была рассчитана на то, что от носящего ее, помимо в высшей степени могучего

интеллекта, обстоятельства могут потребовать и каких-то физических усилий.

Может быть поэтому дотолкавшие таки до командного пункта свой мотоцикл с коляской милиционеры выглядели, мягко говоря, непрезентабельно. Свои кителя они давно скинули, уложив их в коляску. Пот лил с них градом: последние триста метров, после того, как им встретился в лесу еще один человек с ружьем, менты проделали галопом. Панюська же, увлеченно выслеживавший лося, их даже не заметил.

Милиционеров неприятно удивило отсутствие дневального на КПШ. Уж и не зная, какие еще сюрпризы готовит им судьба, они решили сначала, не привлекая к себе внимания, спрятать свой мотоцикл в зарослях можжевельника. Наиболее безопасным показался старшине свободный от кустов пятачок с теневой стороны теплицы, на которую они вскоре наткнулись.

Пока водитель маскировал своего железного коня, старшина обошел вокруг теплицы, крайне подозрительно ее разглядывая. "Слушай, а ведь мы его нашли," - сам до крайности удивленный, обратился он к водителю, демонстрируя испачканный свежей краской палец. Тот не сразу понял, что речь идет о рыночном павильоне, похищенном накануне из их городка. А моментально повеселевший старшина уже изготавился писать протокол обнаружения, когда...

...в нескольких километрах от него на крохотную полянку, устланную прошлогодней, сгнившей за зиму листвой, сквозь которую жизнерадостно пробивалась ярко-зеленая трава, вышел из лесу прапорщик Бараускас. И остановился, уставившись на желтое пятно песка перед собой.

Даже в том состоянии, в каковом он пребывал последние дни, старшина в силу природной недюжинной своей сообразительности понял, что находится на месте недавнего захоронения. Кого или чего - это предстояло выяснить. Чем черт не шутит, может ему повезло набрести на место последнего упокоения мопеда?

Оптимизм - это даже не жизненная позиция, это диагноз.

Бараускас опустил на колени, отложил в сторону свой позаимствованный в столовой нож, больше похожий на секиру, и снятой с головы трофейной каской принялся, урча, отгребать в сторону песок. Ему казалось, что наконец-то он на верном пути что удача повернулась к нему лицом, а не тем местом, которое он лицезрел последние несколько дней. И хотя...

...майор Дудиков в это самое время был глубоко несчастлив, ни о чем это не говорит, кроме как о многогранности жизни во всех ее проявлениях.

Дудикова подвела его самонадеянность. Рыбачить он предпочитал в пограничной зоне, где можно было хоть какое-то время побыть в одиночестве. А вот пропуском уже давно не запасался, считая, что зеленый свет в запретке гарантируется ему знакомством со всеми офицерами местной заставы.

В поисках хорошего места Дудиков отошел от берега, заняв позицию на небольшой отмели, через которую иногда перекатывала вода. Клева не было, настроения, соответственно, тоже никакого.

Дед стоял спиной к берегу и не заметил, как у его вещей, оставленных на берегу, сгрудился патруль во главе с молоденьким лейтенантом.

- Стоять! - скомандовал фальцетом лейтенант.

Дудиков не торопясь развернулся на месте и недружелюбно отозвался:

- Стою! Чего еще?

Лейтенант потребовал предъявить документы. Недавно переведенный из другого округа, Деда он, естественно, не знал. Майор Дудиков, медленно двигаясь к берегу, в довольно сильных выражениях начал объяснять молокососу - именно так он обозвал молодого офицера - что к чему. Лейтенант повернулся к своей команде:

- Эй, боец! Прикомандированный! Ты же с КП? Ну ка, глянь, это ваш?

Бортник, даже не мечтавший, что с Дедом за все его пакости удастся так удачно поквитаться, возмущенно закрутил головой:

- Врет он, товарищ лейтенант, причем нагло! Да вы посмотрите сами,- он ткнул носком сапога в пластиковый наполненный водой пакет, в котором плавал одинокий окунок: - А брешет, что третий час здесь!

Этот аргумент, похоже, разрешил сомнения лейтенанта по поводу подозрительной личности без документов, подрывающей, к тому же, его авторитет. И он, когда Дудиков полез за чем-то в карман, передернул затвор автомата и дал предупредительную очередь. Дед, как только перед его ногами пробежала с противным хлюпаньем цепочка фонтанчиков, моментально замолчал и плюхнулся на живот. И пока лейтенант докладывал на заставу о задержании и организовывал прочесывание близлежащей местности, Дудиков лежал себе тихонько в ледяной воде, стараясь, подобно крокодилу, держать над ее поверхностью хотя бы глаза и ноздри. Помощи ему, судя по всему, ждать было неоткуда...

...так же, как и Гоге, который на подкашивающихся время от времени ногах шел докладывать о пропаже проклятого пакета.

Перед входом в оперзал майор, на ходу оправляясь, слегка замешкался и мимо него проскочил в дверь запыхавшийся начальник связи, старший лейтенант Малярус. Подсознательно Гогиа подивился той прыти, с которой некоторые спешат на свидание с начальником штаба. Лично он в данный момент предпочел бы взойти на эшафот.

Полковник Карымов, казалось, не обратил никакого внимания на Гогу, неспешно инструктируя Маляруса:

- ...и уже из округа сообщили нам. Вот ведь хреновина: на нашем участке нарушитель границы, а я узнаю об этом из Риги. В общем, чтобы через пять минут была прямая связь с заставой,- подытожил начштаба и слегка повернулся в своем крутящемся кресле, давая понять, что аудиенция окончена.

Однако связь с пограничниками не удалось наладить ни через пять минут, ни через пять часов. Малярус, дозвонившись до заставы, успел еще поздороваться и представиться, но сразу после этого наступила гробовая тишина. Старлей дергал, проверяя контакты, провода, стучал трубкой по аппарату и орал на телефонистов - ни одна из этих, столь кардинальных, мер не помогла.

Внесли ясность лишь безуспешные попытки связаться с другими абонентами. Оказалось, что командный пункт по какой-то неясной причине полностью лишился кабельной связи. Именно что неясной, поскольку Бараускас и сам не смог бы объяснить, почему, врывшись в песок на глубину полутора метров и обнаружив там вместо вожака свиты в жгут провода, он принялся с остервенением рубить их в капусту своим ножом-секирой.

Майор Гогиа в оперзале еще долго собирался бы с духом, кабы не начштаба. Чем человек старше, тем он мнительнее. Оглядев Гогу, полковник сразу почувствовал приближение неприятных известий.

У Карымова был нюх на неприятности - и подводил он его редко. Во время, например, последней поездки на учебные стрельбы в прибалхашье, когда, отмечая сто дней до приказа, старший призыв обрил наголо трех молодых солдат, начштаба, приказав Долгоносику разобраться и доложить, ощутил, услышав от замполита бравое "Есть!" какую-то смутную тревогу, но не придал ей значения. О чем пожалел сразу, как только увидел плоды деятельности Долгоносика. Тот, восстанавливая справедливость, приказал так же наголо обриться всем старослужащим.

Три десятка до черноты загорелых солдат с ослепительно белыми скальпами лишали дара речи всех, кто их видел. Бригада стала посмешищем. Ни один инспектор после встречи с личным составом не упускал возможности поизгаляться над внешним видом солдат, поинтересоваться, например, кто разрешил им обрядиться в белые тубетейки. Карымову же оставалось только скрипеть зубами.

Пауза явно затягивалась.

- Ну, майор,- заговорил, неприязненно скривившись, начштаба:

- В чем дело? Если вам приснился дурной сон - лучше не рассказывайте. Я утешать не умею.

Самым весомым аргументом, свидетельствующим о человеколюбии палача, является его отточенный до остроты бритвы топор. Чик - и готово! Но Гоге - и он это понимал - рассчитывать на легкую "смерть" не приходилось.

Гогиа набрал полную грудь воздуха, но не смог членораздельно произнести даже слово "товарищ". Исподлобья наблюдавшего за ним Карымова охватывала все большая тревога.

- Я жду, майор, докладайте. Судя по роже лица, выбора у вас нет. И это именно то, что вам нужно.

Когда-то Гогу всерьез интересовало, о чем думает - и что сказал бы, имей он такую возможность - самец богомола, которого, потеряв последнюю совесть, прямо во время спаривания поедает самка. Собрав волю в кулак и исповедовавшись, майор, всего пять минут послушав Карымова, получил об этом самое полное представление. Начштаба, узнав о пропаже мобилизационного плана бригады, пришел в громогласное бешенство, отличительной чертой которого стало многословие.

Но постепенно полковник выдыхался, речь его теряла образность. С ненавистью глядя на Гогиа, он думал о том, что если найти пакет не удастся, то суровая кара закона и презрение трудящихся постигнет не только этого губошлепа... И спасти его, полковника Карымова, может только чудо, например - военный конфликт, быстрый и победоносный, где-нибудь в окрестностях командного пункта.

Если творчески подойти к предлагаемым словарями толкованиям, то война - это организованная вооруженная борьба, то есть деятельность, направленная на уничтожение, то есть прекращение существования, то есть жизни кого-либо. Так что каждый человек с ружьем, видя приближающееся облако иприта или икрящуюся бомбами армаду бомбардировщиков, имеет все основания именно себя считать главной мишенью. И было бы смешно думать, что кто-то затеет такую мороку ради майора Гогиа, кабы не десятки войн, начинавшихся и по менее значимым причинам.

Но к чести Карымова следует признать, что он не имел никакого

отношения к той свистопляске, которую устроил на стрельбище Колька Ежов. Тот, выйдя первым на огневой рубеж, не удержался от соблазна и выпалил всю обойму от бедра. Ни одна пуля не попала в мишень, а часть из них даже увистала в сторону расстилавшегося за шурфом леса. Что стало причиной десяти часов, которые если и не потрясли мир, то уж точно взбудоражили обитателей нескольких хуторов, расположенных вокруг командного пункта.

11

Вертер, правда, чуть не проспал все самое интересное. Отправив Панюську на отстрел лося, он прикрыл дверь в оружейку, потушил свет и прилег в казарме отдохнуть после бессонной ночи. Но уже через полчаса, терзаемый дурными предчувствиями, проснулся.

А Огородников, терзаемый жаждой и зверским аппетитом, отчаявшись дожидаться Вертера, решил оскоромиться. Он соорудил фантастический бутерброд с салом, своими размерами доказывающий, что у голодного человека глаза много больше желудка и споловинил бутылку вина в обшарпанную жестяную кружку.

Майский день давно перевалил за середину, тени сгущались и становилось как-то зябко. Петр Константинович решил, что тем более необходимо предпринять срочные меры для согрева стынувшего организма. Осторожно, чтобы не расплескать ни капли, поднес он кружку к губам.

Огородников успел сделать первый глоток, когда неподалеку началась разудалая стрельба. Две пули чпокнули в сырую еще землю почти отвесного пригорка, прислонившись к которому сидел Петька. Остальные зловеще прожужжали над его головой.

Среди первых эмоций, накативших на Огородникова, преобладало удивление. Пьянство в армии, конечно, не поощряется, иногда с этим явлением ведется очень даже активная борьба, но чтоб расстреливать за глоток портвейна - это уж слишком!

Затем пришел страх. Содержимое кружки к этому времени почти полностью было на гимнастерке, но бутерброд Петр Константинович держал крепко - не вырвешь! Пихнув его в рот, Огородников встал на четвереньки и очень резко двинулся в сторону бункера. Ни разу за все время службы не казались ему столь желанными казематы родного командного пункта. Это лишний раз подтверждает, что, опустившись на колени, человек мгновенно становится гораздо менее привередлив, нежели он был, пока стоял в полный рост.

Вломившись в заросли можжевельника, Петька на мгновение сбросил темп и попытался отдышаться, чему очень мешал бутерброд во рту. Тут на его голову и спину посыпались ветки и Огородников, сообразил, что по нему опять ведется огонь, хотя и с совсем другой стороны. Дальше он полз по-пластунски, не поднимая головы и огибая один куст за другим.

Проделав этот маневр несколько раз, Огородников невольно остановился, когда едва не врезался лбом в очередное, какое-то уж больно причудливое, растение. Такое он видел впервые. Ближе к корню оно походило на худые и очень волосатые ноги. Как ни торопился беглец, но любознательность все же победила. Он дернул за волоски и начал было с недоумением разглядывать легко оторвавшуюся шерсть. В этот момент прямо над его головой раздалось угрожающее шипение.

"Только гадюк мне и не хватает для полного счастья,"- с горечью

подумал Петр Константинович, резко отпрянув назад и подняв затем глаза. Практически мгновенно он изменил свое мнение о змеях в лучшую сторону. Более того, он без колебаний согласился бы прожить остаток жизни в серпентарии, лишь бы не видеть этого круглоглазого и почти безносого тролля, тянущего к нему свою трехпалую руку.

Шипение постепенно переросло в явственно слышимое "Допилш-ш-ша!" На Огородникова неожиданно волной накатила обида. "Вот вечно Вертера нет, когда он нужен," - подумал Петька, вскакивая на ноги.

Уже без приключений добравшись до дизеля, в расчете которого проходил службу, Огородников спокойно просидел там до конца начавшейся на командном пункте заварухи, надолго потеряв интерес к лесным прогулкам.

Под перекрестным обстрелом оказался не только Огородников. После всех приключившихся с ними в этот день неприятностей составлявшие протокол милиционеры не особенно поразились, когда кто-то открыл по ним огонь. Старшина, определив, откуда ведется стрельба, принял решение спасти самое ценное, то бишь себя, и начал отползать в сторону леса. Водитель, как привязанный, следовал в кильватере энергичнодвигающихся ягодиц своего начальника. Однако первые одиночные выстрелы сменились автоматными очередями с опушки.

В определенных обстоятельствах множество случайных событий перерастает в железную закономерность. Было бы просто смешно и абсолютно недостоверно, если бы Панюска, бродивший по лесу с автоматом, остался в стороне от столь захватывающих событий. Но этого, к счастью, не произошло. Он как раз, затаив дыхание и прищурившись, поймал в прорезь прицела украшенную рогами голову, когда раздались выстрелы и одна из пуль ткнулась в заднюю, самую мясистую часть лоса. Сохатый, не разбирая дороги, ломанул в сторону командного пункта. Панюска воспринял произошедшее очень лично. Переведя предохранитель автомата в соответствующий режим, он тремя очередями выпалил весь свой боезапас в направлении невидимого снайпера. Затем, обходя по большой дуге район боевых действий, отправился сдавать оружие.

"Кой черт я поперся в милицию?" - горестно размышлял тем временем водитель, сначала отползая от теплицы, а затем в еще более быстром темпе возвращаясь под ее укрытие. Как только менты юркнули в теплицу, мимо, выставив рога, пронесся разъяренный лось, с деликатностью танка сметавший все на своем пути.

Офицеры на стрельбище, когда над ними засвистели пули, бросились к земляному валу, огораживающему шурф. Пристально вглядываясь в открывающийся их взглядам пейзаж, они замерли в ожидании продолжения, которое не замедлило последовать.

Когда тишина, особенно зловещая после недавней канонады, слегка затянулась, старшой не выдержал. Повсюду ему мерещились подкрадывающиеся головорезы. Вне себя, он трясущейся рукой вытянул из кобуры табельное оружие и, не отрывая головы от земли, вытянул вверх руку, начав вслепую садить выстрел за выстрелом в сторону предполагаемого противника.

Только этого и ждал Ежов. С криком "Ура! В атаку!", забыв, что перед ним находится шурф, он перескочил земляной вал. Выбыв тем самым из действующих лиц повести.

Удивленные его поступком, но не порывом, офицеры успокоились, услышав доносящийся со дна шурфа мат-перемат. "Жив,"- с некоторым сожалением констатировал старший из них, майор Голубков: "Ежовы бессмертны." И, оставив трех человек вести отвлекающий огонь, повел остальных в обход шурфа.

Милиция к этому времени пребывала в полной депрессии. Легко раненный в плечо старшина тихонько поскуливал, водитель начал заикаться.

- М-м-может с-с-сдадимся? - предложил он. Старшина умолк и задумался. Последние пять минут, будучи под влиянием шока уверен, что их атакуют лесные братья, он пытался вспомнить, как они называются на языке аборигенов. Слово вертелось на кончике языка, но, хоть убей, не выговаривалось.

- В-в-во-первых, п-п-пленных ин-н-ногда н-не уб-б-бивают. В-в-во-вторых...

- Хватит,- перебил водителя старшина: - Уже убедил.

Оставалось решить, на каком языке просить прощенья. Старшине почему-то показалось неприличным делать это на русском. Поэтому, мобилизовав все свои познания в немецком, он заорал:

- Нихт шизен! - и, перепутав местоимения, продолжил:

- Ир капитулирен!

Ежов, отдохавший со сломанной ногой на дне шурфа, возмутился: "Сам ты шиза!" Майор Голубков, чей отряд к этому времени взял в кольцо теплицу, поразился мужеству ее защитников, в безвыходной для себя ситуации предлагавших его людям сдаться и, одновременно, задумался над их национальной принадлежностью.

Впрочем, не потратив много времени на размышления, он тут же выстрелом подал сигнал к атаке. Посланная Голубковым в направлении штурма пуля наделала делов, угодив в бензобак мотоцикла. Взметнулся столб огня, горящий бензин накрыл теплицу. Уткнувшись носом в землю милиционеров оглушило взрывной волной, затем окатило плавающей пленкой, а местами и опалило. К тому времени, когда команда майора Голубкова ворвалась в теплицу, водитель полностью отключился, а старшина, весь в грязи, крови и дымящемся полиэтилене, видел только направленные на него стволы. "Metsavennad..."- простонал он, вспомнил, наконец, нужное слово и теряя сознание.

Тревожающийся из-за долгого отсутствия Панюски, Вертер черным ходом вышел из бункера и прислушался. Со стороны шурфа доносились pistolетные выстрелы. "Интересно, как поживает лось?"- подумал Вертер и тут же получил ответ.

Следуя ему одному ведомым курсом, из кустов, обрамлявших плац, вынесся сохатый и не сбавляя скорость, за несколько секунд пересек открытое пространство. Достигнув спортплощадки, он очень удачно, благодаря опущенной голове, вписался в проем турника, но тут же врезался в радиомачту. Стальная конструкция, вздрогнув, загудела колоколом. Находящаяся на ее вершине антенна слетела с креплений и повисла, раскачиваясь, на одном проводе.

Лось присел на задние ноги и ошарашенно покрутил головой. Затем, прихрамывая, рысцой побежал к лесу.

"Мяса не будет,"- понял Вертер и вернулся в оружейку.

Свежей рыбы, кстати, тоже. Майор Дудиков довольно долго пролежал в студеной воде под прицелом направленного на него автомата и порядком таки замерз. Избавление пришло неожиданно, но совсем не так, как мечталось.

Бортник, прочесав берег и обнаружив в ивняке лодку, вернулся к командовавшему патрулем лейтенанту, но доложить о находке не успел. В первом порыве подставив своего начальника, он от души позлорадствовал, глядя на пускающего пузыри Дудикова, но затем приуныл, представив, как майор потом на нем за это отыграется. Когда выяснится, что именно его подчиненный злонамеренно не опознал, как должен был бы, своего начальника.

Заняв позицию рядом с лейтенантом, Бортник только и успел, что достать из кармана сигареты, когда за их спинами раздался сиплый голос:

- Кого пасете, фраера?

Обернувшись, оба, и лейтенант, и Бортник по приметам сразу узнали в любопытствующем разыскиваемого дезертира. Он был вооружен и выглядел настолько недружелюбно, что остатки патруля без дополнительных просьб задрали руки вверх.

- Да вот, нарушителя задержали...- пробормотал Бортник, что-то такое сообразил и добавил:

- Шпион. И лодка у него тут неподалеку припрятана...

Так и получилось, что пока привязанный к дереву, лишенный свободы Бортник тем не менее торжествовал на берегу, освобожденный Дудиков, замерзший до немоты, выгребал в открытое море, с тоской косясь на клонящееся к горизонту солнце и поднимающийся над водой туман. Слыша из-за спины сипение: "Неменьжуйся, кореш... Все будет хоккей... Ты, янки, гоу хоум - и я с тобой за компанию..."

12

Девственность хороша лишь до тех пор, пока на нее хоть кто-нибудь покушается. Затем она становится обузой. Так же обстоят дела с государственной границей.

Но в описываемое время и рубежи необъятной той страны, и оборонявшие ее войска были под пристальным наблюдением власти. Потому то и нервничал полковник Карымов. Да и кто, собственно, смог бы сохранить присутствие духа в подобных обстоятельствах: сначала бесследно исчезает прапорщик, затем в пограничной зоне объявляется диверсант немного погодя пропадает совсекретный пакет, а командный пункт лишается телефонной связи...

Начштаба не особенно даже удивился, когда в оперзале снова появился старший лейтенант Малярус и принялся невразумительно докладывать, что радиосвязь, мол, тоже... вроде как бы... того. Для паники оснований нет, аппаратура у нас лучшая в мире, фурычит на все сто и все такое прочее, но временно в обмороке, зараза, закатила глазки и отказывается функционировать... Что его расчет уже разворачивает аварийную радиостанцию, несколько бойцов отправлено на проверку кабеля и антенны, но потребуется время...

Полковник отечески благославил начальника связи на ударный труд и Малярус, покачиваясь, покинул зал.

Майор Голубков услышал рык Карымова на дальних подходах к оперзалу и подумал, что не случайно русский язык ставит на одну доску мощный техничный удар и громовой голос, характеризую и один, и другой, как хорошо поставленные. Голубков семенил впереди своих натужно сопящих

подчиненных, которые, кто за что ухватившись, тащили два все еще дымящихся тела.

Минутой позже их увидел Карымов.

- Майор! - заорал он на Голубкова:

- Я ж тебя подробно инструктировал! Что за этими, ... ты штопаный, разгильдяями глаз да глаз нужен! Но если уж постреляли друг друга - трупы то зачем уродовать!? Как мы их, ... твою лысину, родным предъявим?

Голубков принялся успокаивать полковника:

- Да не наши это...- добродушно начал он, но был перебит Карымовым:

- Ясно! - произнес тот с горечью:

- Раз не наши, то, конечно, какие могут быть разговоры? Ставь вместо мишени и пали почему зря. А коптели то их зачем?

Однако вскоре, посвященный во все обстоятельства, начштаба воспрянул духом.

- Так говоришь, лесные братья? Сами сознались? А документы какие-нибудь при них есть? - поинтересовался он.

- Если и были, то сгорели, - ответил кто-то.

С сомнамбулическим видом стоящий в самом темном углу оперзала Гогиа при слове "документы" оживился и подошел поближе.

- А не было у них...- в слабой надежде на чудо заговорил он.

Длинный язык губит людей гораздо чаще, нежели пеньковая веревка. Карымов намеревался продержаться некоторое время в секрете факт исчезновения мобилизационного плана, поэтому Гогу следовало надежно изолировать.

- Молчать! - скомандовал он майору и движением руки подозвал к себе замполита.

- Значит, так. Дело чрезвычайной важности,- начштаба окинул Долгоносика пытливым взглядом, как бы решая, достоин ли тот доверия. Замполит и мимикой, и позой выразил, что, мол, конечно да, какие могут быть разговоры.

- Майор Гогиа мною арестован за должностное преступление,- многозначительно продолжил Карымов.

- Ситуация у нас складывается хреновая, возиться с отправкой на гауптвахту некогда. Ваша задача - пристроить его пока в надежное место. И чтоб никаких контактов с личным составом! Сможете? - закончил полковник. Долгоносик ненадолго задумался.

- Есть на примете одно укромное местечко. Но...- протянул он.

- Никаких "но"! Выполняйте! - скомандовал начштаба.

Борт капитана Симоненко, по прежнему пребывающего в подавленном состоянии, приближался тем временем к командному пункту.

В пучину отчаяния ввергло Симоненко происшествие, в основе которого была одна пикантная конструктивная особенность стратегического бомбардировщика, которым он управлял. Дело в том, что наряду с другими жидкостями, поддерживавшими самолеты этого типа в боеготовности, по его артериям в солидных количествах циркулировал спирт. Даже и не авиатор поймет, какие фантастические возможности дает причастность к процессу технического обслуживания подобных механизмов.

Борьба с расхитителями девяностошестиградусного нектара, конечно, велась, и на разных уровнях, но без особого успеха. Поговаривали даже, что аж до Туполева доходили радетели трезвости, вопрошая, нельзя ли чем-нибудь

заменить спирт, на глазах, мол, спивается летный состав. "Можно",- якобы ответил им главный конструктор после недолгой паузы. "Чем?"- воодушевились те. "Коньяком!"- положил конец недолгому ликованию Туполев.

Характерной особенностью хватательного рефлекса является его способность пробудить предприимчивость даже и в самых безынициативных людях, к которым без особой натяжки можно было отнести и капитана Симоненко. Даже он, получив за два всего часа до взлета доступ к живительному роднику, сумел зачерпнуть из него. Причем на весь экипаж.

Так вот, не вникая в технические подробности деликатного процесса перехода государственной собственности в личную, продолжим рассказ с момента появления Симоненко в военном городке. Сгорбленный под тяжестью смачно булькающей на каждом шагу двадцатилитровой канистры, он почти бежал, поскольку дефицитную посудину, одолженную после долгих уговоров, надо было срочно вернуть ее хозяину, пристроив содержимое в надежном укрытии. Таковым почиталось любое место, недоступное супруге Симоненко, Любочке.

Все тщательно продумав, капитан, стараясь не шуметь, открыл дверь своей коммуналки и на цыпочках, почти не дыша, прошел в ванную. Там он тщательно закупорил сток и опорожнил канистру. Теперь оставалось только разбудить соседа, попросить его разлить спирт в более подходящие емкости - и бегом на аэродром, поскольку времени до взлета оставалось в обрез.

Поднятый среди ночи сосед быстро сообразил что к чему и помощи не отказал. Выговорив себе за хлопоты сколько-нибудь этой манны небесной, он прихватил трехлитровую банку и приятели, не мешкая, покинули его комнату.

Симоненко почувал неладное сразу, как только увидел полосу света, пробивавшуюся из-под двери ванной. И не очень удивился, застав там свою Любашу. Присутствия духа его лишила вовсе даже не жена, а пробка от ванны, которую она держала в руке.

По выражению ее лица было ясно, что к стоку она, пока дышит, никого не подпустит. Поэтому капитан, упав на колени, попытался из собственных рук соорудить запруду и остановить утекающий в черную дыру спирт.

- Отдай затычку, сколопендра! - взвизгнул он до неприличия высоким голосом.

- Лови! - отозвалась супруга и швырнула пробку в неосвященный коридор. Проводив ее взглядом, Симоненко начал лихорадочно зачерпывать ладонями спирт, сливая его в услужливо подставленную соседом банку. Однако спасти удалось самую малость. А сердечный разговор с супругой пришлось отложить до более подходящего времени. Пока же он с высоты двух тысяч метров усталю костерил на чем свет стоит все, что попадало в его, Симоненко, поле зрения.

Долгоносик всегда отличался нетривиальным, если не сказать - аномальным мышлением. Плюс исполнительность. Вот вам формула идеального подчиненного.

К поручению Карымова он отнесся очень серьезно. Еще во время постановки задачи замполит вспомнил про БАМ.

Так на командном пункте называли небольшую строительную площадку между тыльной частью бункера и свинарником. В незапамятные годы по причинам, которые уже и не вспомнишь, развернулось там строительство. То ли капониры возводили под новую технику, то ли спортзал затеяли. Откопали

небольшой карьер, навезли кирпича и труб.

Однако вскоре стройка заглохла, площадка заросла метровыми лопухами. Кое-какие стройматериалы удалось использовать с умом: находящийся рядом свинарник, из-за благоухания которого личный состав старательно обходил БАМ стороной, был возведен исключительно из них. Но огромная бетонная труба, замурованная одним концом в стену бункера, так и осталась невостребованной. По обрезу трубы торчали огрызки ржавой арматуры, чем и решил воспользоваться замполит.

Отконвоировав понурого и ни на что не реагиовавшего Гогиа к карьере, Долгоносик предложил ему осмотреть трубу. Сам он тем временем сбегал в расположенную неподалеку мастерскую, откуда притащил сварочный аппарат.

Смеркалось. Искры летели во все стороны, озаряя ползающего на коленях внутри трубы Гогу мистическим светом. Работавший до поступления в училище на стройке помощником сварщика замполит с удовольствием вспоминал молодость, заваривая вход в трубу железными прутьями. Спустя час импровизированная решетка была готова. Увлеченный работой Долгоносик не мог видеть, как дорожка за его спиной, ведущая от свинарника к бункеру, как бы вспухла, посерела и пришла в движение.

Когда настало время вечерней тренировки дивизионов, связи еще не было, но аппаратуру командного пункта включили. Тут же посыпались доклады боевых расчетов о неполадках и сбоях.

Аппаратура связи и управления дивизионами размещалась в основном в так называемых кабинах - автоприцепах, что обеспечивало их мобильность, и в нескольких помещениях на двух этажах бункера. Но вне зависимости от расположения повсюду происходило нечто странное и пугающее.

Стремясь выяснить причины неполадок, добираясь до плат и кабелей, бойцы снимали обшивку и вскрывали шкафы с техникой. И всюду видели одно и то же: сотни огрызающихся крыс сновали по дорогостоящей аппаратуре. Вели они себя гораздо агрессивнее обычного. Когда, например, Малярус обнаружил здоровенного пасюка, самозабвенно выдирающего из платы ртутный выпрямитель, и, возмущенный до глубины души, попытался призвать его к порядку, вокруг мародера тут же образовался шипящий оскалившийся круг, явно охранявший приятеля.

Моментально искусанный Малярус пулей полетел в медпункт, где застал ту же картину. Крысы ползали только что не по потолку, а бледная, как таблетка аспирина, медсестра визжала и прыгала с табуретки на табуретку, хотя лично к ней никто не приставал.

Долгоносик, вернувшись в оперзал, не подал виду, как он удивлен, застав начштаба хлещущим указкой по стенам. Приглядевшись, он понял, что полковник бьет по кольчатым хвостам, иногда вываливавшимся из-под деревянных панелей обшивки. Взяв на заметку столь странное поведение и выслушав новый приказ, замполит на машине Карымова с готовностью отправился в ближайший райком партии выяснять, что же в мире творится такого, о чем не знает лишенный связи командный пункт.

Крысиный беспредел продолжался минут двадцать. Кончилась атака так же внезапно, как и началась. Все это время радиостанция КП выдавала в эфир черт-те знает какой винегрет, иногда вламываясь на чужие частоты.

Всеми забытый младший лейтенант Ежов мог бы рассказать кое-что

интересное в продолжение описанного катаклизма. Сидя на дне шурфа, куда так несчастливо угодил, пережив, в прямом смысле слова, падение с высот ратного воодушевления на серый твердый плитняк, он как раз собрался прикурить последнюю сигарету, когда со стороны командного пункта послышалось тихое шуршание.

На многие звуки мы реагируем подсознательно, генной памятью сразу ощущая опасность, даже такую, представления о которой иметь не можем. Именно это произошло с Ежовым. Впервые в жизни он по настоящему испугался.

Лейтенант сидел, прислонившись к откосу. Перед ним протекал ручей, деливший дно канавы пополам. Клубились клочья жидкого тумана и узкую тропинку на противоположной стороне ручья было видно все хуже и хуже.

Шуршание усиливалось и вдруг из пелены вынырнула первая крыса. Она шла медленно и осторожно, иногда замирала, задирала голову и крутила носом. Следом за ней показалась следующая, затем еще и еще. На вжимающегося в плитняк неподвижно застывшего Ежова они не обратили никакого внимания.

Вслед за первым десятком крысы хлынули потоком. Николай мог бы поклясться, что каждая из них что-то тащила в зубах. Совершенно отчетливо он разглядел термометр, затем не поверил собственным глазам, когда увидел грызуна, тащившего такую же тварь за хвост. Вторая крыса при этом спокойно лежала на спине, обхватив лапами огромную, даже в ночном тумане поблескивавшую радиолампу.

Крысы скапливались неподалеку от Ежова, в месте, где днем он заметил правильной формы огромный валун. Лейтенанту очень хотелось разглядеть его вблизи, но со сломанной ногой сделать ему это было весьма трудно.

Там происходило нечто таинственное, недоступное пониманию. Валун засветился ровным тусклым светом. На его фоне Николай увидел фигуру, очертаниями напоминавшую человека, затем к ней присоединилась вторая такая же. Размытые контуры, невероятность происходящего говорили лейтенанту, что он спит и видит сон. Боль в ноге и промозглый холод убеждали в противоположном.

Ежов напряг зрение. Ему вдруг показалось, что валун ровно вращается, медленно поднимаясь над землей. Исходящий от него свет стал сильнее, стали видны полчища крыс, замерших без движения. Так же, как они, лейтенант провожал взглядом безмолвно выплывавший из шурфа шар, на несколько секунд замерший вровень с его краями, а затем в мгновение ока исчезнувший в безлунном небе.

Капитан Симоненко пережил несколько по настоящему неприятных минут, когда его радист доложил о проблемах с системой наведения на аэродром из-за непонятого происхождения помех в эфире. Бомбардировщик сбился с курса и штурману пришлось попотеть, чтобы выправить положение.

Но сейчас вроде бы было уже все в порядке. Хотя аэродромные службы борт не видели, Симоненко списывал это на те самые помехи и особо не переживал. Он отчетливо видел огни посадочной полосы и родимый, отходящий ко сну, город, отделенный от аэродрома живописной рощей.

Симоненко начал резкое снижение, автоматически выполняя необходимые маневры, когда в его наушниках раздался панический вопль штурмана:

- Командир! На полосе паровоз!

Как выяснилось позже, сбившийся с курса бомбардировщик неверно сориентировался, прилетел не в тот город и пытался сесть на местный железнодорожный вокзал. Последним, что увидел в своей жизни экипаж, было аккуратное трехэтажное здание, уютно расположенное в рощице вблизи вокзала. На которое и сверзилась с небес боевая машина.

К этому времени дом был пуст. Один единственный человек, капитан Долгоносик, стоял, дергая дверь, перед ним. Услышав гул моторов, он повернулся и успел еще элегантно помахать самолету ручкой, когда летательный аппарат стал летальным.

Часовые доложили Карымову о жуткой силы взрыве и зареве в районе близлежащего городка. Полковник, измученный последними событиями, отнесся к известию спокойно. "Надеюсь, что это не связано с замполитом,"- подумал он. Затем огляделся по сторонам: "Ну здесь хоть взрываться нечему,"- вздохнул он про себя, в который уже раз попав пальцем в небо.

Из подсобки, закутка, где хранились принадлежности для уборки зала, раздался сильный треск и оглушительный визг. Сразу после этого на всем командном пункте пропал свет.

Расчет дизеля сработал отлично, сразу включившись и обеспечив необходимое электропитание всем боевым постам. Причины аварии, в результате которой вышибло пробки на всем КП, долго искать не пришлось.

- Товарищ полковник! Тут что-то странное...- сообщил Карымову дежурный электрик, высовываясь из подсобки. Подойдя к нему, начштаба увидел на полу подсоединенный к сети неясного назначения жестяной круг с чашечкой на нем. На жестянке были отчетливо видны четыре вплавленные в нее отметины, напоминавшие отпечатки крысиных лап. От двух ближних к краю отпечатков тянулся еще один, длинный и узкий.

Карымов пнул устройство ногой и замер, не веря своим глазам. Перед ним лежала бывшая до этого под жестяным кругом коричневая плексиглазовая коробочка. Полковник медленно поднял ее с земли и перевернул. Перед его глазами оказалась огромная гербовая печать на сургуче, инвентарный номер и надпись: "Совершенно секретно. Мобилизационный план. Вскрыть в час "Ч"

- Что здесь, черт побери, происходит? - подумал вслух Карымов. Уже сдавший к этому времени дежурство по роте и находившийся в оперзале Вертер мог бы ему ответить, разъяснив непонятные моменты текущего дня, но предпочел это не делать.

Проявляя здравый смысл, идущий вразрез с идиотизмом жизни, легко оказавшись диссидентом - со всеми вытекающими последствиями. И хотя мыслящий совестливый человек не может не быть в оппозиции к любой власти, большинство предпочитает незаметно-среднюю, серую позицию. Этого цвета маскировочная одежда не избавляет от перхоти, но прекрасно маскирует ее наличие.

13

Это всегда очень грустно - подводить итоги. А иногда это просто отвратительно. Возвращаться к началу, мысленно проходить осиленный некогда путь... Все равно, что хлебать единожды уже выпитое вино. Которое в том мерзком виде, как оно извергается из организма, может заинтересовать разве что паталогоанатома.

Но избирательность, безусловная привилегия памяти, незаметно

фильтрует воспоминания, всякий раз по новому раскладывая свой пасьянс из обстоятельств места и времени, характеров и событий. Когда он сходится, то это лишь вершина айсберга, реально видимая и объективно существующая. Подводная часть подразумевается, хотя чаще всего ее очертания по степени достоверности описания ближе к мифологии, нежели к беспристрастным кадрам кинохроники.

Пережитые в молодые годы унижения и страхи вымываются из памяти ностальгией по нагло лгущему, но такому захватывающему чувству открытости мира и своего всемогущества в нем, присущему молодости. Отвратительное видится смешным в той же степени накала. Мистический туман связывает воедино события, ничего общего между собой не имеющие. Точно так же, как в настоящем, которое мы имеем честь населять, не пересекаются последствия этих событий. Итак...

Прапорщик Бараускас, вконец одичавший, был пойман на исходе лета. Урон, нанесенный им частным лицам и предприятиям, на чьих нивах пытался он снискать хлеб насущный, не поддавался исчислению. Лишь психиатрическая экспертиза спасла Бараускаса от преследований со стороны закона, не замедлив, впрочем, тут же передать его в не менее суровые руки советской медицины.

Шли годы. В психушке бывший прапорщик с головой ушел в творчество, прерываемое лишь лечебными процедурами. Его врач, регулярно проглядывавший последние главы романа, над которым самозабвенно трудился Бараускас, всякий раз продлевал срок пребывания этого явно ненормального пациента в больнице. Насколько неправ был лечащий врач, выяснилось несколько лет спустя, когда Бараускас, покинув обитель печали с диагнозом "вялотекущая шизофрения", вернулся на историческую родину и продал свою рукопись местному телевидению. Поставленный по роману телесериал по сию пору пользуется огромной популярностью.

Бараускас отрастил бородку клинышком, завел очки. Давая интервью, он любит рассуждать о недопустимости какой бы то ни было элитарности в современном искусстве. Утверждает, что в застойные годы подвергался репрессиям за инакомыслие, что, в общем-то, соответствует истине.

Дымящиеся останки райкома партии, на который так удачно рухнул бомбардировщик капитана Симоненко, уже к двум часам ночи силами курсантов двух расположенных неподалеку, поднятых по тревоге, мореходок были вывезены в неизвестном направлении. На освободившейся площадке еще затемно разостлали газон, в художественном беспорядке воткнув там и сям несколько тополей.

Съехавшийся следующим утром на чрезвычайно ответственное совещание районный партактив в полном недоумении бродил меж деревьев, не зная, что и подумать. Удача же, по мнению местных жителей, заключалась в том, что пострадал именно никому не нужный райком, а не молокозавод или, например, поликлиника. Это мнение преобладало, хотя отдельные экстремистски настроенные лица нудили, что толку было бы больше, грохнись самолет в разгар рабочего дня, а не ночью.

Майор Дудиков довольно долго считался погибшим. Проявленные им мужество и хладнокровие, с которыми он дал отпор врагам социализма и на сухопутной границе, и в море, заведя их в туман и утопив, были многократно

воспеты. Две пионерские дружины уже носили его славное имя, когда выяснилось, что Дед процветает на радиостанции "Голос Америки" политическим обозревателем.

Перестройка, ударившая по Советской Армии, не обошла стороной и Дудикова: бюджет его организации здорово сократился и в последние годы он спасается только вязанием на продажу свитеров и кофточек. Если прислушаться, то во время его передач можно услышать постукивание спиц друг о дружку.

А командный пункт пребывает в полном запустении. Распахнутые стальные двери, осыпаясь ржавчиной, уныло поскрипывают на ветру. Асфальт на плацу дыбится бугорками прорастающей травы, лопается и крошится. На его территории нет ни одного не покосившегося строения. Блистательно отсутствующие оконные рамы и дверные проемы, неизвестно куда девшиеся, создают ощущение даже не кладбища, но порядком развороченного морга.

Местные жители обходят территорию командного пункта стороной. Они убеждены, что эту местность облюбовали потусторонние силы, с которыми лучше не связываться.

Только Николай Ежов, ударившийся в дзен-буддизм, несколько раз в год навещает достопамятный шурф, спускается на его дно и забывается в непонятных ритуалах. Однако даже он остерегается подходить к тыльной стороне бункера.

Там, изъязвленная временем, виднеется из лопухов огромная бетонная труба, заваренная по обрезу прутьями арматуры. В самый ясный полдень с огромным трудом можно разглядеть кучку белых причудливо изогнутых палочек в дальнем, самом темном углу. Среди окрестных хуторян ходят упорные слухи, что ночью они собираются в скелет, который встает у решетки. Пустые глазницы черепа буравят темноту, кости рук торчат сквозь решетку наружу, замерев в ожидании неосторожного прохожего.

1997, Нарва

Тридцать три оттенка зеленого

"Волна невероятных происшествий захлестнула город Горюхин." Чем не начало для авантюрной повести? Вот взять бы кому, да расписать благородного разбойника, из каждого слова и жеста которого так и прут двенадцать поколений титулованных предков. Да барышню, утонченную до эфирности. Пусть они преодолеют все невзгоды - спесь родителей, удары судьбы, великосветские условности. Пусть полюбят и обретут друг друга. Затем обстоятельно, не спеша, объяснятся на тридцати - сорока страницах слезоточивого текста.

И возрадуется издатель! Потом и ты, читатель, вздохнешь умиленно: "Ведь могут же, черти, когда захотят..."

А в переходе метро ласково замурлычет книгоноша, пересчитывая выручку. И с легким сердцем отслонявит он несколько ассигнаций своему покровителю, местному городовому.

Сурово наморщит чело сержант, но благосклонно примет подношение и засунет его в прятный зазор между портянкой и голенищем. А вечером сдаст в отделении табельное оружие и нечленораздельно хрипящую рацию, придет домой и оприходуется с супругой собранный за день калым.

Размягчится благоверная - и потешит мент свою плоть прямо у семейной кассы. И, на радостях, не станет он пороть сына-двоечника, а сводит шкодливое чадо в планетарий. И вырастет отрок приличным, культурным человеком. Не будет он в темном подъезде обижать тебя, читатель, кастетом по голове. Совсем другой мальчик сделает это. А наш приедет на "скорой помощи", но не добивать пострадавшего - наоборот: измерит тщательно температуру и, буде окажется она выше тридцати пяти градусов - свезет он тебя вовсе даже не в морг, а в царство клистиров и мази Вишневого, где ты, Бог даст, пойдешь на поправку и не спеша перечитаешь повесть о благородном разбойнике.

Но, увы - опрометчиво перестреляны благородные. Причем, по какому-то трагическому недоразумению, не только разбойники. Как раз они-то и оказались в меньшинстве среди пострадавших. А кто и сам себя... Ну и шут с ними - неужто мы себе других героев не найдем?

1

Сказать что-то определенное об электрике горюхинского Дома культуры можно было, пожалуй, только одно - мужчина. Не то что бы уж очень - пристрастие к горячительным напиткам уже вывело его из славных рядов борцов за воспроизводство населения, однако по ряду первичных и вторичных признаков принадлежность к мужескому полу не вызывала никаких сомнений. История не сохранила нам имени этого персонажа, но привычка и к месту, и невпопад вспоминать о своих детях, каковых только в законном браке было им настругано шесть душ, принесла ему почетное звание Папа-героин, под которым он и был известен большинству своих приятелей.

Сия необыкновенная плодовитость являлась следствием не какого-то особенного чадолюбия, а, скорее, излишней резвости Героина в молодые годы. В юности Папа никому спуска не давал, по каковой, кстати, причине и попадал неоднократно в места, где на всю оставшуюся жизнь пропадает у человека желание ходить строем.

ДК "Звездочка", в котором подвизался Героин, строили великие мастера. Лишь им был ведом секрет штукатурки, краска с которой отлетает ровно через неделю после очередного косметического ремонта. "У таких стен только расстреливать", - вздыхали маляры. Спустя месяц, принимая их работу, те же слова бормотал завхоз.

Но службу свою клуб знал и исправно нес культуру в массы. На рекламном щите, в обрамлении из симпатичных утят и зайчиков, регулярно появлялись анонсы новых видеочудес. Кровью несло от этой приманки за версту, так что недостатка в посетителях у ДК не было.

В интересующее нас утро Папа-героин полчаса провозился со стремянкой, выволакивая ее из подсобки на оперативный простор, и приступил к работе: надо было срочно заменить несколько перегоревших лампочек в вестибюле.

Жестяные плафоны на длинных шнурах огромными поганками свисали с потолка. Под одной из них Папа пристроил стремянку и с опаской полез вверх. Осторожничал он по той простой причине, что в работе вестибулярного аппарата с утра, как обычно, наблюдались резкие перебои.

К сожалению, неведомо нам, вкладывали ли чингизханы какой-либо иной смысл в изготовление из русских черепов обрамленных серебром чаш помимо прагматичного желания обеспечить стол добротной посудой. Налиествовал ли какой-то подтекст у варварского обычая наполнять вином объемы, изначально предназначенный под мозги? Но - прижилась традиция.

"Куда это меня..?"- удивился Героин, когда, теряя равновесие, на долю секунды очутился в невесомости.

Спустя мгновение он раскачивался над упавшей стремянкой, судорожно вцепившись в ближайший плафон. На побелевших от напряжения пальцах ярко проступили вытатуированные скрипичные ключи.

"Надо было начинать с гардероба",- затосковал Героин, подсознательно имея в виду главным образом вахтершу, могучая комплекция которой одна могла бы обеспечить мягкую посадку взводу десантников. И рухнул.

На грязном полу, прижавшись небритой щекой к щербатым плиткам, тихо лежал маленький человек в мятом синем халате. Рядом, сердито тыча в него веником: "Не можешь без фокусов!" - уборщица подметала мусор.

Героин медленно встал на колени. Немым воплощением скорби застыл он в полосе света, протянувшейся от небрежно зашторенного окна через весь вестибюль. Дышалось тяжело, мириады подсвеченных пылинок делали воздух физически ощутимым.

Где-то хлопнула дверь, пылинки закружились в бешеном танце. "Что случилось?" - послышалось из темноты. "Да Героин, рыба-жаба, развлекается",- донеслось в ответ. Эхо разнесло по вестибюлю совсем не добродушный смех.

Героин поднялся на ноги. "Суки!"- неопределенно, но с большим чувством просипел он, откашлялся и произнес короткую, но удивительную богатством вариаций на одну и ту же тему филиппику, процитировать которую в печати нет, к сожалению, ни малейшей возможности.

Струившийся в окно свет сгустился и приобрел какой-то зеленоватый оттенок. Героин закруглялся: "Чтоб вас разорвало!"- произнес он, глядя в потолок. Да так и замер с открытым ртом.

Постепенно увеличивая накал, по всему вестибюлю тускло засветились лампочки. Плафоны, словно притянутые невидимым магнитом, без видимых причин начали один за другим плавно подниматься вверх. Свечение усиливалось. Шнуры болтались ненужными придатками, отбрасывая на все вокруг причудливые тени.

И вот уже все плафоны прилипли к потолку. За спиной Героина страстно

взвизгнула обомлевшая уборщица - и как будто ждавшие этого сигнала плафоны со страшной скоростью спикировали вниз. Коротким залпом хлопнули лампочки, по полу хлестнуло стеклянным дождем.

Спустя еще секунду плафоны взбесившимися поршнями уже носились вверх и вниз, с металлическим скрежетом врубаясь в потолок, высекая снопы искр, и тут же стремительно падая. Вестибюль заволочло густой пеленой осыпающейся штукатурки и бетонной пыли.

Треск рвущейся на проводах оплетки перемежался с истошным визгом уже лишившейся изоляции проволоки, которая лопалась от невероятного напряжения. А когда последний смятый в лепешку плафон запрыгал по полу, все, что могло в клубе гореть, без видимой причины полыхнуло синим пламенем.

Директор "Звездочки" при обращении в пепел очага горюхинской культуры лично не присутствовал. В то недоброй памяти утро господин Зиропкин проснулся позже обычного, поскольку ночью его разбудила гроза, сон как рукой сняло и битый час пришлось ему слушать постепенно удаляющееся сердитое гromыхание.

Удар грома вырвал Зиропкина из кошмарного сна, который преследовал его уже много лет. Снилось ему, что он, молодой журналист, готовит праздничный выпуск районной газеты. Что ему оказана честь написать передовицу и, в спешке, сокращает он в рукописи три особенно часто повторяющихся слова - Великая Октябрьская Революция - до их заглавных букв. Что вся редакция, не дожидаясь праздника - в лежку, да и типография с обеда лыка не вяжет. Что берет он наутро газету в дрожащие руки и видит на первой странице набранный аршинными буквами заголовок: "ВОР - в душе каждого советского человека!"

Последний раскат грома прозвучал глухо и резко - как выстрел, после чего все окончательно стихло. Зиропкин еще долго лежал с открытыми глазами, страшась продолжения гнусного кошмара, кончавшегося обычно публичной казнью, но затем незаметно уснул, прикусив по оставшейся с детства привычке уголок подушки.

Тихо было и в соседней квартире. Настольная лампа под уродливым зеленым колпаком роняла свет на густо исписанный лист бумаги, внизу которого стояло имя Владимир, на неприглядные голые стены, на опрокинутый стул и валяющийся чуть поодаль миниатюрный пистолет. Рядом с ним, прислонившись спиной к кровати и слегка запрокинув назад голову, сидел на полу человек. А по белой ткани скомканной простыни, которую он прижимал к груди, медленно расплзлось влажное темное пятно.

2

Проспав на работу, суетиться Зиропкин тем не менее не стал. Он неторопливо побрился, затем выкушал чашку кофе в своей пеналоподобной кухне.

По городской радиосети шла прямая трансляция с очередной сессии горсовета: "...и тем паче нельзя закрывать глаза на еще имеющиеся у нас, так сказать, недостатки. Крокодилья ферма - дело, конечно, выгодное. Сумочки там, кошелечки... Многие из нас лично убедились в этом, посетив для обмена опытом Египет, Австралию, а также США, штат, так сказать, Флорида. Однако закупка гадов была произведена на Кубе, что, несомненно, сказалось на конечном

результате. Недостатки были и по линии обеспечения поголовья кормами. Употреблять силос крокодилы отказались наотрез, расплзлись и успешно перезимовали в городе. Вот такая ситуёвина. Так что с этой стороны все в порядке. Но с заготовкой, так сказать, крокодилий мехов придется погодить, поскольку за зиму они усохли и обросли шерстью. Разве что на унты их пустить... Мы уже послали в Академию Наук запрос - когда у крокодилов линька? Пусть нам ответят. Или может их чем-нибудь опрыскивать? Однако..."

Однако Зиропкин радио уже не слушал. Пробормотав: "Бред какой-то...", он размял вкусно хрустящую в пальцах сигарету и прикурил. Затем, глядя на догорающую в пепельнице спичку, выдохнул струю зеленого по неизвестной причине дыма и весьма музыкально замурлыкал: "*Гори, гори, моя звезда...*" Что, собственно, и не замедлило.

Незадолго до пожара, в одном из дворов, каких в Горюхине сотни, на скамейке у песочницы местный ареопаг исполнял, как обычно, песнь акына: немедленному всестороннему осмыслению подвергалось все, что попадало в поле зрения пяти языкатых старушек.

Из второго подъезда степенно вышел пожилой мужчина, следом за ним - мальчуган лет шести. Закрывая дверь, они обнаружили на ней объявление, которое было прочитано с полным вниманием, а мальчиком так даже вслух: "не хлопать дверями просьба от того что лампочки перегорают а мы жители сами ввертуем потом свои лампочки".

Старушки у песочницы всполошились:

- Здравствуй, Альбертыч! Куда это ты с утра? Да с бидончиком? А это кто ж будет? Внучок? А где...

Сергей Альбертыч прибавил шагу, а пацан обернулся и показал почтенному собранию язык.

- Вот ведь бандит! Ить с ползунков такой.

- В деда пошел, уполовник.

- Так то внук, а сын-то! Марья, помнишь, нонешней зимой - шапку уронил, а поднять не может, сам все заваливается. Смехота. Так до дому ее ногами и футболил, сердешный.

В следующее мгновение их внимание обратил на себя здоровенный рыжий кот с мышью в зубах.

- Глянь, Любка, это чей же зверюга?

- Да вроде Борькин кот, из восьмой.

Рыжий, почувствовав интерес к своей персоне, замер.

- Ой, девки, а я на позатой неделе чуть не очоурилася с Борьки этого! Иду вечером с дежурства, дожжик шуршит, темень. В подъезде тоже хоть глаз выколи - лампочки-то все побиты. Крадуся я, значит, к своей фатере, ну, а на втором этаже остановилась отдышаться и слышу вдруг шепот: "Ну иди, иди сюда..."

Старушки ойкнули и затаили дыхание. Четыре пары округлившихся глаз уставились на рассказчицу.

- У меня и ноги онемели, и сердце на весь подъезд забухало. А голос-то снова: "Иди, не обижу..." Да тихо так, ласково. Я стою, "Отче наш" вспоминаю. Авось, думаю, пронесет. А он как заорет: "Вылезай, козья морда, не то голову откручу!" Всплакнула я, да и пошла. На третий поднялась, глянь - а это Борька, ирод пьяный, на коврике расселся и кота приманивает. Кот у него, значит, за мусоропровод залез и выходить никак не желает, не любит алкашей-то. А этот

рыжий - не его, нет, у Борьки кот серый.

Рыжий перехватил мышь зубами и потрусил к заднему крыльцу гастронома. Там, среди штабелей пустой тары, он подыскал уютное местечко и затеял со своей жертвой ленивую игру. Поглядывал на нее кот с брезгливостью давно и безнадежно сытого существа. Если перевести его утробное урчание в слова, получилось бы примерно следующее: "Мелкота... мрр-рр... сволочь... мрр-рр-р... не стоило клыки мяарррать... мрр-рр..."

Пригрело солнышко. От ящиков волнительно пахло протухшей копченой рыбой. Рыжий зажмурился, потянулся. В сладкой дремоте пригрезилась ему шоколадной масти буренка, виденная недавно на хозяйской даче, причудился аромат бьющих в подойник струек молока...

Мышь закопошилась под лапой. Кот покосился на нее с явным интересом - и в этот момент двор накрыло густой волной зеленого света.

Дальнейшие события очевидцы описывают по-разному, но все в один голос утверждают, что первым из-под рухнувших ящиков с диким воплем выскочил взъерошенный ком бурой шерсти. Догадайся кто-нибудь вычислить скорость, с которой Рыжий пронесся от помойки до ближайшего дерева - и не считаться уже гепарду самым быстрым животным на земле! А баба Люба из первого подъезда после исповеди доложила отцу Николаю, что, взлетая неуловимым движением на верхушку березы, кот на чистом русском языке орал "Караул!"

И было от чего! Небрежно раздвинув мусорные контейнеры, вслед за Рыжим на свет Божий вылезла чудовищная тварь, чудесным образом совмещающая в себе стати коровы и экстерьер обыкновенной мыши.

Она замерла и, мелко дрожа, села на задние лапы. И все, кто еще не очень торопился, увидели огромное розовое вымя, выпирающее из ее брюха.

Тварь оглядела мгновенно опустевшие окрестности с застенчивостью только что вылупившегося из яйца тиранозавра. Ее внимание привлекла пушистая рыжая звезда на верхушке березы.

Спокойно посмотреть в глаза своей овеществленной мечте оказалось для кота непосильной задачей. На двор обрушилась дьявольская какофония. Кошачий ужас в его звуковом выражении был настолько сконцентрирован, что кое-где даже лопнули стекла.

Видимо, что-то очень страшное было в этом звуке и для новоявленной твари. Она решила спрятаться среди цветов и плюхнулась на ближайшую клумбу. Тут же убедилась, что анютины глазки не прикрывают даже вымя. Еще один вопль, раздавшийся с березы, подбросил ее на ноги. Серой кометой пронеслась гигантская мышь вдоль дома, с корнями выворачивая сирень, и скрылась в переулке.

Пролить свет на дальнейшую судьбу чудовища мог бы вышеупомянутый Сергей Альбертыч, будь он чуть внимательнее. Посетив гастроном и констатировав полное отсутствие пива, Сергей Альбертыч, конечно же, расстроился. Но даже в эти тяжелые для него минуты Альбертыч не забывал воспитывать внука.

- Стасик, немедленно уйди с дороги, там нельзя играть!
- Почему?- очень натурально изумился внук.
- Попадешь под машину.
- Ну и что?- изгалялся над дедом Стасик.
- Умрешь.

В голосе внука появилась нотка искреннего интереса:

- А потом?

- А потом тебя закопают на кладбище,- механически отвечал Сергей Альбертыч, думая о своем.

- Ну..?

- А сверху я посажу цветочки, буду приходить, поливать...

И тут Стасика проняло:

- Да, деда, это ты здорово придумал! Ты, значит, цветочки поливаешь-нюхаешь, а я лежи там весь мокрый!

Альбертыч не успел достойно ответить - промчавшийся мимо белый "жигуль" окатил его последней весенней грязью.

- Дурак!- крикнул вслед машине не по годам бойкий внук. Сергей Альбертыч покачал головой:

- Стасик, хорошие детки не ругаются,- наставительно произнес он, провожая автомобиль тяжелым взглядом.

- Деда, почему все стало такое зеленое?- спросил любознательный мальчик, и в этот момент у белого "жигуленка" отвалились все четыре колеса.

Машина закружилась по асфальту, рассыпая искры, и врезалась во встречный грузовик. Взрыв бензобака совпал с каким-то жутким воплем и звоном осыпающихся стекол.

Бесславно дезертировавшие колеса стайкой черных лебедей улепетывали вниз по улице. Один перекресток они еще проскочили на желтый свет светофора, но уже на следующем врезались в неизвестно откуда появившихся в городе весьма странного вида всадников.

Радостно возбужденные прохожие сбегались к пожарищу. Пассажиры проезжающего мимо трамвая все, как один, прилипли к стеклам, жадно впитывая впечатления.

Лишь Сергей Альбертыч стоял в оцепенении, пытаясь вспомнить свои мысли в момент катастрофы. А из переулка за его спиной тем временем вылезла гигантская мышь. Бесформенный розовый бурдюк, выпирающий из ее промежности, с бульканьем волочился за ней по тротуару. Потрясенная последними событиями мышь изредка покусывала его и струйки какой-то белой жидкости брызгали тогда во все стороны.

С места аварии донесся грохот еще одного взрыва. Мышь в панике рванула вдоль дома и врезалась в почтовый ящик. Синяя жестяная коробка встретила свой конец достойно, как легендарный дипкурьер. Ящик грохнулся на тротуар вместе с куском стены, в которую был вмурован, но сохранил в неприкосновенности письмо и два окурка, опущенные в него с утра.

А мышь уже обнюхивала неказистую дверку, ведущую в подвал. Кого угодно лишит рассудка аромат гниющей картошки! Так не будем осуждать мышь за то, что, потеряв возможность пролезать в любые щели, она снесла дверь вместе с косяком. И сгнула в темных закоулках...

Уже давно рассвело, но Владимиру казалось, что в его комнате становится темнее. Он снова и снова погружался в сумеречную зону, жил странной жизнью своих чудных снов и улыбался им, а, выплывая из беспамятства, все хуже различал предметы вокруг себя.

Затем и стены небольшой комнаты растворились в мутной мгле. Владимир уже не видел ни в желтых пятнах потолка, ни змеящихся по стенам трещин.

Вдруг чувство полного покоя сменилось бессознательной тревогой. Владимир ощущал, откуда исходит угроза, и, с трудом повернув голову, боковым зрением уловил невдалеке от себя неподвижную фигуру.

Солдат в длинной, до пят, грязно-рыжей шинели и такого же цвета папахе неподвижно стоял, опираясь на громоздкую винтовку с примкнутым штыком. Тускло светилась пряжка, а чуть выше ремня можно было различить несколько аккуратных черных дырочек.

На белом профиле лица темной ямой выделялась пустая глазница и Владимир вспомнил, как совсем недавно таким же мертвым взглядом смотрело на него дуло пистолета.

Преодолевая боль, Владимир короткими рывками медленно втащил свое непослушное тело на кровать и снова потерял сознание.

3

Хотя сведения о некоторых удивительных происшествиях того достопамятного дня пришли к нам из третьих рук, это отнюдь не означает, что мы можем их похерить за ненадобностью - ведь именно из таких не вполне достоверных подробностей и складывается мозаика жизни.

Погожим утром на автозаправке владелец шикарного серебристого лимузина воткнул шланг в гнездо, зевнул и потянулся. Со свойственной интуисту наблюдательностью отметил он признаки пробуждающейся природы: жужжат пчелки, мычат коровки - sehr gut! Пролетающая по своим делам чайка облегчилась прямо на лацкан пиджака - mein Got, вот же schweinehund! В расстроенных чувствах повернулся он к своей машине и в глазах у него позеленело от невероятного зрелища: работник бензоколонки, привстав на цыпочки, вдохновенно мочился в горловину бака его дорогостоящей красавицы.

- Сменщик молодой, гля,- объяснил он остолбеневшему водителю,- забыл разбавить. Затем застегнул ширинку и кивнул в сторону кассы:

- Сходи, доплати за литр...

Шесть часов утра - время исполнять гимн. Или произнести нечто этакое, патетическое: "О, сколь славен всякий, в ком искра божия не чадит, а полыхает! Кто бесценный дар своей возвышенной, но страдающей души несет людям!" Как раз получится о лейтенанте Ежове, который только что детским почерком написал в углу пока еще чистого листа бумаги слово "рапорт" и на мгновение задумался. Вдохновение не воробей, на хлебные крошки не приманишь...

"Товарищ генерал

Получив зарплату и решив в этот раз отдохнуть от тягот воинской службы культурно а не как обычно я наметил обширную программу с посещением даже театра или там какой-нибудь филармонии Замполит объяснил мне маршрут следования к намеченным рубежам при помощи общеизвестных ориентиров Оказалось что в городе Горюхин театр дислоцируется крайне неудачно поскольку окружен ресторанами и барами как сучка во время течки кобелями со всех сторон

Я пал жертвой обстоятельств а не злого умысла Офицер делает сами знаете что со всем тем что шавелится и пьет соответственно все что горит... "

Ежов грустно оглядел расписанные и разрисованные всевозможной похабщиной стены, вздохнул и отхлебнул воды из белого эмалированного чайника.

"...но при живых деньгах я предпочитаю водку И незамедлительно Поэтому вместо театрального буфета и очутился я в ресторане алый парус

Не начав еще даже как следует веселиться я вдруг заметил знакомую морду рядом с ребятами из оркестра Это был штабной сержант вы его знаете губатый такой который грубо нарушал устав и бессовестно плевал на присягу переодевшись в штатское И это в то время когда враг может быть грозит ядерным кулаком мирному сну нашей страны и всего остального лагеря

Возмущенный я подошел к этому сержанту дернул его за болгарский галстук из крашеной дерюги и врезал пару раз в область среднего уха Но ребята из ансамбля вступились за него и мне пришлось уйти Когда я наконец остановился было уже темно и я заблудился Блудил я часа два под дождем как последняя я извиняюсь проститутка Поэтому выйдя к вокзалу и наткнувшись там на того самого губатого сержанта который опять таки не спал в общем строю как его дисциплинированные боевые товарищи например вы товарищ генерал а губил свое здоровье в компании двух девиц развратного телосложения я сразу подошел к нему и дал по наглой роже Но девочки за него вступились и мне пришлось эвакуировать личный состав в составе себя по неизвестному азимуту..."

Лейтенант пригорюнился.

"Несвоевременно но с большим желанием прибыв в расположение нашей товарищ генерал воинской части я медленно но целеустремленно продвигался к офицерскому общежитию когда наткнулся на патруль в компании того самого сержанта Неверно оценив обстановку я подошел и вlepил ему пощечину ногой в область таза Но патруль за него вступился и я снова встал в траве на четвереньки Затем не поднимаясь быстро ушел..."

Ежов снова отхлебнул из чайника.

"Губатого я потом встретил еще раз у котельной Мы снова подрались но потом помирились Дружили мы до утра прямо там в котельной в результате чего я не могу вспомнить как очутился на гауптвахте Товарищ генерал Прошу вас не наказывать этого сержанта он оказался отличным парнем"

Лейтенант Ежов отложил ручку и перечитал рапорт. "Опять звездочку снимут, это уж как пить дать",- покосился он на погон и вспомнил про чайник. Оказалось - пустой. И почему-то зеленый. К горлу подступила тошнота. Где-то за стенами гарнизонной тюрьмы завыл пес, отчего камера уютнее не стала. "Вот был бы я генералом...",- попробовал отвлечься от грустных мыслей лейтенант.

Эльвира Генриховна, которую ныне супруг лишь в состоянии блаженной послеобеденной сытости, хотя некогда - и в мгновения любви, страстной до одышки, ласково именовал не иначе, как "моя худобулочка", уже давно вклеила в свой паспорт третью фотографию, но не созналась бы в этом даже под пыткой. Разговоров о возрасте она терпеть не могла.

Замуж Эльвира Генриховна выходила неоднократно. В последний раз попался ей чудак, склонный с достойной младенца искренностью верить любым околонуучным измышлениям. Угробив здоровье на Памире, где разыскивал йети, он лечился затем собственной мочой, то натираясь ею, то принимая вовнутрь. Занятия астрологией сменялись поисками НЛЮ, а на момент знакомства с Эльвирой Генриховной он уверовал, что способен на телепатическую связь с любым человеком, имеющим при себе заряженный его энергией предмет, например, какой-нибудь камень. Расписался он с Эльвирой по той простой причине, что оказалась она единственным существом женского

пола, согласным день и ночь иметь при себе, то в сумочке, то под подушкой, булыжник весом в четверть пуда.

Обладала Эльвира Генриховна не только примечательной внешностью, непостижимым образом гарантирующей обладательнице таковой статус светской дамы при любом, даже самом пролетарском режиме, но и пресквернейшим характером, благодаря которому в то злосчастное утро первая размолвка с благоверным приключилась уже на двадцатой минуте совместного бодрствования - Эльвира Генриховна вполне резонно считала, что даже самые пустячные дела лучше не откладывать на потом.

Супруги чинно выгуливали своего пуделя в тенистой аллее вблизи городской площади, когда Виктор Степанович, уже не раз упомянутый муж Эльвиры Генриховны, отлучился к киоску за сигаретами, не испросив на то августейшего соизволения. Расплата настигла его сей же миг.

- Какой чудный сон мне сегодня приснился, лапуся,- поделилась Эльвира Генриховна.

- Да ну? - отозвался Виктор Степанович и нагнулся к собаке, чтобы отстегнуть поводок. Вопросительная интонация означала готовность выслушать все, что угодно.

- Будто ты здесь, а я уже там. Ты слушаешь?

- Я вот уже полжизни только это и делаю...

- И я шлю тебе оттуда гуманитарную помощь. Тридцать вагонов - и все сплошь голубые.

- В каком смысле? Кто?- удивился Виктор Степанович.

- Да не "кто", а "что"! Вагоны, говорю, голубого цвета. Набитые гуманитарной помощью. Оттуда. Лично для тебя. Целый эшелон оставшихся с войны боеприпасов. Мины там, снаряды разные.

Эльвира Генриховна сделала выразительную паузу и злорадно закончила:

- И вот ты заходишь в вагон, закуливаешь, роняешь спичку - и весь этот бардак взлетает на воздух!

Виктор Степанович поперхнулся и повернулся позеленевшим от мгновенного гнева лицом к жене. Где-то неподалеку раздался взрыв, но супругов это не отвлекло, они не отрываясь смотрели друг другу в глаза. И вдруг их не стало.

Ничего не понимающий симпатичный пес видел на месте, где только что стояли хозяева, лишь две струйки плавно оседающего на асфальт пепла. В одну из дымящихся кучек пудель осторожно ткнулся холодным мокрым носом. Налетевший ветерок запорошил собаке глаза, она обиженно твякнула. А пепел порывом ветра смело на площадь и понесло неизвестно куда. Со стороны казалось, что две черные ленты то перекатываются по брусчатке, то парят над ней. Вот они взмыли вверх, сплелись, как змеи в любовной игре - и, обессиленные, рассыпались. Пудель понял, что безвозвратно потерял своих хозяев и зашелся в истерике, выразив эмоции самым естественным для собаки образом.

Вой был отчетливо слышен и в находившейся неподалеку городской больнице. Уютное трехэтажное здание, построенное к 300-летию дома Романовых, великолепно смотрелось на фоне всего, что было сооружено ко всем юбилеям, в которые праздновался крах этой династии. А в означенное время персонал больницы прилагал героические усилия по ликвидации последствий побоища, приключившегося между торгующими на городском рынке.

Дознание по этому делу прошло быстро и без недоразумений. Повесть о том, как поссорились Гия Шалвович и Азамат Мухтарбекович, разумеется, без тех эмоциональных комментариев, на которые всегда так горазды очевидцы, проста и трагична.

Не являясь конкурентами - мандарин гвоздике не помеха - и, более того, неотличимые друг от друга, как братья-близнецы, Гия Шалвович и Азамат Мухтарбекович сохраняли консенсус до того злосчастливого момента, когда один из них при значительном стечении покупателей по оставшейся неизвестной причине заявил вдруг в адрес другого:

- Некультурная нация,- и, запустив руку в брюки, со вкусом, блаженно постанывая, почесал в паху:

- Короче - свиньи!

Оружие пролетариата - булыжник, но на рынке в ход идут главным образом деревянные и металлические части прилавка, что, впрочем, не менее болезненно.

Возникшая было перебранка незамедлительно перешла в короткую, но убедительную потасовку, после которой главные ее участники, Гия Шалвович и Азамат Мухтарбекович, с помпой, под рев сирены, отбыли в реанимационное отделение местной больницы. Где, по сию пору в коме, и пребывают.

Сначала, правда, Азамату Мухтарбековичу, меньше пострадавшему в битве народов, не нашлось места в палате.

Пристроенный в коридоре с капельницей в изголовье, он меркнувшим сознанием ощущал опасность, исходящую от огромной колбы с физиологическим раствором, которая, стоило лишь кому-нибудь пройти мимо, начинала угрожающе раскачиваться прямо над его многострадальной головой, как бы намереваясь делом доказать сказанное мудрейшим из врачей, непревзойденным Зия-аль-Хакимом в книге "Тайны врачевания":

"Выздоровливающих надо лечить, а кончающихся надо кончать - и да пойдет им всем это на пользу во имя аллаха великого и милосердного!"

Из ординаторской вышли два санитар. Один из них, снимая на ходу халат, прислушался к доносящемуся с улицы собачьему вою.

- К покойнику,- пробормотал он, задев ненароком капельницу. Мухтарбекович, до этого неотрывно пялившийся в потолок, начал поскуливая сплзать с койки.

- Предрассудки,- весело отозвался второй санитар.

- На каждую суку жмуриков не напасешься,- оптимистично продолжил он, оборачиваясь на звук, который мог бы издать упавший с большой высоты на что-то мягкое полный воды и водорослей аквариум, и все еще улыбаясь.

А вот в поликлинике по соседству один пациент, говорят, напялил на себя зеленый халат и начал прием. Пять часов кряду злобное урчание и взвизгивание бормашины перемежалось лишь жестяным звоном падающих в таз зубов.

Сидение в стоматологическом кресле не располагает к наблюдательности. А жаль. Хотя бы потому, что мало кто заметил осуществление многовековой мечты страдающих зубной болью: хоть на несколько минут оказаться по ту сторону накладываемых на зуб клювовидных щипцов.

А комнату Владимира явно облюбовали потусторонние силы. Он открыл

глаза и обнаружил себя лежащим на кровати. Образующий бесконечный тоннель поток света, источник которого невозможно было определить, упирался в нее. Владимир почувствовал в себе силы и желание встать и пойти ему навстречу.

Но коридор света, казалось бы, бесплотного, смялся вдруг и одна его стена пришла в движение, как предмет вполне материальный. Сквозь границу, отделяющую свет от тьмы, пролезла сжимающая трость рука. С явным усилием протискивалось за ней плечо. Затем нога в задравшейся до колена брючине ступила на освещенный участок. И вот с чавкающим звуком, с каким из болотной жижи вытягивается сапог, в полосу света, чертыхаясь, ввалился развязного вида франтоватый мужичок.

"Этакий... ферт",- классифицировал его Владимир, проделав это с полным безразличием.

Одет был гость помимо клетчатых брюк в лоснящийся зеленого цвета фрак, под которым кроме до хруста накрахмаленной манишки ничего не было свою трость он сжимал под мышкой, а в руке держал блестящий цилиндр, который, оглядев со всех сторон, обдул, обтер рукавом и торжественно водрузил на прилизанную голову.

Оглядев себя со всех сторон, удовлетворенный осмотром ферт приосанился, одернул фрак и, ослабившись, пританцовывая пошел в сторону Владимира. Приближался он не торопясь, щегольски помахивая тростью и не переставая улыбаться.

Подойдя к кровати, ферт склонил голову набок, щелкнул каблуками и заговорил мягким рокошущим голосом:

- Ну вот мы и свиделись, уважаемый Владимир Андреевич. Приветствую вас,- гость с явным удовольствием огляделся,- на вашей персональной Голгофе.

Последние слова он произнес несколько грассируя и явно наслаждаясь создавшейся ситуацией.

У Владимира закружилась голова, что даже во сне случается с боящимися высоты людьми.

4

Однако о главных событиях дня рассказ еще впереди. Начались они на раскопках кургана, находящегося на окраине Горюхина. Праздничная суета достигла там апогея уже к девяти часам.

Рукотворный этот холм давно привлекал внимание археологов, но лишь в последние годы им было разрешено удовлетворить свое любопытство. Насыпан был курган не так уж и давно, в городе до сих пор проживало несколько человек, лично принимавших участие в его создании. Однако в силу их преклонного возраста получить даже хоть сколько-нибудь приблизительные сведения о содержимом кургана представлялось делом заведомо невозможным.

Два раза в год горюхинцы исправно водили к кургану очумевших от дрянного самогона и всяких нехороших предчувствий призывников.

- Экспозиция такая: на фоне кургана наша передовая молодежь, выстроившись полукругом, внимательно слушает ветерана. Ветеран делится воспоминаниями,- скороговоркой вещал пьяненький фотограф.

- С чего же начать? - риторически вопрошал почетный гость и теребил высохшей рукой пионерский галстук на морщинистой шее. В этот момент ослепительно вспыхивало, щелкал затвор фотоаппарата.

- Сделаем еще один кадр... на всякий пожарный,- бурчал фотограф, икая и перематывая пленку. - Так, готово. Ветеран, делитесь!

- Начать с чего же? - снова задумывался ветеран. Снова вспыхивало и щелкало.

- Спасибо всем,- ставил точку фотограф и народ расходился.

Авторы мемуаров создавали один шедевр скромности за другим, но предназначение кургана по-прежнему оставалось тайной. Хотя упоминали они этот самый курган довольно часто. Что немудрено, поскольку такого рода литература в основе своей имеет тот же принцип, что ручная промывка золота: имеющая вес и ценность субстанция остается наверху, в лотке, а вся дрянь сливается. И попадает к читателю. Потому и ликовала общественность, когда светилам местного краеведения дозволено было порыться в недрах таинственного холма.

Несколько лет упорного труда открыло взорам горожан весьма оригинальное сооружение примерно ста метров в длину и тридцати в высоту. Сложено оно было из бревен, местами сгнивших, а местами и окаменевших ко времени описываемых событий. Археологи назвали его саркофагом, хотя больше оно напоминало то ли примитивный корабль, то ли невероятных размеров гроб.

До вскрытия саркофага - события, подготовка к которому шла последние месяцы, оставалось всего несколько минут. Ветер еще носил над собравшимися обрывки праздничных, лишенных логики и смысла, речей: "...в науке хорошо не то, что ново, а ново то, что хорошо... подойти к проблеме разрешить изучать прошлого, которого должен быть... в науке идет инновационный процесс... мои замечательные идеи и замыслы... если краеведу создать условия, то его, безусловно, уже не остановишь..."

Но вот уже и ленточка перерезана. На месте действия появились рабочие в оранжевых фуфайках, агрессивно заурчали электропилы...

Интересно, кстати, почему такого цвета рабочая одежда вызывает подсознательное чувство тревоги? Человек в оранжевой спецодежде вроде бы и работает, терзает, например, отбойным молотком асфальт или сгребает снег, но при этом трудно отделаться от ощущения, что он в большой беде, тонет или, скажем, замерзает на льдине. А если в комплекте еще выражение безысходности на лице и скорбная обреченность движений - терпящий бедствие, да и только.

Впрочем, поспинозили - и будет. Тем более, что за это время в стене саркофага уже появилась аккуратная дыра, в которую без проблем прошел бы даже африканский слон. Работяги, оттащив выпиленные бревна, уступили место археологам. В чистом небе еще висели последние ракеты приуроченного к событию фейерверка, озаряя город и окрестности нежно-зеленым светом толпа, осознав торжественность момента, затихла, как перед пенальти на финальном матче. Тут-то все и началось.

Кто из нас не силен задним умом? Однако то, что на расстоянии кажется кулаком, при ближайшем рассмотрении вполне может оказаться вульгарной фигой. Самые низкопробные трагедии получаются из фарсов. Так что не будем умничать, а просто проследим за тем, как развивались события.

Когда под ногами стала сотрясаться земля, у окружающих курган зевак появилось ощущение железнодорожного вокзала. Затем из саркофага явственно

завучал рокот морского прибоя, нарастающий грохот которого встревожил большинство присутствующих. Паникой это еще не назовешь, но флегматичных лиц в толпе не осталось - это точно.

Массовый исход горожан от кургана начался несколькими секундами позже, когда тучи причудливо разукрашенных стрел, лишь по чистой случайности никого не задевших, осыпали толпу. Одна из стрел усвистела чуть в сторону и пробила капот стоящей неподалеку пожарной машины, расчет которой, скорее от неожиданности, нежели от желания оказать неизвестно кому сопротивление, врубил агрегат, разразившийся мощной струей вонючей пены. Навстречу ей из мрака пролома вынеслось несколько всадников. Слепленные ярким солнцем, они придержали коней, как бы давая себя рассмотреть. Зрелище, что и говорить, оказалось колоритным. Толпа ахнула и на полусогнутых дружно пустилась наутек.

Последняя лошадь, подскользнувшись на мокрой от пены земле, завалилась набок, наездник откатился в сторону. Вскочив на ноги, он оказался лицом к лицу с тремя археологами, единственными горожанами, у которых любовь к науке пересилила чувство самосохранения. Они застыли, как орнитологи, боящиеся спугнуть редкую птичку. Их высокий профессионализм выразился в том, что ученые, почти полностью утратившие способность соображать, тем не менее оставили потомкам исчерпывающее описание этого слетевшего с коня всадника.

Из одежды на нем было некое подобие кожанного передника, обильно украшенного разноцветным бисером, да перо, кокетливо примостившееся за левым ухом. Ожерелье из зубов крупного, но, несомненно, травоядного животного украшало грудь, назвать которую впалой не осмелился бы и самый ярый приверженец туризма. Никто не заметил, во что он был обут - желтая пена почти до коленей закрывала ноги. В этом было нечто неуловимо античное. Хотя вряд ли древние греки уделяли столько внимания гриму: разноцветные полосы столь плотно покрывали лицо и мускулистые руки прищельца, что лишь торс давал представление о медно-красном цвете его кожи. Маленький топорик на длинной рукоятке, заткнутый за пояс, косичка на макушке бритой головы и внушительных размеров горбатый нос - да кто их читает, длинные описания!?! - ограничимся, пожалуй, этими штрихами к портрету.

- Гос-с-споди, да ведь это индеец...- пробормотал один из археологов. Его сосед, протерев очки, присмотрелся повнимательнее:

- Вне всякого сомнения. Я даже осмелился бы предположить, коллеги, что перед нами воин-разведчик племени сиу.

Индеец гортанно крикнул, вроде как выругался, выхватил томагавк и замахнулся, давая понять, что вышел на тропу войны с самыми серьезными намерениями. В следующий момент, забрасывая всех комьями земли и пены, мимо промчались его соплеменники. Когда индеец обнаружил, что остался один, он гаркнул что-то уже не столь угрожающее, затем повернулся и побежал догонять своих.

- Как живой,- выдохнул ему вслед третий ученый.

"Чертовщина какая-то",- подумал Владимир.

- Ты кто?- спросил он слабым голосом и сам удивился тому, что смог это произнести.

Несколько времени назад ему казалось, что никогда он уже не сможет разлепить губы, а теперь Владимир с удивлением ощущал отсутствие боли и

ясность мысли, необычайную в его положении. "Мне это снится",- решил он и закрыл глаза. Но гость никуда не пропал. И с закрытыми глазами Владимир отчетливо видел его усмешку и издевательский блеск глаз.

- По чести говоря, вы, нынешние, образованы весьма поверхностно, да-с, так что мое подлинное имя ничего вам не скажет,- ответил гость и продолжил:

- Давайте уж как-нибудь запросто, без чинов и прочих китайских церемоний. Извольте, для вас я Фаддей... да хотя бы и Фаддей Пафнутьич.

Ферт с легким хлопком уронил набалдашник трости в ладонь и присел на краешек волшебным образом появившегося кресла, драпированного золототканной парчой. Свою трость он прислонил к подлокотнику, цилиндр, сняв и тщательно осмотрев еще раз, пристроил в изножье кровати.

- А этот? Там?- Владимир перевел взгляд в угол, где все еще стоял солдат в рыжей шинели.

Ферт нацепил на нос пенсне в потертой оправе и преувеличенно внимательно посмотрел в том же направлении.

- Что, беспокоит? Да не обращайтесь внимания, милейший Владимир Андреевич. Это так, небольшой эффект для пущей важности. Пусть его.

Он положил руку на колено Владимиру и доверительным тоном произнес:

- Имею до вас одно небольшое дельце. Так что визит мой к вам вполне официальный. А впрочем, это так, пустячок, ни к чему, собственно, не обязывающий...

Владимир посмотрел на руку, крупная твердая ладонь которой выдавала недюжинную силу гостя несмотря на мягкость прикосновения и ернический тон.

- Позвольте побеспокоить вас покорнейшею просьбою,- со вкусом выговаривал слова гость. Чувствовалось, что он наслаждается их звучанием. Посмотрев на Владимира, ферт улыбнулся еще шире, щелочки глаз стали еще уже.

- Вы совершенно правы - люблю поговорить. Да и то сказать, не так уж часто представляется случай.

Фаддей Пафнутьич достал из кармана, спрятанного в фалду фрака, блестящий портсигар, раскрыл его, а затем вынул и с наслаждением понюхал небольшую сигару.

- Знаю, знаю, любезный Владимир Андреевич, что не курите. Посему и не предлагаю. А я, уж позвольте, потешу беса.

Он откусил кончик сигары, после чего откинулся в кресле и слегка повернулся на левый бок, правой рукой залез в карман брюк, озабоченно нахмурился: "Да где же они?", затем беспечно махнул той же рукой, мол: "Ну и ладно!", щелкнул пальцами и в руках у него оказался спичечный коробок.

- Так зачем я тебе понадобился?- спросил безучастно наблюдающий все эти манипуляции Владимир.

- Это я вам нужен, а не наоборот,- немедленно отозвался Фаддей Пафнутьич. Так и не воспользовавшись спичками, он поднес сигару ко рту, с причмокиванием втянул в себя воздух и Владимир увидел на ее кончике ярко тлеющий огонек. Затем Фаддей небрежно пустил в сторону несколько колец дыма.

- Вашей душевной склонности, а, возможно, и дружбы пришел я просить. И не отступлюсь, поскольку питаю к вам, Владимир Андреевич, чувство глубочайшего уважения,- закончил он, подобострастно склонившись к кровати и дохнув Владимиру в лицо табачным смрадом.

Приступ дурноты накатил на Владимира. Он еще видел, что гость что-то говорит ему, но в ушах звучал только невнятный ритмичный шум.

5

Одно время, очень недолго, ходили по Горюхину какие-то смутные слухи о большом, если не сказать - невероятном количестве племен, покинувшем в то утро саркофаг. Якобы вышло из недр чуть ли не мильон народу - и вовсе даже не воинственного. Что, мол, скарб за собой тащили и детей малых несли на руках, а за теми, что повзрослее - приглядывали, чтобы невзначай не натворили чего. Потом оказалось - чистая правда, так оно все и было. Красиво шли, с песнями. Последних весь город видел.

И ведь как пели! Горюхинцы почасть и сами мастера хоть куда, но которые тот хор слышали - сильно зауважали. Слов, правда, почти не понимали, поскольку всю свою сознательную жизнь учили языки предполагаемых противников, но утешали себя тем, что если судить по этому признаку - имеют дело с друзьями. Некоторые им даже подпевать пытались.

Осели те племена, обустроились. Вскоре и толмачи нашлись. Ну, а как выбирали тех, чьи речи они переводили - про то отдельная история. Думали горюхинцы, что дикари к ним пожаловали - ан нет! Мы, было им сказано, горшки обжигать на столько-то тыщ лет раньше вас научились, а уж кто к кому в гости пожаловал - про то лучше помалкивайте: в общем-то мы туточки всегда проживали, а то, что вы только сейчас нас разглядели - так это, говорят, просто зрение у вас немного улучшилось от таких нервных потрясений.

Приуныли тут горюхинцы. С одной стороны, знали они за собой эту самую близорукость. Бывало, наступят ненароком на что-то, панически мечущееся под ногами, а потом, отскребывая подошву, призадумаются: "Что ж это было?" Но с другой - обидно как-то. За что боролись?

Если правда, что наша жизнь - борьба, то человечество просто обречено на вечный поиск врага. Увы! Без этого она, жизнь, вроде как и не в радость. А уж вычислить супостата - дело нехитрое.

И так было всегда. Миссионеры вели активный поиск нехристей, испытывая непреодолимое желание приобщить туземцев к благодати, на что аборигены отвечали тихим обожанием, ибо в жизни не едали ничего вкуснее белого человека.

При этом дикари отличали врагов от друзей по боевой раскраске. Но цивилизованные люди уже не пользуются жженой пробкой в аналогичных целях. Ее с успехом заменяет некая "лицензия на отстрел по совокупности примет", каковая бережно хранится в памяти на предмет тщательной идентификации по ней каждого встречного. А некоторые даже объединяются в сообщества, призванные исправить ошибки природы и кардинально сократить численность конкурентов.

Делают они это из-за отсутствия эрекции в подобающей тому ситуации или по какой-то иной не менее печальной причине, препятствующей продлению и увеличению собственного рода - то нам неизвестно. Но, к их чести будь сказано, занимают они своим делом и искренне, и с азартом.

Да и есть ли такое дело во всем белом свете - не считая, конечно, служебных обязанностей - в которое не вложил бы душу наш человек? Нету такого дела. Птичкой взвивается он в небеса и, от полноты чувств, чирикает

мощно. А то и присядет на ухо какого-нибудь бронзового истукана, отдышитесь и цвиркнет капелькой помета ему на плечо. Знай, мол, наших. И гордо оглядится - все ли видели?

Так вот, в Горюхине это могли наблюдать все желающие, ибо прекрасный памятник Вождю украшал центральную площадь. Перелетные птицы осенью не ленились сделать крюк и пролететь над ней, дабы взять верный курс. Горожанам казалось, что Вождь, согласно канонам, лаконичным жестом тыкает перстом в блистающие дали прекрасного будущего, но аисты точно знали, что правая длань Вождя, совмещая приятное для людей и полезное для птиц, указывает строго на юг. Что, в общем-то, никакого отношения к данной повести не имеет.

Позже, где-то к обеду, когда горожане смирились с внешним видом и повадками индейцев когда диктор местного телевидения сообщил: "Городская система водоснабжения полностью восстановлена. В тех районах, где водопровод все же не работает..." когда стала пользоваться очевидным успехом индейская кухня когда стражи всех городских застав прикрепили к околышкам фуражек вместо прежних кокард крашенные перья когда к старым праздникам прибавилось столько же новых поводов пьянства ради когда городскую валюту, крашенные березовые плашки, заменили на ракушки когда жить стало не то чтобы лучше, но значительно веселее когда отшуршали и ушли в прошлое талоны на хлеб и мыло когда розовый фламинго... стоп! извините, это не к нам когда язык мирных обывателей пополнился большим количеством новых колоритных слов и выражений когда, короче говоря, жизнь вроде бы наладилась, вот тогда-то конфликтовавшие по первости стороны объективности ради признали, что с утра они, было дело, несколько погорячились, что и стало причиной кое-каких досадных недоразумений.

Виной тому оказался передовой отряд индейцев, тех самых появившихся первыми всадников, чуть было не развеявший по ветру стереотипное представление о них, как о людях разумных, степенных и осмотрительных.

Каждый народ претерпевает значительные неудобства, происходящие от своих же соплеменников, обычно немногочисленных, но энергичных и нетривиально мыслящих, чья ненасытность не знает границ и не дает спокойно жить остальным. Когда социальная активность такого человека несет в себе ярко выраженный отрицательный заряд - перед нами ворюга по убеждениям, вор в законе. Если же криминальные склонности отсутствуют - мы имеем дело с политиком.

Однако наихудший вариант, несомненно, промежуточный, убедиться в чем смогли все горожане, случайно или по собственному недомыслию оказавшиеся на славном боевом пути вышеупомянутого эскадрона.

Первый инцидент произошел в непосредственной близости от саркофага: индейцы атаковали трамвай, следовавший по маршруту "Пивзавод - Сиренюшки". Выяснить, что же спровоцировало вероломное нападение на потерпевшего, то бишь трамвай, который, находясь при исполнении, скрипел не больше обычного, вел себя мирно и ни с кем не задирался, так и не удалось.

Вагоновожатая объявляла остановки немногочисленным пассажирам, коротающим время каждый на свой лад.

Пожилая женщина, разложившая котомки на два ближних к себе сиденья, саркастически разглядывала здорового карпа в авоське, изредка начинавшего

чем ни попадя биться о соседствующий с ним кочан капусты. При этом она беззвучно шевелила губами, производя одной ей ведомые расчеты и, время от времени сокрушенно покачивая головой. Эти движения были странным образом схожи с судорогами засыпающей рыбины, но определить, кто из них больше расстроен, женщина или карп, затруднился бы даже самый внимательный наблюдатель.

В середине вагона четверо сонных молодых людей, скорее всего - студенты после ночной пирушки, с видом заговорщиков пускали по кругу бутылку шампанского и травили анекдоты, изрядно раздражая тем самым сидящую рядом старушку, которой никак не удавалось прослушать хоть одну байку целиком.

Сидящая перед ними симпатичная девушка в пестром сарафанчике увлеченно флиртовала с двумя бравыми курсантами, смеясь каждой их шутке и непрерывно демонстрируя красные от помады зубы.

На соседнем сиденье средних лет мужчина в футболке динамовских цветов сосредоточенно читал газету. Из его портфеля, засунутого под сиденье, на каждом повороте доносилось звяканье пустых бутылок.

То, что стеклотара была пустая, явствовало не только из того, с каким явным пренебрежением был засунут портфель на свое место. Звон - вот что является определяющим. Возможно ли спутать томный, зажигающий неземным светом глаза любителей этого дела, полный неги и волшебства звук, проистекающий от нежно касающихся друг друга полных бутылок звук, рождающийся при соприкосновении емкостей, содержащих даже самое отвратительное пойло и напоминающий, тем не менее, пасторальную песнь шмеля на альпийском лугу звук, с которым благородные напитки в хрустальных ризах приветствуют друг друга, а ангелы спускаются на землю звук, подобный многообещающему гудению дверного колокольчика с подвязанным язычком, под которым закутавшийся в плащ повеса молодой, правая рука на эфесе шпаги, а в левой потайной фонарь, прокрадывается темной испанской ночью в предвкушении чего-то там глухим садом к красотке юной - да разве можно спутать его с постылым бряканьем пустых бутылок, начисто лишенным какой бы то ни было романтики так же, как лишен ее стон пружин раздолбанного до последней степени дивана, что стоял прежде в сауне горкома комсомола? В общем, пустые были бутылки, тут и говорить не о чем.

Итак, трамвай буднично катил по своему обычному маршруту. Динамик только-только неразборчиво прохрипел из-под потолка что-то вроде "...лед...ющая о...ан...ка ...ё...очка!", когда вдруг где-то неподалеку прогремел мощный взрыв. Вагон сильно качнуло, по крыше забарабанили осколки и непривычные к бомбежке пассажиры здорово струхнули. К тому времени, когда бабахнуло второй раз, трамвай на малой скорости тащился сквозь застилавший пути жирный зеленый дым, не позволявший никому в вагоне в полной мере насладиться развернувшимся за окнами захватывающим зрелищем.

Могильную тишину в вагоне прерывал лишь скрип скользящей по стеклу потной ладонки. Это красавица в сарафане энергично протирает окно, надеясь тем самым улучшить видимость. Через несколько секунд в редяющей пелене ей почудился странных очертаний расплывчатый силуэт. Он, казалось, летел рядом с трамваем, придвигаясь к нему все ближе и ближе. Девушка напрягла зрение и прижалась лбом к стеклу: тень в таинственной зеленой дымке интриговала ее

все больше и больше. И вдруг призрак материализовался.

Тот звук, который испустила несчастная, когда с расстояния всего десяти сантиметров ей подмигнул демон весьма свирепой наружности, можно назвать визгом в традиционном значении этого слова, если оценивать только его тембр и технику исполнения. А вот силе звука подходящий эквивалент удалось бы подыскать, пожалуй, лишь в мире реактивной техники: подошел бы, например, рев взлетающего истребителя.

"Свят-свят-свят!" - перекрестилась старушка в середине вагона. Едва не захлебнулся студент, решивший в столь неподходящий момент хлебнуть шампанского. Сидевший ближе всех к девушке курсант впоследствии всегда заканчивал рассказ об этом своем приключении в то достопамятное утро словами: "Ну, не все ж они такие крикливые. Я, конечно, женюсь... Потом..." После чего вздыхал и добавлял: "Если смогу..." А паренек, всю дорогу с отстраненным видом безмятежно ковырявшийся в носу, затряс головой и переместил палец в левое ухо.

Фи, как неделикатно! И это язык Пушкина? Тот самый, на котором Бог говорит с русскими? Нет, классики такого себе не позволяли. Просто возмутительна та легкость, с которой современные бумагомаараки смакуют корявыми своими перьями всевозможные физиологические отправления своих героев. Описывается, к примеру, сосисочно-розовый отросток, сверхъестественно напряженный и полностью нацеленный на объект вождения, грот любви, если излагать высоким стилем. Трепещут в ожидании слияния, само собой, оба. Поэтические натуры при этом по лире нежно ударяют, прочие роют копытами землю. До приличий ли тут? Сдается крепость, рыдая слезами радости, когда сладкая боль приближает наслаждение. Еще наносятся возвратно-поступательные удары, скребет и сладострастно кружит в запретной тьме желанный гость, но близок уж экстатический момент! И, наконец, вынимает герой палец из носа и внимательно рассматривает скромную добычу на натруженном щупальце.

Тем временем набиравший скорость трамвай вылетел из полосы дыма и оказалось, что с обеих сторон его сопровождают не сказать чтоб дружелюбного вида всадники. Все сомнения по поводу их намерений, если таковые и были, отпали сами собой после того, как сразу несколько вагонных стекол разлетелось вдребезги. Может быть где-то и принято именно так здороваться, заводить новые знакомства? - но только не в Горюхине! Скромный трамвай будто по мановению волшебного жезла изменил свою недоступную обычному зрению суть, превратившись пусть в карликовый, но бронепоезд.

Ах, какая последовала драка - в лучших традициях жанра! Князь Вяземский в девятнадцатом веке не успел бы даже открыть обтянутый зеленым сафьяном футляр с пистолетами Лепажя, дабы, согласно дуэльному кодексу, предложить их дуэлянтам - так вот, он не успел бы это сделать за то время, которое в веке нынешнем потребно, чтобы мордобой оказался в полном разгаре. При этом никто даже и не пытался симулировать мыслительный процесс, что придало схватке естественность природного явления, плачевного по последствиям, но прекрасного своей непредсказуемостью.

Все портили только слишком серьезные мужские лица. Но с этим ничего не поделаешь - такое уж мужчина существо, бесхитростное, но вечно

озабоченное поддержанием на должной высоте своей репутации. Посмотреть хотя бы так называемые фильмы для взрослых: ведь в них любая женщина в меру своих актерских способностей, пусть более чем скромных, лицедействует тем не менее с полной отдачей, изображая томленья страсти неземной и восхождение к вершинам экстаза, без стеснения показывая все свои таланты и все остальное, что еще она может откровенно показать. А мужики в тех же фильмах? Почти никаких эмоций, у всех деловые, озабоченные физиономии - не поймешь, то ли он любит, то ли в тени кладбищенских сосен произносит прощальное слово над телом безвременно ушедшего товарища.

Когда лоснящиеся крупы мчащихся галопом мустангов оказались на расстоянии вытянутой руки от вагонных окон, индейцы пошли на абордаж.

- Вход только через переднюю дверь!- верещала вагоновожатая, давя на педали и наблюдая в зеркало заднего вида, как полуголые люди, спрыгивая с коней, виснут на окнах. Горюхинцам в вагоне слышалось нечленораздельное: "Одоль орез дюдерь!", ставшее как бы лозунгом сопротивления.

- Сама ты дюдерь одоль! Бинтуйтя хруди!- орал мужик в сине-белой майке, в бешеном темпе доставая из портфеля бутылки синего стекла и швыряя их в оскаленные лошадиные морды. Стоящий рядом с ним студент оценивающе взвесил на руке едва початую бутылку шампанского, но бросать не стал, а, оглядевшись, подобрал с пола пробку и закупорил бутылку. После короткого размышления он засунул ее в туго обтягивающие чресла джинсы, не найдя, видимо, более надежного места, и огляделся.

По правую сторону вагона два индейца висели на окнах, пытаясь подтянуться и пролезть в салон. Однако всякий раз, когда они оказывались близко к цели, стоящая рядом женщина, прикусив губу, начинала без разбора лупить здоровенной рыбиной по голым спинам и лысым татуированным головам, во время коротких передышек утирая локтем пот с лица.

У противоположного, разбитого в самом начале окна, пристроился паренек с рогаткой. Пулял он гайками на четырнадцать, причем довольно метко, по каковой причине, надо полагать, вопли нападавших было гораздо лучше слышны именно с его стороны. Спину снайпера прикрывала старушка с инвалидной палкой. Когда в пределах ее досягаемости оказывался очередной индеец, бабушка начинала молотить своей клюкой по чем ни попадя, приговаривая при этом: "А не лезь, минок, без билета! Ох, не лезь!"

Рядом в поте лица курочили поручни курсанты, добывая оружие для драки и расстегнув по причине аврала верхние пуговицы гимнастерок. За одного из них, потерявшего бдительность, схватился скачущий рядом с вагоном индеец, попытавшись неожиданным рывком вытянуть отличника боевой и политической подготовки в окно. Нахрапом это не удалось, завязалась ожесточенная борьба. Противники пытели, наваливаясь друг на друга и выкручивая руки. Теряющий силы курсант вдруг обнаружил, что прижимается губами к волосатому уху индейца. "Укусю!"- подумал он, но тут же отмел столь недостойный воина прием и, недолго думая, что было сил свистнул в маячащее перед глазами ухо. Индеец оцепенел, упал лицом в гриву своего коня и, бессильно уронив руки, поскакал прочь.

Трамвай тем временем промчался мимо очередной остановки, даже не подумав притормозить. Поэтому пассажиры лишь мельком увидели городской Дом культуры, представлявший к тому времени совершенно фантастическое зрелище: из всех окон вырывались мощные языки синего пламени, по периметру

опоясавшие здание. Уже на порядочном удалении от крыши они сливались в огненный нимб. Здание, не претерпевшее никаких внешних изменений помимо описанных выше, более всего напоминало горящую на газовой плите гигантскую конфорку.

Крыша вагона загрохотала под ногами индейцев, которым удалось на нее вскарабкаться. Шаги были слышны несколько секунд, затем один индеец неожиданно, в том числе и для себя, оказался внутри трамвая, провалившись сквозь дыру в сгнившем брезенте переходника, соединяющего секции вагона. Второй упал не так удачно, приземлившись, как пишут в протоколах, областью паха на массивную скобу белого металла, проходящую под брезентом. В вагоне были видны лишь несколько раз конвульсивно дернувшиеся ноги. Насколько известно, ни эти конечности, мирно покачивающиеся под стук колес, ни их хозяин в дальнейших событиях участия не принимали.

Первый индеец, поднявшись, оказался перед студентом. Между ними болтались чьи-то ноги, мешавшие сразу перейти к активным действиям. Студент, приняв боксерскую стойку, подпрыгивал и скакал из стороны в сторону. Намеревавшийся было напасть дикарь вдруг замер, уважительно разглядывая солидное утолщение, выпирающее из джинсов противника. Студент все еще скакал на одном месте, когда не выдержавшее такого издевательства вино глухо хлопнуло пробкой и окатило оторопевшего индейца излившейся прямо из ширинки сладкой пеной. Бог весть, что подумал обо всем этом индеец, но в окно он сиганул без малейшего на то принуждения со стороны.

К этому времени курсанты отодрали, наконец-то, столь приглянувшиеся им поручни и несколькими ударами высадили последние уцелевшие в вагоне стекла, расчищая место для драки. Но когда подготовительные работы были закончены, выяснилось, что индейцев и след простыл. Утыканный стрелами трамвай постепенно замедлял ход и, наконец, остановился, оказавшись аккуратно посреди городской свалки. Как добрался он в места, куда не проложены были трамвайные пути? Что ж, в жизни приключается всякое. А вдали, постепенно заглушаемое шелестом мусора и стотысячным хором чаек, все менее различимо становилось цоканье копыт.

Ну и каково вам это, милостивые государи, покажется? Как философски тонко подведена, можно сказать, черта - нехорошо, мол, так. В человеке, дескать, все должно быть. И лицо, и одежда справная. Токмо первое предпочтительнее иметь в натуральном виде, без кровоподтеков. Там, конечно, расчудесно, где нас нет, но есть места и покруче нашего. А потому не лез бы ты, собачий сын, в свару, а то ведь все мы благодаря тебе в два счета черт-те где окажемся. Причем не исключена возможность попадания в качестве клиента на кладбище, куда нормальные люди не торопятся.

Впрочем, не стоит излишне драматизировать происшедшее. Никто ведь, в конечном итоге, серьезно не пострадал. А небольшое выяснение отношений, пусть даже излишне эмоциональное на взгляд стороннего наблюдателя - да кого оно может смутить в городе, где достижение справедливости традиционно считается личным делом каждого, а не только людей, обремененных высшим юридическим образованием.

Возникшую было тягостную паузу прервал Владимир.

- Зачем? - повторил он свой вопрос.

- Только между нами,- тон Фаддея стал доверительно-ласковым.- Интерес мой к вам - глубже не бывает, поверьте. Вы ведь, извините за прямоту, мой брак. Ошибка, требующая немедленного исправления. Объясните ради всего...- ферт сделал паузу и со вкусом продолжил:

- ...не побоюсь этого слова - святого - к чему все это было?

- О чем ты?

- Да все эти благоглупости, Владимир Андреевич, с оскорблением, с честью, с дуэлью этой дурацкой... с пистолетом, наконец. Ах, какие страсти! Ну, бывает - причудилось что спьяну, или еще бывает со страху стреляются, а вам-то что за резон был - не пойму.

Фаддей Пафнутьич сделал неуловимый жест рукой и на серое застиранное покрывало упал комочек свинца. Боль пронзила все тело Владимира, он дернулся и застонал, как будто пуля опять вошла в его грудь.

- Извините, не рассчитал,- расстроено крикнул Фаддей и смахнул пулю с кровати на пол.

- Жить вам осталось всего ничего. Бренное свое существование добровольно сменили вы на загробную жизнь с весьма туманной перспективой. Этому...- желтый от табака палец многозначительно указал вверх:

- Этому вы не нужны по вполне понятным причинам - сами на себя руку поднять осмелились. А он этого ох, как не любит! Убей вы кого другого, так он бы еще подумал. Ну, а так...

Ферт перекинул ногу на ногу и продолжил речь уже в более деловом тоне, не лишенном, тем не менее, дружелюбия:

- И проходите, стало быть, по моему департаменту.

"Бред какой-то",- подумал Владимир и отвернулся: "Скорей бы все это кончилось."

- Напрасно изволите беспокоиться, милс-с-сударь! Времени у нас еще предостаточно.

Владимир увидел над спинкой кровати висящие в пустоте часы, маятник которых, сделав несколько размашистых движений, застыл в крайнем положении.

- Жизнь свою просадили вы ни за понюх табаку, так не угодно ли отыграться? Всяк есмь хозяин недрам своим...

Фаддей Пафнутьич захихикал, и вдруг по невидимому в темноте полу дробью рассыпались светящиеся игральные кости. Очень разные, от гигантских до совсем крохотных, они сталкивались, подскакивали и снова катились в разные стороны, пока не остановились - на всех выпала единица.

- Дешевка...- пробормотал Владимир,- убогая театральщина...

- Согласен!- сразу отозвался его собеседник.- Увы...

Он наступил на подкатившийся к ботинку кубик. Когда тот хрустнул, исчезли разом все игральные кости.

- Обожаю лицедействовать...- извиняющим тоном заговорил Фаддей.- Поносят меня за эти штучки все, кому не лень, а ничего с собой поделывать не могу - люблю эффекты. Да и кто к ним равнодушен?

Ферт хмыкнул.

- Вот вы, к примеру. Зачем стрелялись-то? Неужто совесть в ком пробудить возжелали? Ох, гордыня... Совестьливый человек, что юридический на паперти - при случае только ленивый не пнет в морду. Да кто ее видел, эту пресловутую совесть? Человеческая придумка для оправдания всяческих глупостей.

С каждой фразой Фаддей Пафнутьич повышал тон:

- Вы же в Бога не веруете, совесть на принципы меряете. Злом сильна любая разумная тварь, и чем раньше эту истину постигает - тем большего достигнет. А верящий в добродетельную сущность человека - уже раб. Влез в вериги совестливости - ну и ползай, батюшка, всю жизнь на коленях.

Фаддей небрежно бросил окурок за спину.

- Али книжек поначитались? Верно, пожалуй, что нет хуже яда, чем чернила да типографская краска. Слепые евнухи вяжут словеса в сети, уловляют слабоумных себе в компанию... Мразь, на лопату бы ее - да в печь. Да выгоды с того шишь, не горит эта грязь то. Вот плоть полыхает с нашим удовольствием, видели не раз.

В голосе явно зазвучала издевка:

- Предназначение, добро, Бог... А ведь он для вас ничто, книжный персонаж, не более того, и давно оставлен в небрежении. Ударились в язычество, и достаточно для этого оказалось зависть возвести в религию...

- Слишком много слов. Эту сковородку я уже лизал, можешь не усердствовать,- прервал его Владимир.

- А как же иначе?- удивился Фаддей. Он изобразил на лице изумление, не приложив при этом ни малейшего усилия сделать это сколько-нибудь достоверно.

- Чему вы поверите, кроме слов? С тех пор, как мания достижения социальной справедливости оформилась в теорию классической...- он засмеялся:

- Извините, конечно же - классовой борьбы, и сладкий лозунг "Грабь награбленное!" заимел под собой научную базу - что изменилось?

Фаддей издал фыркающий звук и развел руками:

- Все одно, что вбивать гвоздь в стекло: задумка интересная и смотрелось бы, наверное, оригинально - но ведь ничего из этого никогда не получалось и не получится, кроме груды мусора. Но - приходит новый кумир, наболтает ерунды, взгоношит народ и снова - кувалдой!

Где-то во тьме разом рухнули сотни стекол и Владимир вздрогнул от неожиданности, когда крупный осколок зеркала вонзился в спинку кресла позади Фаддея.

- А вы все одно - верите,- закончил Фаддей с неожиданной горечью в голосе.

6

Отдышавшись и собравшись с силами, индейцы неторопливо продвигались к... да кто его знает, куда их несло на этот раз!? Важно то, что благодаря малой скорости гостей города удалось наконец-то рассмотреть во всех подробностях. В глаза сразу бросалось некоторое однообразие в одежде, амуниции и вооружении, отдававшее казармой. Однако наиболее существенной деталью всеми без исключения аналитиками была позже сочтена некоторая озабоченность, явственно ощутимая несмотря на толстый слой краски, покрывавший лица индейцев. Это вызывало сочувствие даже в самых черствых сердцах.

Не пристало солдату задумываться, его дело команду исполнять, да, вытягиваясь во фронт, поедать глазами начальство. Задумчивый солдат вызывает чувство тревоги не только у отцов-командиров, но и у мирного населения. Всякий знает, что солдатскую форму одевают менее всего для того, чтобы предаваться размышлениям.

Проехав несколько кварталов и не тронув никого из попавшихся по пути обывателей, которые, разинув рот, провожали их взглядами, индейцы приостановились, лишь повстречав Сергея Альбертыча. Кони обступили его со всех сторон, а всадники с некоторой как-бы растерянностью уставились на лысину нашего старого знакомого.

- Вы чего это? - встревожился Сергей Альбертыч, робко пихая кулаком в черно-белый круп ближайшего жеребца. В следующую секунду, после того, как один из индейцев, нагнувшись, провел рукой по его лысине, растерянность сменилась гневом. Сергей Альбертыч, что типично для брюнетов, в том числе и бывших, вспылчив был необычайно.

- Понаехали тут всякие! - рявкнул он, размахнулся и врезал все еще пустым бидончиком по лошадиному хребту. Конь дернулся, но ни на кого из всадников эта акция протеста не произвела, казалось, ни малейшего впечатления. Индейцы тронули поводья и кавалькада, сохраняя угрюмое молчание, продолжила свой скорбный путь.

Проследи мы их дальнейший маршрут, что не составило бы ни малейшего труда благодаря многочисленным кучкам переваренного сена и овса на асфальте, в которых до полудня с восторгом ковырялись непривычные к такому лакомству городские воробьи, выяснилось бы, что следы теряются у горюхинского универмага. Нечто необъяснимое произошло в этом магазине, один из отделов которого оказался в то утро начисто разграблен.

До описываемого дня торговля париками шла в Горюхине ни шатко, ни валко. Так, изредка, к прилавку и стеллажам, на которых в художественном беспорядке расположилось несколько десятков болванок, обезображенных накладными волосами всевозможных цветов, подходил любопытствующий и продавщица не торопясь демонстрировала ему товар. Иногда дело доходило и до примерки, но не более того. Однако все изменилось, когда в магазине объявились индейцы.

Припарковав своих лошадей у входа, они разбрелись по первому этажу, с вялым интересом разглядывая змеящиеся тут и там очереди.

Сорок человек, дышащих в затылок друг другу, вытягивающих в одном направлении шеи и нервно переминающихся на месте, являют собой весьма любопытное зрелище для неокрепшего ума. Пытаясь постигнуть смысл таинственного ритуала, один индеец попытался влезть в очередь, но получил энергичный отпор. Заинтригованные индейцы посоветались, затем выстроились в колонну по одному и дальше, сквозь неприязненные взгляды и реплики, продвигались именно так, приплясывая, тряся копьями и время от времени вздевая руки.

Так добрались они и до отдела, в котором, судя по всему, не сразу поняли, с чем имеют дело, хотя интерес проявили явный. Один из индейцев, уткнувшись в прилавок, уставленный париками, ухватил за кудряшки выставочный экземпляр и легонько потянул. Затем нахлобучил его обратно на подставку, снова стащил...

- Это на голове носят, вот здесь,- постучала себя пальцем по виску продавщица, когда индеец начал примерять парик на пояс. Но последний каким-то образом уже прицепил парик к ремню и потянулся за следующим. Его соплеменники, уразумев нечто, недоступное пониманию продавщицы, галдя и отпихивая друг друга полезли через прилавок.

Парики шли нарасхват. Несколько расстраивало продавщицу то, что при столь ажиотажном спросе на залежалый товар никто, судя по всему, не

собирался платить. Она пыталась возражать, но после того, как было сделано несколько попыток сдернуть с головы ее собственный скальп, решила, что, как женщина, имеет право вести себя скромнее и дальнейший погром наблюдала со стороны.

Товар был полностью разобран в считанные минуты. Куда затем делись индейцы - не заметил никто.

Владимир со все большим трудом различал в осколке зеркала мелькавшие одна за другой картинки, а Фаддей Пафнутьич с интересом наблюдал его реакцию на каждую сцену.

- И присягнули идолам, и жертвы кровавые принесли. Испытания ждут вас за то великие. Не семь, а семьдесят семь тощих коров пожрут коров тучных,- произнес он вдруг нараспев гнусавым голосом.

Владимир молчал.

- За каждым добрым делом угадывается или корысть, или честолюбие, а посему зло - оно честнее. Главная холера на человека - человек. Только не говорите мне о разуме! Неужто можно назвать разумной тварью существо, которое столь неутомимо истребляет колена свои, будто и не слыхивало о шестой заповеди? Одна бездумная тварь пожирает другую - и тем счастлива. И ничем человека не справишь...

В изножье кровати, наискосок, неуловимо промелькнула серая тень. Владимир быстро поджал ноги, его непроизвольно передернуло от омерзения. Фаддей невозмутимо проводил тень взглядом:

- Крыса несъедобна по определению. Просто потому, что она крыса. В каком количестве укуса ее не вымачивай.

- Слишком уж ты пристрастен,- отозвался наконец Владимир.

- И горжусь этим! Беспристрастность - лицемерное дитя равнодушия, и более ничего. Человек приходит на этот свет нищ и гол, и душу свою бессмертную получает в кредит. А выплачивать приходится всю жизнь и редко кто успевает это сделать. А как хочется оставить по себе след!

Фаддей с фальшивым сочувствием покачал головой.

- Вот и внушает себе почти каждый, что мир - это валяющийся в крапиве вросший в землю жернов, и что перевернуть его так же просто. А после пыхтит бедолага, надрывается. А когда дело сделано, видит он бледные ростки невзрачных растений, прозрачные личинки и зарывающихся в землю червей. И думает, что дошел до сути. А он всего и сделал, что перевернул камень.

Фаддей усмехнулся:

- У собак оно гораздо проще: задрала лапу на столб, отметилась - вот вам и самовыражение. А человек совсем не то! кто же спорит? Уж если он гадит, то с размахом.

Тьма в помещении сгущалась.

- Мучиться ничтожностью своей и подлостью, мстить невесть за что - вот это по вашему. Подлость людская безгранична. И сравнить не с чем.

Владимир попытался встать, но снова потерял сознание.

7

Так прошло в городе утро. А к тому времени, когда минуло двенадцать и солнце съело почти все тени, уже совсем другие события поражали воображение горюхинцев, то повергая их в изумление, то вызывая уныние.

Несколько пациентов местного бедлама, отпущенные с утра на вольные

хлеба, уже к ужину возвратились в свой родной желтый дом. Один из них, а именно тот, в истории болезни которого на каждой странице несколько раз упоминалась фамилия Буденный, категорически заявил своему лечащему врачу, что согласен на совместное проживание, но только с нормальными людьми - почему, мол, он и вернулся.

Подкручивая несуществующий ус, он напомнил, что всегда и всем говорил - только тачанка да лихая шашка надежно защитят город. Лошадка завсегда прокормится, а с бронетехникой - одни только сплошные хлопоты. И рассказал, смакуя подробности, невероятную историю.

Якобы из местного гарнизона сбежало многотонное чудовище, танк образца тысяча девятьсот ...сят ...ого года, который сперва катался в свое удовольствие по Горюхину, вселяя немалые опасения и в горожан, и в индейцев. Кто там внутри стальной коробки орудовал рычагами - этого в точности не знал никто, поэтому слегка побаивались его на всякий случай все.

Поначалу танк был бодр и весел. Пролетит, бывало, по главной улице и, не переводя дыхания - куда-нибудь на пленер. А уж там выберет местечко поукромнее, замаскируется и - ба-бах! но без всякой злобы, буквально парочку пристрелочных шуганет шрапнелью по ближайшей роще, напугает местных ежиков и пейзажников, обдирающих малинник - и катится себе, довольно похрюкивая, на очередной парад.

Но постепенно движения танка теряли былую резвость. Затем городские власти стали время от времени получать от его экипажа радиogramмы с категорическими требованиями пайка и постоя. Тогда за отсутствием и того, и другого, стальную колесницу отправляли пострелять боевыми куда-нибудь на окраину, откуда он... то есть она... тьфу ты! - танк, возвращался все более и более потрепанным и озлобленным.

Иногда танк, вернувшись с гастролей, выключал двигатель и надолго замирал на каком-нибудь перекрестке. В полной тишине крутилась башня, орудийный ствол задумчиво разглядывал окна на фасадах окрестных домов. Когда рассказчик видел его в последний раз, танк был похож на надрвавшегося и ищущего ссоры угрюмого биндюжника, которого все старательно игнорируют.

Во все время исповеди в углу кабинета глухо бормотал что-то свое старенький черно-белый телевизор. Шли новости ближнего зарубежья.

Сообщалось, что некие пограничные племена под впечатлением совместных учений воздушно-десантных войск нескольких сопредельных им стран, с которыми они не на шутку заружились в последнее время и собирались даже заключить военный союз, решили доказать свою боевитость аналогичными маневрами.

Пришлось им, правда, закрыть несколько лазаретов и школ, но денежку на аренду транспортного самолета они наскребли. Даже осталось немного на приобретение рюкзаков, к которым были затем пришиты элегантные кольца. Ну, а внутрь уложили предметы первой необходимости, как-то: запасные перья, точильные камни и всевозможные амулеты.

К сожалению, ни один рюкзак в свободном полете не превратился в парашют. Советом племени объявлен траур.

Врач это сообщение пропустил мимо ушей, а поскольку по причине суточного дежурства с последними событиями в Горюхине был не в курсе, то и прописал полководцу в профилактических целях лошадиную дозу амнизина, посчитав его рассказ за бред воспаленного сознания. Что ж, пострадать за правду и сладостно, и приятно.

Вторую историю рассказал за обедом возвращенец, некоторое время гостивший у своей деревенской родни.

Будто бы провел он это время, наблюдая весьма интересный индейский ритуал.

Внешне все походило на праздник: радостные, одухотворенные лица, заливиный детский смех. Народу собралось видимо-невидимо. И каждый взрослый держал в руке копьё с прищандоренным к древку лавровым веночком.

Рядом, в построенном из сухого камыша павильончике, местные умельцы сноровисто украшали татуировками модных в этом сезоне цветов вальжанные фигуры начальственного вида, которые до этой процедуры заметно отличались цветом кожи от окружающих. Туда, в сарайчик, прокрадывались они как-то тайком, но на выходе уже практически невозможно было ни по походке, ни по каким иным приметам отличить их от индейцев.

Постепенно стихли песни, прекратилось хаотическое движение толпы, все сели на корточки, образовав круг. В центр вышел человек и при всеобщем молчании заговорил. Речи его были, наверное, слишком здравы и взвешены, что настроению присутствующих абсолютно не соответствовало. С каждым словом лица собравшихся делались все скучнее. Когда первый оратор закончил, проводили его скорее шиканьем, нежели аплодисментами.

Все переменялось, как только всеобщему обозрению предстал следующий индеец. Он выскочил в круг семенящей походкой, энергично двигая всеми частями тела в ритме охотничьего танца. Еще ничего не сказав, лишь пройдясь таким манером, он завел толпу, которая стала имитировать его движения и отбивать ритм, одобрительными выкриками поощряя особо удачные па.

Обойдя круг, танцор одним прыжком оказался в центре и энергичным жестом воздел к небу левую руку, в которой, раздуваемая ветром, болталась связка разномастных то ли скальпов, то ли еще чего, и громко, хотя и неразборчиво, выкрикнул: "Ааа-а-а!" Почти все присутствующие в радостном порыве подхватили этот клич.

Затем, не прекращая танца, выступающий нацепил скальпы на копьё, превратив его в стилизованное подобие метлы, и сделал несколько жестов, имитирующих рабочие движения дворника, закончив это упражнение угрожающим воплем: "Ууу-у-у!", тысячекратно повторенным толпой.

Закончилось это выступление сделанным с места назад сальто, слезами в глазах танцора и проникновенным криком: "Ооо-о-о!", сопровождаемым убедительным и трогательным протягиванием рук к окружающим.

Что тут началось! Слезы умиления пролились полноводной рекой, сдернутые с тысяч копий лавровые венки полетели в триумфатора, который, не теряя времени, принялся их пересчитывать.

Этот ритуал повторился несколько раз, но отличия от описанного выше были столь незначительны, что не стоят ни малейшего упоминания.

- А ты что там делал?- безразлично спросил рассказчика его сосед, занятый намазыванием на черствую горбушку микронного слоя масла.

- Да у меня тоже был веночек, только на меня, в общем-то, никто внимания не обращал,- послышалось в ответ,- не твоего, мол, ума дело.

Кто-то из выздоравливающих весьма здраво заметил на это, что напрасно индейцы полагают столь уж непостижимой пресловутую эту индейскость души.

У нас, мол, выборы проходят аналогично, только вместо скальпов кандидаты обычно размахивают чем-то гораздо более неприличным, не содранным, а оторванным. Но в этот момент на стол поставили тарелочки с повидлом из сгнивших еще до сбора урожая фруктов и обмен мнениями прекратился сам собой.

Владимир раскрыл глаза и с удивлением обнаружил себя в знакомой до тошноты квартире, где не было ни опостылевшего собеседника, ни иных каких чудес. За окном то ли рассветало, то ли смеркалось. По-прежнему горела настольная лампа.

Правая рука Владимира, прижатая к груди, затекла. Владимир попробовал ее разогнуть, но оказалось, что запекаясь кровь намертво приклеила ладонь к простыне, а ее - к телу. Владимир лег поудобнее, собрался с силами и, помогая себе левой рукой, дернул что было сил правую...

В следующее мгновение он увидел перед собой все тот же сияющий белизной тоннель, а затем, когда глаза привыкли к свету, и Фаддея в его великолепном зеленом фраке.

- А я уж было решил, что потерял вас, топ cher,- приветливо улыбнулся тот.

- Опять...- застонал Владимир.

- Не надо меня бояться,- голос Фаддея стал серьезен и печален. Он перешел на "ты":

- Я, поверь, не самый худший советник. Твоя беда состоит в нелюбви по отношению к самому себе. Почему ты решил, что в долгу окружающему миру? Зачем трогает тебя его судьба? Кто позволил тебе навязывать людям свою мораль?

Владимир, стараясь не делать резких движений, медленно приподнялся и сел. К великому своему удивлению, никакой боли он не испытывал.

Наблюдавший за ним Фаддей предложил вдруг:

- А не прогуляться ли нам?

Владимир встал - и они пошли.

8

Пустеющий к вечеру, город был необыкновенно хорош в час заката. Владимир с забытым удовольствием разглядывал знакомые улицы и даже раздражавшие его обыкновенно лозунги на крышах домов не будили в нем сегодня никаких чувств, кроме тихого умиления.

Уже в сумерках остановились они в примыкающем к городской площади сквере.

- Зайдем?- Фаддей приглашающе тронул плечо Владимира и кивнул в сторону едва заметного среди деревьев пестрого шатра.

- Почему бы и нет?- пожал плечами Владимир.

Внутри было сыро и холодно. Владимир невольно поежился, попав в этот, как ему показалось, подвал.

Несколько софитов освещали только небольшую сцену, на которой Владимир с изумлением обнаружил точный макет Горюхина. Только вот выглядел город как-то странно и более всего походил на прокаженного, которому уже наплевать на то, как он выглядит. И делать с ним можно что угодно - он все равно не чувствует боли.

Владимир подошел поближе и поразился той дотошности, с которой

неведомый мастер сотворил и сам макет, и наводнявших его кукол.

Вдруг он обнаружил, что куклы движутся. Они вели себя как люди, лишь марионеточное вихляние выдавало их рабскую зависимость от невидимого кукловода.

Самая пестрая компания собралась на разбитой брусчатке площади, точной копии горюхинской.

У импровизированного костра русобородый молодец в черной косоворотке угощал сигаретами цыганистого вида парней. Чуть дальше престарелые хиппи, дергаясь в едином ритме, сиплыми голосами уверяли окружающих, что их адрес не дом и не улица, а желтая подводная лодка.

Обед - он и в Африке обед. Уму непостижимо, как некоторые учреждения работают без него, если не работать без обеда - и то тяжело.

Однако обшарпанная полевая кухня, из которой, видимо, кто только не хлебал во время оно, пускала ароматные ветры в тени раскрашенных пенопластовых лип на краю макета, не допуская до себя топчущихся вокруг изголодавшихся мужиков с котелками - ближе к вечеру, судя по всему, ожидался приезд начальства.

Иногда игрушечный город накрывало мохнатой тенью парящей под куполом балагана огромной летающей тарелки. В отблесках света титаново переливались ее фантастические очертания - имитация плода вдохновенных трудов лучшей в мире технологии. Вряд ли заносило ее когда-либо в иные галактики, но гордо реющий над бортом цветастый прорезиненный флажок, украшенный несколькими дюжинами звездочек, позволял с полным основанием причислить этот фантастический агрегат к звездолетам.

Аппарат проходил над городом на бреющем. Порой он зависал в каком-нибудь месте и тогда дюзы его двигателей шевелились, как принохивающиеся к чему-то ноздри. Затем в брюхе летающей тарелки открывался люк, и мощный смерч, верхний конец которого уходил в эту дыру, втягивал туда все, по чему проходил своей пастью на земле.

Различить можно было самые различные предметы, поднимающиеся по спирали ввысь, но больше всего поразил Владимира косяк огромных подводных лодок, взмывших к импровизированным небесам в этом водовороте наоборот и бесследно исчезнувших в чреве звездолета.

Кукла, изображавшая средних лет даму в красной косынке, неподвижно стояла среди снующего по площади народа, прижав к животу чей-то портрет. Рядом с ней, рассевшись прямо на мостовой, молодежь баловалась портвейном, то и дело бросая куски хлеба и колбасы ухоженному, но очень голодному пуделю.

Расположившиеся неподалеку и раскрашенные во все тона зеленого марионетки внимательно наблюдали процесс кормления. Когда пес подавился колбасной шкуркой, они, под звуки флор-н-фауна, набросились на подавших доброты, нещадно избивая их палками.

Неопределенного пола создания, и в реальной жизни тусующиеся обыкновенно вблизи памятников, терлись затылками в кожу задами о постамент и активно строили глазки переминающимся с ноги на ногу разряженным в камуфляж богатырям, сгрудившимся по соседству.

Повсюду, несмотря на поздний час, сновали дети пенсионеры, сбившись в тесную группу, скандировали что-то слабым нестройным хором.

В общем, типичное горюхинское ополчение в предмитинговом состоянии. Где-то так на девятом месяце. На сносях.

Сама площадь представляла из себя жалкое зрелище. Часть булыжников, позаимствованных из ее покрытия и планируемых для строительства так и не возведенных в итоге баррикад, была использована при отделке стоящей на отшибе триумфальной арки. Оставшиеся после этого ямы заполнил грязью пролившийся в полдень дождь.

Владимир разглядывал вооруженные фигурки, рассеявшиеся у костров по обе стороны арки. Слева в полной тишине из рук в руки переходила трубка с длиннющим чубуком, справа заливалась гармошка.

- Они что, враждуют?- спросил он. - А по какой причине?

Фаддей пожал плечами:

- Особенность материала... Так уж они выструганы. Чего иного ожидать от марионеток?

Внезапно на площадь, скрипя тормозами, вырулил броневладелец, на капоте которого гордо стоял белый эмалированный чайник. Толпа пришла в неопределимое волнение.

Шикарный разворот закончился печально: авто село передними колесами в глубокую яму. Побуксовав минуту-другую, водитель заглушил мотор.

Неуклюжий адъютант, подскочивший к задней дверце, никак не мог справиться с замком. Вдруг дверь распахнулась под нанесенным изнутри ударом ноги, и объективом кинокамер предстал тот, ради кого собрались присутствующие.

Фигуру эта кукла имела ничем абсолютно не примечательную, но вот голос... Голос прямо-таки по-генеральски прозвучал на всю округу:

- Товарищи! Процесс стоит с усей судьбоносностью...

Марионетки на площади вытягивали шеи, пытаясь разглядеть говорившего.

- Втянуть в это увесь народ - закономерно. А потом мы его накормим. Не глядя на трудности. Прохрамма у нас уже имеется. Тезис один, товарищи: для козы и цветочный магазин - продовольственный. Ставлю на холосование...

Грянули бурные аплодисменты.

- И если ухлудить консенсус, то это можно только приветствовать. На паритетных началах. Я и сам работал механизатором. Но это во-вторых...

Окружившие броневаля куклы, раскрыв рты, внимали откровениям генерала. Наиболее простодушные, засучив рукава, прилагали все усилия, чтобы вытащить машину на сухое место. Генерал продолжал:

- Процесс пока не пошел. Зато сидит он красиво - спасибо товарищам на местах. Только когда ходит - хромает. Мне об этом письма идут, я перевариваю их усе...

Слушатели как-то заскучали, ряды их стали редеть.

- И мы усе должны, как один. Мы смохём, я уверен. То есть поднять наши орханы на должную высоту. Со всей твердостью. Это будет ориентир для всего общества. Это во-первых. Потребуется революционная выдержка...

Пространство вокруг генерала совсем опустело. Рядом остались только самые верные куклы. Они огляделись в поисках возвышенности, с которой оратора было бы лучше видно, но, не обнаружив ничего подходящего, подняли его на руки.

То ли столь головокружительная высота сделала свое дело, то по какой иной причине, но стиль речи сильно изменился:

- Ты паимаишь, какое дело... Отдай стакан, засеря... И-и-и... Как выпишь, так, я бы сказал... и мысли кудрявые приходят... За-а-а... смысле жизни... Я-я-я...

Но! Если дать музыкантам выпить, то-о-о... хоронить будит некрасиво...

Снова собрался народ. Последние слова утонули в овациях.

- Ну-у-у... и я... там сидел. Но чтой-то ощущать не мог, а-а-а... говорить практически тем более.

Он смачно харкнул. Плевок шлепнулся на кого-то из соратников.

- Во-о-от - эти... Обгадятся, паимаишь, в худшую сторону... Непонятно. Я-я-я... как главный скажу: мне тоже.

Генерал слез с рук своего окружения и устался на подведенного к нему адъютантом коня.

- Что за клячу ты мне привел? А она не брыкается? - поинтересовался он вновь изменившимся голосом.

- Это, товарищ генерал, не она, а он,- сообщил тот.

- Поговори мне еще, пипка потная! Живо станешь не он, а оно, подонок,- брюзгливо отозвался генерал, взгромоздился на жеребца, шлепнул его стеклом и конь как-то боком двинулся к строю выстроившихся под пестрыми штандартами усачей.

Пройдя метров десять, жеребец наступил в лужу, попал ногой в яму и, конечно, сломал ее с деревянным хрустом.

Скатившийся с коня генерал ругался все время, потребовавшееся обслуге, чтобы привести его в божеский вид. Затем подошел к храпящему на земле коню, достал из кобуры пистолет, передернул затвор, вставил дуло в ухо коню и выстрелил.

- Прощай, мой боевой товарищ...- произнес он.

Генералу подвели другого коня.

- И передайте бургомистру, провокатору, что если и этот урод покалечится, то дальше я на нем поеду - однозначно!

Проезжая мимо полевой кухни, генерал обратился к повару:

- Какая каша?

Повар помешал поварешкой дымящуюся жижу, понюхал и осторожно отхлебнул:

- Черт его знает!- пожал он плечами.

Генерала понесло:

- Мерзавец! Предатель! Я тебе прибую губу к перилам! Негодяй! Ты!.. у меня!.. на коленях зайца догонишь! Я отвечаю! На полный рот козявок!..

Владимира замутило и он вышел на свежий воздух.

- Итак? - подал голос Фаддей.- Вариантов не так много... Хотя главное, конечно, чтобы он вообще был, выбор.

Он стоял, опершись на свою трость, и казался очень усталым. За его спиной простирался настолько ярко освещенный по одну сторону проспект, что уже в десяти шагах не видно было ничего, кроме света. Противоположная сторона улицы шла под уклон в полной темноте.

- Что посоветуешь? - спросил Владимир. Фаддей Пафнутьич вздохнул и молча, не торопясь, стал удаляться в темноту. Он уже полностью исчез из виду, когда до Владимира донеслось еле слышное:

- Думай...

Владимир повернулся спиной к балагану, пересек площадь и неспешно свернул...

...в узкую темную улицу, конец которой терялся за поворотом. Пройдя несколько десятков метров, он забыл обо всем, что осталось позади.

Под ногами горбились булыжники. По обе стороны от Владимира стояли дома, но было как-то неестественно тихо и покойно. Только где-то невдалеке выводила трогательную мелодию виолончель.

Дома причудливого вида с чуть светящимися в лунном свете белыми фасадами примыкали к глухим высоким стенам. Почти все окна были плотно закрыты ставнями и лишь из одного падал на мостовую узкий колеблющийся луч, исходивший, по всей видимости, от стоящей на сквозняке свечи.

Каждый дом имел свое лицо. Один, мимо которого как раз проходил Владимир, был украшен изящной башенкой, на фронте дома напротив застыли в немой молитве позолоченные деревянные фигуры святых. Крутые скаты крыши венчали диковинные флюгера.

Внимание Владимира привлек портал с выбитой поверху датой. Он как будто не в первый раз видел эту резьбу по камню и кованую дверную ручку в виде морского змея, но снова поразился искусству мастера.

За этим домом улица делала поворот и начинался спуск, в конце которого под мощной крепостной стеной, подпирая ее своим хребтом, расположилось приземистое строение почтовой станции. Дом и примыкающую к нему конюшню окружал невысокий забор, образующий просторный двор.

Владимир вошел в распахнутые ворота вслед за только что подъехавшим экипажем и привычно, как-будто проделывал это десятки раз, поднялся на крыльцо. Там он остановился, ожидая, пока из тарантаса, запряженного парой гнедых, не выйдет молодой офицер. Рассмотрев, что более в экипаже никого нет, Владимир прошел через темные сени, уставленные хомутами и всевозможными кадушками, во внутренние покои станции.

Весьма скромное убранство комнаты для проезжающих состояло из длинного стола, размещенного вдоль окон по всей длине помещения, конторки, на которой были аккуратно расположены принадлежности для письма, да небольшого, довольно потертого диванчика.

Владимир сел на диван и, взяв в руки лежащий рядом томик, погрузился в чтение.

Пожилый пехотный майор, молча кивнувший Владимиру в знак приветствия, продолжал свое неспешное чаепитие. Перед ним на столе стояли самовар и пустой полуштоф.

- Смотритель! - раздалось со двора. Затем стукнула дверь, в сенях что-то упало и покатилося. После донеслось:

- Черт тебя задери! Лошадей!

На пороге, озирая комнату, стоял давешний приезжий.

Смотритель, преклонных лет благообразный старик, закутанный в женскую шаль, подошел к нему с протянутой рукой:

- Извольте подорожную, господин офицер,- прошамкал он и, получив требуемый документ, встал к конторке, опустил на нос очки и, взявши перо, принялся его переписывать.

- Сделайте милость, поручик! - застегивая мундир, указал на место подле себя майор.- Прошу... Чем Бог послал. Какими судьбами в этой дыре? - спросил он и знаком потребовал у прислуги, босоногой растрепанной девки, еще бутылку.

- Разрешите представиться - гвардии поручик Березин. Из Ревеля в Петербург,- несколько высокомерно отвечал тот, присаживаясь.

- По службе али как?- майор уже скovyрнул сургуч с горлышка и наполнял рюмки из пузатой запотевшей бутылки.

- На масленицу представился мой grand-pere,- гвардеец перекрестился и поднял рюмку,- умер вдруг гнилою горячкою. Еду хлопотать о наследстве...

- Велико ли? - поинтересовался майор.

- Сущие пустяки... две деревеньки, всего души двести.

Собеседники выпили.

- Я полагаю, нехудо быть при богатой родне? - спросил майор, хрумкая соленым огурчиком.

- Какая, однако, дрянь! - воскликнул поручик, отодвигая рюмку и тыкая вилкой в тонко нарезанный балык.

- Мы тут живем тихо и прескучно,- меланхолично отвечал майор и расстегнул назад две пуговицы на мундире,- о кларетах и сотернах в этих краях и не слыхивали,- добавил он, раскуривая от свечи трубку.

Смотритель молча вышел из комнаты.

- Он положительно несносен. Лошадей! - нетерпеливо крикнул ему в спину поручик.- Мне мешкать невозможно.

- Увы...- улыбнулся майор.- В столице объявилась холера. На тракте карантин.

- Помилуйте,- озадачился неожиданным известием поручик.- Я имел переписку с братом - он этим годом выпущен в гусарский полк корнетом - и никаких сведений об этом не имею.

Он растерянно огляделся. Из-под гвардейской бравады на какой-то миг выглянул двадцатилетний мальчишка.

- А это что за господин? - спросил он, указав на Владимира.

- Какой-то француз. Смотрителя жена говорит - осьмой день сидит и никуда не едет, все в окошко поглядывает.

Майор снова взялся за бутылку.

- По-русски ни бельмеса, однако очень знает по-аглички. Водки не пьет, все Вальтер Скотта почитывает. Должно быть учитель или гувернер...

С тракта, со стороны, противоположной той, откуда прибыл поручик, донесся еле слышный звон бубенчиков.

- Как же так? - удивился, памятуя о карантине, майор. Владимир отложил книгу, ни одной страницы которой не перелистнул за все это время, и вышел на двор.

- Не иначе зазнобу ждет французик,- хихикнула в углу дворовая девка.

- Цыть! Ставь самовар, квашня,- осадил ее майор, однако и сам с интересом выглянул в окно.

А в ворота тем временем уже въезжала дорожная карета, на дверце которой едва видна была под пылью княжеская корона.

Владимир подбежал к экипажу, когда изящная женская фигурка в траурном платье черного шелка уже спускалась по ступеням.

- Душа моя, Марья Кириловна!- воскликнул он и припал к руке...

Спустя несколько минут француз укатил в карете таинственной незнакомки.

- Вам-с... от княгини-с...- торжественно объявил смотритель, ставя на стол несколько бутылок шампанского.

- Изрядно, изрядно...- бормотал поручик, повергнутый в восхищение видом стройной ножки, мелькнувшей из-под платья в скудном свете стационарного фонаря.

Когда выпито было и подаренное вино, и еще много какого другого, в комнате показалось жарко и майор распахнул окно. Поручик, подойдя, мельком оглядел двор и поперхнулся вином: у мусорной кучи, сваленной под забор, чуть прикрытая редкими кустами смородины, стояла жуткая тварь - огромных размеров мышь и громко хрумкала чем-то, выисканным на помойке. Вдруг, опершись на передние лапы, мышь привстала и быстро шевеля усами, стала принюхиваться. В ее заливке торчало что-то похожее на стрелу. Не обнаружив, видимо, никакой опасности, мышь снова полезла мордой в мусорную кучу. При этом, когда она повернулась, длинный кольчатый хвост смел оказавшиеся за ее спиной кусты. Под брюхом сверкнуло что-то похожее на розовую, но очень грязную подушку. Поручик зажмурился...

Он очнулся, когда в руке лопнул бокал и кто-то со смехом хлопнул его по плечу:

- Здешнее бордо, конечно, дрянь, но стоит ли так расстраиваться, поручик?- и протянул ему новый стакан:

- Послушайте-ка лучше, какая невероятная история приключилась со мной в польскую кампанию, когда занесла меня нелегкая в город N...

1994-1996, Нарва

СОДЕРЖАНИЕ

Болтовня вокруг стремянки	
Театральная повесть	3
Байки из склепа	45
33 оттенка зеленого	90

Автор приносит сердечную благодарность АО Ardi Group за финансовую поддержку данного.